

БИБЛИЯ, КОРАН И ТАЛМУД,

или,

БИБЛЕЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

МУСУЛЬМАН.

www.muhammadanism.org

October 14, 2006

Russian

**СОБРАНО ПО АРАБСКИМ ИСТОЧНИКАМ
И СРАВНЕНО С ИУДЕЙСКИМИ ПРЕДАНИЯМИ**

Д-РОМ Г.ВАЙЛЕМ,

**ЗАВЕДУЮЩИМ БИБЛИОТЕКОЙ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ЧЛЕНОМ-КОРРЕСПОНДЕНТОМ ПАРИЖСКОГО АЗИАТСКОГО ОБЩЕСТВА, и проч., и проч., и проч.**

**ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА,
СОПРОВОЖДЕННЫЙ ЗАМЕТКАМИ.**

[НЬЮ-ЙОРК, 1863]

THE BIBLE, THE KORAN, AND THE TALMUD;

OR,

BIBLICAL LEGENDS

OF

THE MUSSULMANS.

COMPILED FROM ARABIC SOURCES, AND COMPARED WITH JEWISH TRADITIONS.

BY DR. G. WEIL,

LIBRARIAN OF THE UNIVERSITY OF HEIDELBERG, FELLOW OF THE
ASIATIC SOCIETY OF PARIS, &c., &c., &c.

TRANSLATED FROM THE GERMAN,
WITH OCCASIONAL NOTES.

[NEW YORK, 1863]

СОДЕРЖАНИЕ.

АДАМ (МАГОМЕТАНСКАЯ ЛЕГЕНДА)	11
ИДРИС ИЛИ ЕНОХ	25
НОЙ, ХУД И САЛИХ	28
АВРААМ	35
ИОСИФ	50
МОЙСЕЙ И ААРОН	58
САМУИЛ, САУЛ И ДАВИД	85
СОЛОМОН И ЦАРИЦА САВСКАЯ	100
ИОАНН, МАРИЯ И ХРИСТОС	125

{iii} [В фигурных скобках указаны страницы английского оригинала — прим. перев.].

ПРЕДИСЛОВИЕ [АНГЛИЙСКОГО] ПЕРЕВОДЧИКА.

Д-Р ВАЙЛЬ в своем введении к этому труду отмечает, что основные материалы для него он почерпнул из подлинных арабских источников, которые, и по сей день, почитаются магометанами за Боговдохновенные жизнеописания древних патриархов и пророков.

Кроме того, следует добавить, что основные идеи этих магометанских легенд — то есть, их бросающаяся в глаза повествовательность, свойство, присущее историческим рассказам, равно как и наставительность или поучительность в отношении различных доктрин, которые в них либо выражены открыто, либо подразумеваются — все это и в самом деле содержится в Коране. В некоторых случаях в Коране приводятся даже мельчайшие подробности. И в самом деле, выглядит так, как будто эти легенды составляли, по крайней мере, часть того, что сам основатель магометанства определял как «Мать Книги». Он сам указывал на то, что эти истории предшествовали его Корану по времени и воплощали в себе те самые идеи, зачаточные мысли, из которых Мухаммед со временем и развил свою религию.

Вот эта самая идея и вдохновила на труд немецкого ученого-составителя. Она подкреплялась и тем фактом, что {iv} эти сказания должны были быть абсолютно неизвестны арабам до того, как Мухаммед начал проповедовать свое учение, пускай в Коране он и ссылается на них, как на истории, уже знакомые его слушателям.

Однако же, если это и в самом деле так, тогда становится совершенно очевидным, что факт определяющей роли этих легенд, которая всячески подчеркивается в Коране, наделяет их в глазах правоверного мусульманина авторитетом свыше. Ведь основой основ магометанского вероисповедания служит признание того, что все, содержащееся в Коране, ниспослано Аллахом. При первом же прочтении этих сказаний для писателя стало ясно, что этот материал может оказаться ценнейшим приобретением, будучи кратким изложением всей магометанской теологии и морали. А их своеобразный характер, постоянно встречающиеся в них упоминания о событиях из Священного Писания, с которыми большинство из читавших Библию должно быть прекрасно знакомо, их повествовательность, равно как и яркая окрашенность и, зачастую, склонность к возвышенным преувеличениям, бесспорно, придают им как оттенок принципиальности в отношении исторических деталей, так и свежесть и очарование подлинно восточных сказаний. Последнее, похоже, служило специальным атрибутом для привлечения внимания простых людей. Если кто и спросит, какая польза может быть почерпнута от распространения догматов явно ошибочной системы взглядов, ответом будет довод, что следует соблюдать различия между заведомо фальшивыми мировоззрениями, в которые люди давно утратили веру, {v} и теми, которые значительная часть человечества до сих пор почитает за подлинно Божественные истины.

Если и можно ставить под вопрос, зачем заниматься теми верованиями, что относятся к первому виду, хотя существуют весьма веские причины, почему

следует изучать уже давно разоблаченные мифы древних; то в отношении второго вида религий, к которому принадлежит и магометанство, мнение должно быть единым.

Наш Искупитель поручил нам, в частности, распространение Его святого вероучения, благодаря одному лишь которому, как Он заявляет, человечество сможет обрести ту святость, мир и славу, ради которых оно было сотворено. Таким образом, проявление служителями Евангелия сущности ложного вероучения, с которым, как в нашем случае, в настоящее время всю свою судьбу связывает сто двадцать миллионов нашей бессмертной расы, никак нельзя считать маловажным. Нам следует всячески пробуждать в себе чувство глубокого и действенного сострадания к этим находящимся во мраке миллионам, и вооружаться всеми необходимыми знаниями для того, чтобы быть в состоянии преодолеть их печальные заблуждения оружием истины.

Если общественность почувствует какой-либо интерес к этому труду, переводчик предлагает, в последующем издании, {vi}обсудить вопросы о сказаниях более глубоко, показав аналогии практической действенности этого принципа, как в иудаизме, так и в магометанстве и римско-католической религии.

ВСТУПЛЕНИЕ.

МУХАММЕДА зачастую упрекают в том, что он выставляет религиозную историю иудеев и христиан в измененном виде, добавляет к ней весьма произвольные вещи. Однако же, при этом его критики забывают о двух очень существенных моментах. Во-первых, весьма вероятно, что Мухаммед лишь в последние годы своей жизни смог научиться писать, а до того, скорее всего, не умел и читать — даже по-арабски. Нет сомнений, что он не обладал познаниями ни в каком другом языке: не умел ни говорить, ни читать. Это ясно следует из исторических свидетельств. Таким образом, сам по себе он был не в состоянии черпать материалы в Ветхом или Новом Завете и всецело зависел от устных рассказов местных иудеев и христиан.

Во-вторых, сам Мухаммед заявлял, что оба, и Ветхий, и Новый Завет, находившиеся в руках у иудеев и христиан его времени, были фальсифицированы; и, следовательно, его личная миссия от Бога состояла в том, чтобы согласиться с этими Писаниями лишь частично. Но тот отправной момент, на котором основано все повествование в Коране — доктрина о единстве Бога, та доктрина, которой Мухаммед оставался привержен с абсолютным постоянством, и которая служила ему тем основным оружием, с которым он явился в виде пророка своим язычникам-арабам, исповедовавшим {viii}наиболее разобщенные формы политеизма — в Евангелиях представал перед ним крайне неясным, а потому он и вынужден был опротестовывать их подлинность.

Но и в отношении иудейских Писаний Ветхого Завета, которые он должен был слышать из уст его современников-иудеев, Мухаммеду пришлось поверить, или, во всяком случае, он делал вид, что верил, что они также были подвергнуты многим изменениям. Дело в том, что к Измаилу, дальним отпрыском которого приходился и сам Мухаммед, со всею очевидностью обращались как к усыновленному, либо как к сыну освобожденной рабыни, в то время, как отеческая любовь и забота Авраама, равно как и особая благосклонность Господа, проливались исключительно на Исаака и его потомков. Да и ожидания грядущего Мессии, как о Нем гласили книги ветхозаветных пророков, должны были казаться Мухаммеду несовместимыми с его верою в себя, как окончательную «печать» всех пророков Библии. Более того, весьма вероятно, что Мухаммед был обязан своим духовным просвещением человеку, который, оставив исконную религию Аравии, своего отечества, пытался искать себе убежища сначала в иудаизме, а затем в христианстве, хотя даже в последнем он, по всей видимости, так и не обрел полного удовлетворения. Этого человека, двоюродного брата жены Мухаммеда Кадиджи, влекла вперед неутолимая жажда познания истины, но, как нам свидетельствуют его повторяющиеся акты вероотступничества, он обладал весьма скептической натурой. Это позволило ему обнаружить {ix} те ошибки, которые вкрадывались во все религиозные системы того времени. Сумев извлечь из различных вероучений то, что было подлинно от Бога, очистив это от людской фантазии, он мог изложить эти взгляды своему родственнику, который, оказавшись под сильным влиянием этого обладающего даром внушения человека, в конце концов, почувствовал в себе зов сделаться восстановителем древней и очищенной

религии. Иудаизм, без его многочисленных ритуальных и церемониальных установлений, которые, согласно заявлению Мухаммеда, даже Сам Христос был призван отменить, или христианство без Троицы, распятия и связанного с ним спасения — вот каково было вероисповедание, которое, на раннем периоде своей миссии, Мухаммед проповедовал с непритворным энтузиазмом.

Здесь было бы неуместным исследовать в деталях столь быстро менявшийся характер как самого Мухаммеда, так и его учения; но все, сказанное выше, выглядит совершенно необходимым в качестве вступления к описанию самих легенд в нашей книге. За исключением нескольких более поздних дополнений, все эти истории вышли из уст самого Мухаммеда. Все их основные черты можно обнаружить обрисованными не где-нибудь, а в тексте Корана, а все то, что подразумевалось в них дополнительно, донесено до нас со всеми подробностями устным преданием магометан. Таким образом, этим легендам отведено в арабской литературе сразу два места. Весь круг мусульманских преданий, от Адама до Христа, является для правоверных магометан подлинным, и должен приниматься ими совершенно безоговорочно, {x} как реальные события, соединенные с общей судьбою всех народов, как существовавшим в действительности основанием единой истории всего человечества. А с другой стороны, особая польза от этих преданий в том, что они служат жизнеописанием тех пророков, что жили до Мухаммеда. И потому крайне важно воспринимать ту почву, откуда появились источники для всех этих легенд, и уметь показывать ту трансформацию, которой они подверглись в Мухаммеде в порядке их использования в качестве точки опоры для распространения его религии.

В отношении происхождения всех этих легенд, нам будет совершенно ясно, как уже и следует из всего вышесказанного, что все они, за исключением рассказов о Христе, находят свои источники в иудейских преданиях, где, как можно будет судить по многочисленным цитатам из еврейского «Мидраша», их можно встретить и по сей день. Множество рассказов касательно библейских пророков Ветхого Завета можно отыскать в Талмуде, который был к тому времени уже полностью составлен. Посему не остается никаких сомнений в том, что Мухаммед услышал их от иудеев, которые были с ними вполне знакомы: услышал либо в виде Писания, либо в виде предания. То, что эти предания не являлись общими для иудеев и арабов, вполне можно предполагать, постольку, поскольку сам Мухаммед доносил их до арабов как нечто новое; и постольку, поскольку последние и в самом деле обвиняли его, как получившего некие наставления от чужаков. Помимо Варраки, умершего вскоре после {xi} того, как Мухаммед впервые выступил перед людьми в роли пророка, нам известно о двух других людях, которые были превосходно знакомы с иудейскими Писаниями, и с кем Мухаммеда связывали достаточно близкие отношения. То были Абд-Аллах Ибн Салам, ученый из числа иудеев, и Салман-персиянин, долгое время проживший среди иудеев и христиан — тот, кто до того, как стать мусульманином, последовательно являлся магом (колдуном), иудеем и христианином. Да и монах Багира, с которым, впрочем, если верить арабским источникам, Мухаммед встречался лишь однажды, во время своего путешествия в Бозру, был крещеным евреем. Все эти легенды должны были произвести очень глубокое впечатление на столь предрасположенную к религиозной мистике натуру, какою отличался Мухаммед. Благодаря этим

древним сказаниям у него сложилось твердое убеждение в том, что в разные времена, по мере надобности, когда развращенность рода человеческого достигала критической отметки, Бог посылал отобранных Им праведников для того, чтобы сызнова наставить людей на путь истины и благодетели. И вполне могло получиться так, что, не имея никакого другого желания, кроме как провозгласить своим современникам подлинную природу Божию и добиться улучшения их морального и духовного состояния, Мухаммед решился завершить цепочку пророков Господа самим собою.

Но все эти легенды способствовали достижению его цели еще и тем, что практически во всех из них рассказывалось, как пророки Господни не были поняты безбожниками. Все они преследовались нечестивцами, однако, несмотря на эти преследования, пророкам, с помощью Божией, надлежало восторжествовать в конце. Таким образом, {xii} Бог использовал Своих посланников в качестве предупреждения для противившихся Ему людей, а равно и для наставления и утешения Своим приверженцам. С особенным восторгом Мухаммед должен был воспринять сказание об Аврааме: ведь эту легенду он мог использовать в виде специфического оружия и против иудеев, и против христиан. В то же самое время, это предание должно было придавать особый глянец всем народам Аравии — ведь согласно ему они вели свое происхождение через Измаила от самого Авраама.

Очень трудно с достаточной степени точности определить, насколько хорошо это сказание было известно в Аравии до Мухаммеда. Впрочем, весьма вероятно, что как только арабы познакомились бы с Писанием и преданием иудеев, они тут же ухватились бы за эти рассказы, где можно было проследить вплоть до Мухаммеда происхождение и историю их расы и вероисповедания, их храма. Однако же они не располагали никакой подлинно исторической информацией в этом аспекте: это видно из того факта, что, невзирая на их блестящие способности в генеалогических вопросах, они сами же признаются, что не способны отыскать следы предков Мухаммеда дальше, чем за двадцать поколений. Ну, как бы то ни было, для нас совершенно очевидно, что не только магометанские сказания об Аврааме и Измаиле, в которых Мухаммед предстает во многом в благоприятном свете, в то время как Библия совершенно о нем умалчивает, но и все прочие их легенды были подобным же образом изменены и раздуты Мухаммедом и приспособлены им для его же собственных целей. Однако же, мы склоняемся к мысли, что во всех этих изменениях в большей степени повинны {xiii} окружавшие его люди, чем он сам. Мухаммеда же следует считать, хотя бы в период выполнения его миссии, скорее простым орудием в руках определенных арабских реформаторов, чем независимым ни от кого пророком. И уж конечно, в любом случае, он был скорее простаком, чем преднамеренным обманщиком. Нет никаких сомнений, что это именно ему принадлежит то в высшей мере поэтическое облачение, в которое убраны все эти легенды. Задача у этого блеска — привлекать склонные к впечатлительности умы арабов, и это срабатывало гораздо лучше, чем бестолковые и многословные персидские сказки, которые привыкли рассказывать противники Мухаммеда.

В легенде о Христе не так уж трудно разглядеть мировоззрение выкреста из иудаизма. Этот человек признает во Христе живое Слово, равно как и Дух Божий,

противопоставляя Его той мертвой букве и бессмысленной обрядности, в которые впал иудаизм. В чудесном рождении Христа для рассказчика нет ничего невероятного: разве не был прародитель человечества Адам, таким же точно образом, сотворен по слову Господа? Все чудеса, творимые Христом в Евангелии, признаются этим человеком: разве ранние пророки не творили чудеса? Даже в вознесении Христа на небо он не видит ничего странного, поскольку и Енох, и Илия, были переправлены на небеса таким же точно способом. Но вот то, что настоящий пророк может поставить себя и свою мать на один уровень с Всемогущим Богом — это с его взглядами несовместимо. И потому он отвергает подобную доктрину как богохульное измышление священников. Подобным же образом это человек отказывается поверить и в распятие Христа, {xiv} поскольку он привык полагаться на Божие правосудие, и подобного рода осмеяние праведника конфликтует со всей историей прежних пророков, которых Господь всегда избавлял от любого рода опасностей.¹ «Никто не должен страдать за грехи своего соседа», — гласит Коран. Таким образом, хотя Сам Христос и мог следовать Своим планам без малейшего страха перед смертью, для нашего рассказчика выглядит совершенно невероятным, что Господь мог бы позволить Своему Христу — невинному! — погибнуть от столь постыдной для иудея казни, за грехи других людей. Но он отзывается как о «спасителе» о каждом из пророков, кто, благодаря откровению свыше, а равно и посредством жизни праведника и подлинно набожного человека, наставлял людей на путь спасения, который был оставлен Адамом после его грехопадения. Вот подобного рода «спасителем», верит Мухаммед, и является он сам.

И вот, насколько сказание об Аврааме представало в глазах Мухаммеда крайне ценным с учетом того чистого и простого урока, который в нем преподавался, а также из-за его связи со священными реликвиями Мекки, настолько основателю исламской религии и предание о Христе понравилось содержащимся в нем обещанием о «Параклите». Этим «Параклитом» и должен был оказаться Мухаммед, как сам он верил, или, по крайней мере, заявлял об этом во всеуслышание. Он и значение своего собственного имени связывал с этим словом, причем, в данном случае оно сослужило ему гораздо лучшую службу, чем тем самозванцам, которые пытались приписать себе роль «Параклита» {xv} до него. Но и здесь, как и ранее, мы убеждаемся, что Мухаммед, скорее всего, был введен в заблуждение — как иудеями, так и христианами. Впрочем, вероятно, они сделали это без каких-либо корыстных мотивов. Некоторые из них, как, например, уже наблюдалось в случае с Маккавеями, вполне могли сказать ему, что Христос упоминал о «периклите» — это греческое слово служило синонимом «Ахмед» («многопрославленный»). Но, как бы там ни было, абсолютно во всех мусульманских преданиях даже самые древние пророки провозглашают Мухаммеда самым великим из всех их череды — самым великим пророком из всех, кому надлежало когда-либо быть посланным к людям (хотя в Коране об этом сделано всего лишь несколько упоминаний). В то же самое время, заметим, что

¹ Тут читателю следует напомнить о том, что наш Спаситель говорит о крови всех праведников, пролитой на землю: от крови праведного Авеля, то крови Захарии, сына Варакиева, убиенного между храмом и алтарем. — Э.Т.

если в иудейских легендах на первое место ставятся Моисей, Израиль и Тора; то мусульмане неизменно выдвигают на первый план Мухаммеда, арабов и Коран. Авторитет, на который магометане чаще всего ссылаются в качестве гаранта подлинности их преданий — Кааб Алахбар, иудей, перешедший в исламскую веру во времена правления халифа Омара. Поскольку в переводах Корана на немецкий язык отныне нет недостатка, для читателя не составит труда отделить те части мусульманских преданий, которые были составлены самим Мухаммедом, от тех, что были добавлены его последователями значительно позднее, хотя их авторство и приписывается ему. В любом случае, мусульмане передавали их своим потомкам в качестве священных преданий.

Устные предания, в которых говорится о древних пророках, и которые приписываются Мухаммеду, настолько многочисленны, и некоторые из них настолько противоречивы, что ни один историк или биограф {xvi} не решается принимать их полностью. Таким образом, приходится поневоле быть избирательным; а для того, чтобы сделать эти легенды хотя бы до некоторой степени полными, нам приходилось обращаться к разным источникам. И лишь таким образом нам удалось достичь определенной целостности и завершенности, чтобы представить их на суд читателя.

Помимо текста Корана и комментариев к нему, в работе над нашим скромным трудом была использована следующая литература:

1. Книга «Шамис» Хусейна Ибн Мухаммеда, Ибн Ахасур Адди-ар-Бекри (арабский манускрипт за No. 279 из библиотеки Герцога Готского), которая, являясь вступлением к жизнеописанию Мухаммеда, содержит множество легенд о пророках древности, в особенности, об Адаме, Аврааме и Соломоне.
2. Книга «Дзашират Аль-Улюм ванатиджалъ Аль-Фухум» («Сокровищница мудрости и плодов знания») Ахмеда Ибн Зейна Аль-Абидин Аль-Бекри (No. 285 из числа вышеупомянутых рукописей), в которой равным образом античные легенды от Адама до Христа предшествуют истории ислама, а наиболее детально описаны жизни Моисея и Аарона.
3. Сборник легенд от анонимных авторов (No. 909 из того же собрания).
4. «Легенды о пророках» («Киссат Аль-ан-Бийа») Мухаммеда Ибн Ахмеда Аль-Киссаи (No. 764 из собрания арабских рукописей Королевской Библиотеки в Париже).

БИБЛЕЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ, С АРАБСКОГО, и так далее, и далее, и далее.

АДАМ (МАГОМЕТАНСКАЯ ЛЕГЕНДА).

НАИБОЛЕЕ достоверные записи древности, дошедшие до нас, констатируют, что Адам был сотворен в пятницу, днем, в час «асср».¹

Четверке самых высших ангелов — Гавриилу, Михаилу, Исрафилу и Исраилу (Израилу) — был дан приказ доставить с четырех концов света землю, из нее-то Аллах и сотворил тело Адама, исключая голову и сердце. Последние две части тела были сотворены Им исключительно из священной земли Мекки и Медины, взятой непосредственно из тех самых мест, где в более поздние времена будет воздвигнута Кааба и, соответственно, погребен Мухаммед.² {20}

Еще до того, как Адам был оживлен, его прекрасное тело вызвало восхищение у ангелов, проходивших мимо райских врат, где его оставил лежать Аллах. Но Иблис, позавидовав величавым формам человека, а также прекрасному и одухотворенному выражению на его лице, обратился к своим спутникам: «Как может этот пустой комок земли так пленять ваши взоры? Чего кроме слабости и бренности можно ожидать от этого создания?» Но в этот момент все обитатели небес, за исключением Иблиса, пристально взирали на Адама в долгом и безмолвном удивлении, и их сердца переполнились хвалою Аллаху, творцу первого человека. Адам же был так высок, что, когда выпрямился, стоя на земле, коснулся головой седьмого неба.

Затем Аллах приказал ангелам взять душу Адама, созданную Им за тысячу лет до его тела, и омыть ее в море исходившего от Него сияния славы; и повелел этой душе войти в пока еще безжизненное тело. Душа колебалась, ибо ей не хотелось менять безбрежные небеса на такое стесненное жилище; но Аллах сказал: «Ты должна оживить Адама, даже против своей воли; и в наказание за твое непослушание ты будешь однажды отделена от него, также против своей воли». Затем Аллах дунул на нее с такой силой, что душа впорхнула через ноздри человека в его голову. Когда она коснулась глаз Адама, они открылись, {21}

и он увидел престол Аллаха с надписью: «Есть только один БОГ, и Мухаммед — Его посланник». Затем душа наполнила его уши, и Адам услышал ангелов, поющих хвалу Аллаху; после того, как его собственные уста были отверсты, он воскликнул: «Благословен будь, мой Создатель, Единственный и Вечный!» И

¹ Час «асср» находится между полуднем и вечером и отведен у мусульман для исполнения третьей по счету из числа их ежедневных молитв.

² Мухаммед, основоположник ислама, родился в пятьсот семьдесят первом году от р. Х. в Мекке, где была глубоко почитаема Кааба, служившая людям храмом уже с древнейших времен. В шестьсот двадцать втором году мекканские идолопоклонники вынудили его эмигрировать в Медину, где он умер в июне шестьсот тридцать второго года. Смотрите: *Gustavus Weill. Mohamed der Prophet, sein Leben und seine Lehre, &c.* Stuttgart, 1843, 8vo.

Аллах ответил: «Ну вот, теперь твое создание свершилось; ты и твои потомки будете служить Мне, чтобы вам всегда иметь милость и благодать». Душа, наконец, проникла во все его члены, и, коснувшись его ног, дала им силу подняться; но, встав, Адам был вынужден закрыть свои глаза, ибо свет, воссиявший на него от престола Господа, был столь ярким, что человек оказался не в состоянии на него взирать. И, указав на это сияние одной рукой, в то время как другая рука прикрывала от него глаза, он спросил: «О, Аллах, что это за пламя?» «Это свет пророка, который должен произойти от тебя и появиться на земле в более поздние времена. Клянусь моею славою, только ради него я создал тебя и весь этот мир.¹ На небесах его имя Ахмед,² но на земле он будет зваться Мухаммедом, и должен будет отвлечь человечество от порока и лжи, направив на путь истины и добродетели». {22}

Все созданные творенья были собраны перед Адамом, и Аллах научил его, как называются все звери, птицы и рыбы; объяснил, каким образом они живут и размножаются, все их особенности и сроки их жизни. Наконец, были созданы ангелы. Аллах повелел им склониться перед Адамом, как перед самым свободным и совершенным из Его творений, и единственным, который был оживлен Его дыханием. Исафил первым исполнил повеление, и за это Аллах доверил ему «Книгу судеб». Остальные ангелы последовали его примеру; один только Иблис отказался подчиниться, сказав с презрением: «Ужели я, созданный из огня, должен поклониться существу, созданному из праха?» За это Иблис был изгнан с небес, и вход в рай был ему запрещен.

Адам вздохнул более свободно после изгнания Иблиса; и по повелению Аллаха он обратился к мириадам ангелов, стоявших вокруг него, воздав хвалу Его всемогуществу и восхитившись Его вселенной. В своем обращении он продемонстрировал ангелам, что далеко превосходит их в мудрости, и особенно в знании языков, ибо он знал название каждой созданной твари на семидесяти различных языках.³ {23}

После этой речи Аллах одарил человека через Гавриила гроздью винограда из рая, и когда Адам съел его, его объял глубокий сон. Тогда Господь взял из его бока ребро, и сотворил из него женщину, которую назвал «Хава» (Ева), ибо, сказал Он, она была взята Создателем из «хай» — «живого». Она была точной копией Адама; однако черты ее были более нежны и глаза ее излучали более сладостное желание,

¹ «Мидраш Ялкут» (изд. в Франкфурте-на-Одере, в 5469 году от сотворения мира), говорит раввин Иегуда, учит тому, что сей мир был сотворен за счет заслуг Израиля. Раввин Осия считает, что он был сотворен благодаря Торе («Закону»); а раввин Барахья — благодаря заслугам Моисея.

² «Многославный».

³ Когда Господь задумал создать человека, Он собрал на совет ангелов и сказал к ним: «Мы сотворим человека по образу Нашему».

Но ангелы возрптали: «Кто такой человек, чтобы Ты помнил о нем? В чем его превосходство?» Господь же отвечал: «Его мудрость превосходит вашу собственную». После этого Он представил ангелам всех видов диких животных и птиц, и когда Он попросил ангелов дать им имена, они не смогли с этим справиться. После сотворения Господь представил этих животных Адаму, который в ответ на просьбу дать им имена, недолго думая, отвечал: «Это — бык, это — осел, это — конь, это — верблюд», и т.д. (Сравните: Geiger, Was hat Mohamed aus dem Judenthum aufgenommen, стр. 99, и далее).

ее волосы были длиннее и заплетены в семь сотен косичек; фигура ее была более легкою, а голос более мягким и чистым, чем у мужчины.

В то время, когда Аллах наделял Еву всеми свойственными женскому роду прелестями, Адам грезил о втором человеческом существе, похожем на него. Здесь не было ничего странного, ибо он видел все представленные ему создания парами. Когда, таким образом, он проснулся и увидел подле себя Еву, то захотел обнять ее; однако, хотя ее любовь была сильнее его собственной, она не позволила ему, сказав: «Аллах — мой господин; и только с Его разрешения я могу быть твоею! Кроме того, {24} не подобает женщине выходить замуж без брачного дара». Тогда Адам попросил ангела Гавриила походатайствовать за него перед Аллахом, чтобы он мог взять себе в жены Еву, и узнать какой может потребоваться брачный дар. Ангел вскоре возвратился и сказал: «Ева твоя, ибо Аллах создал ее только для тебя! Люби ее, как самого себя, и обращай с ней с терпением и добротою. Брачный дар, который Он требует от тебя, заключается в том, что ты должен двадцать раз вознести молитву за столь любимого Им Мухаммеда, чье земное тело произойдет однажды от твоей плоти и крови, но чья душа начала обитать пред лицом Аллаха уже за много тысяч лет до того, как был создан этот мир».¹

Пришел Ридван, стражник рая, ведя крылатого коня Меймуна и быстроногую верблюдицу. Первого он подарил Адаму, вторую Еве. Ангел Гавриил помог им взобраться верхом, и проводил их в рай, где все ангелы и все животные стали приветствовать всадников: «Ура! Да здравствуют родители Мухаммеда!» {25}

Посреди рая стоял зеленый шелковый шатер, поддерживаемый золотыми колоннами, внутри него возвышался трон, на который воссел Адам вместе с Евою, после чего завеса шатра закрылась за ними по их обоюдному согласию.

Некоторое время спустя, когда Адам и Ева гуляли по райскому саду, к ним подошел Гавриил и повелел им во имя Аллаха пойти и омыться в одной из четырех рек рая. Затем сам Аллах обратился к ним: «Я предназначил этот сад для вашего жилища; он укроет вас от жары и холода, спасет от голода и жажды. Пользуйтесь по своему усмотрению всем, что здесь произрастает; только плодов одного из деревьев вы не должны вкушать. Смотрите, не нарушайте этот единственный запрет, а также остерегайтесь коварных козней Иблиса! Он — ваш враг, потому что был против вашего создания; его хитрость неисчерпаема, и он жаждет вашей гибели».

Молодая пара отнеслась к словам Аллаха с должным вниманием, и долгое время, некоторые говорят — пятьсот лет, люди жили в раю, не пытаясь прикоснуться к запретному дереву. Но Иблис тоже слышал слова Аллаха, и, решившись ввести человека во грех, непрестанно рыскал по окраинам Господних

¹ Эта идея, что многие вещи существовали задолго до сотворения мира, является чисто иудейской. Мусульмане ее с готовностью переняли. Некоторые из них придерживаются взгляда, что Коран является предвечным, он существовал еще до возникновения этого мира. Подобная доктрина приводила ко многим спорам между магометанами, нередко завершавшимся кровопролитием. Иудейский «Мидраш Ялкупт», стр. 7, гласит, что семь вещей существовали еще до сотворения мира: Тора, покаяние, рай, ад, трон Божий, Имя Мессии и Святой Храм. Некоторые из иудеев считают, что лишь Божий трон и Тора являются подлинно предвечными, а об остальных пяти вещах Господь Бог задумался лишь незадолго перед тем, как сотворить сей мир.

небес, ища случая проскользнуть незамеченным в рай. Однако райские врата оставались крепко запертыми, они охранялись ангелом Ридваном. И вот однажды из райского сада {26} вылетел павлин. Это была самая прекрасная из всех райских птиц, ибо ее оперение сияло подобно жемчугу и изумруду, а голос ее был так мелодичен, что именно павлин был избран для того, чтобы ежедневно воспевать славу Аллаху на главных улицах небес.

Увидев павлина, Иблис подумал про себя: «Несомненно, эта красивая птичка должна быть очень тщеславна: возможно, действуя лестью, мне удастся склонить ее тайком доставить меня в райский сад».

Когда павлин отлетел от райских врат достаточно далеко, чтобы его не мог услышать Ридван, Иблис обратился к нему:

— О, прекраснейшая и чудеснейшая птица! Не одна ли ты из благословенных птиц рая?

— Да, это так. Но кто ты? Ты кажешься таким испуганным, словно кто-то гонится за тобою!

— Я один из тех херувимов, что были призваны непрестанно воспевать хвалу Аллаху. Я ненадолго отлучился, чтобы взглянуть на рай, который Он приготовил для правоверных. Не укроешь ли ты меня под своими прекрасными крыльями?

— Э-э-э, зачем же мне делать то, что может навлечь на меня неудовольствие Аллаха?

— Возьми меня с собою, о, прелестнейшая из птиц, и я научу тебя трем волшебным словам, которые уберегут тебя от болезней, старости и смерти!

— А что, разве обитатели рая смертны? {27}

— Все без исключения, кто не знает трех заветных слов, которые знаю я!

— Ты не шутишь?

— Клянусь Аллахом Всемогущим!

Павлин поверил Иблису, ибо он не смел и предположить, что какому-нибудь созданию может прийти в голову мысль дать ложную клятву именем своего Творца. Однако, опасаясь, как бы Ридван не стал его слишком внимательно осматривать на обратном пути, павлин решительно отказался взять Иблиса с собою. Тем не менее, он пообещал отправить к нему змею, которой, возможно, будет гораздо проще придумать какой-нибудь, чтобы доставить его в сад незамеченным.

В то время змея была царицей всех зверей. Ее голова сияла, подобна рубинам, а глаза светились, как изумруды. Ее кожа переливалась, как зеркало, различными оттенками. Шерсть ее была мягкой, как волосы благородной девы; ее фигура была величественна, как у верблюда; ее дыхание было сладостным, как мускус и амбра, и вся речь ее была подобна хвалебной песне. Она питалась на чистом шафране, и обитала на усеянных цветами берегах чудного Кантаруса.¹ Змея была создана за

¹ Одна из райских рек.

тысячу лет до сотворения Адама, и ей предназначено было стать подругою для Евы в различных играх и забавах.

«Это честное и благоразумное создание, — думал павлин, — должно быть, больше меня желало бы сохранить вечную молодость и энергию, и, несомненно, осмелится вызвать на себя неудовольствие Ридвана, {28} чтобы узнать три бесценных слова». Он оказался прав в своих предположениях, ибо не успел он досказать змее о своем приключении, как она воскликнула: «Может ли такое быть? Неужели я должна умереть? Мое дыхание прекратится, мой язык будет парализован, а мои члены станут безжизненными? Неужели мои глаза и уши закроются в ночи? И мое благородное тело — неужто ему суждено превратиться в прах?! Нет, нет, не бывать этому никогда! Даже если мне придется испытать на себе гнев Ридвана, это не остановит меня! Скорее пойду к этому херувиму, и проведу его в рай, чтобы только он научил меня этим трем чудесным словам».

Змея ринулась за ворота, и Иблис повторил ей все, что сказал до этого павлину, вновь подкрепив свои слова клятвою. «Но как же я смогу провести тебя в рай незамеченным?» — поинтересовалась змея.

— Я так уменьшусь в размерах, что смогу спрятаться в дупле твоего зуба!

— Но что я должна отвечать Ридвану, если он обратится ко мне?

— Ничего не бойся; я произнесу магические имена, которые сделают стражника безгласным.

Тогда змея открыла свой рот; Иблис влетел в него, и, усевшись между ее передними зубами, отравил их ядом навечно. Когда они миновали Ридвана, который был не в силах произнести ни звука, змея {29} вновь открыла свой рот, ожидая, что «херувим» захочет принять свой прежний облик, но Иблис предпочел остаться там, где он был, чтобы говорить с Адамом изо рта змеи и от ее имени. После некоторого сопротивления змея согласилась от страха перед Ридваном и от желания узнать заветные слова. Оказавшись в шатре у Евы, Иблис издал глубокий вздох: это первый звук, который исторгает зависть из груди любого живого существа.

— Почему ты сегодня в таком унынии, моя возлюбленная змейка? — спросила Ева, едва заслышав этот вздох.

— Ох, меня так беспокоит твоя будущая участь и судьба твоего мужа, — отвечал хитрый Иблис голосом змеи.

— Как? Разве у нас нет в этих садах Эдема всего, чего бы мы ни пожелали?!

— Это правда; но все-таки самые лучшие плоды этого сада — те единственные, что способны доставить вам совершенное блаженство — вам недоступны.

— А разве у нас недостаточно всевозможных плодов на любой вкус и цвет? К чему же нам сожалеть именно о тех плодах?

— Эх, если бы только ты знала, почему именно те плоды вам запрещены, все остальные не доставили бы тебе никакого удовольствия!

— А ты сама знаешь, почему?

— Я-то знаю. И вот это самое знание и наполняет мое сердце беспокойством; ибо все плоды, которые вам разрешены, несут с собою {30} несовершенства, болезни, старость и смерть, то есть полное прекращение жизни; в то время как лишь одни запретные плоды способны подарить вам вечную молодость и силу.

— Ты никогда раньше не говорила мне о подобных вещах, любезная змея. Откуда ты это узнала?

— Мне поведал об этом один из ангелов, которого я встретила под запретным деревом.

Ева ответила: «Я должна пойти и поговорить с ним сама». И с этими словами покинула свой шатер и поспешила к запретному дереву.

Иблис, зная о любопытстве Евы, немедленно выскочил из змеиной пасти и в тот же миг явился под запретным деревом в образе ангела, но с человеческим лицом, оказавшись там еще до прихода Евы.

— Кто ты, одинокое создание? — спросила Ева, — Я никогда не видела подобных тебе.

— Я был человеком, но стал ангелом.

— Каким же образом?

— Отведав сей благословенный плод, который завистливый Бог запретил мне вкушать под страхом смерти. Я долго не смел нарушить этот запрет, пока не стал старым и дряхлым; мои глаза лишились своего блеска и помутнели, мои уши перестали слышать, мои зубы сгнили, и я не мог ни есть без боли, ни ясно говорить. Мои руки тряслись, мои ноги подкашивались, моя голова опустилась на грудь, спина моя совсем скрючилась, и вся {31} моя внешность, в конце концов, стала такую безобразной, что все райские обитатели бежали от меня. Тогда я пожелал смерти, и, ожидая встретить ее, отведав запретный плод, я протянул руку, и сорвал его. Но, чудо! едва я только коснулся его губами, как я стал сильным и красивым, как прежде; и хотя с тех пор прошло уже много тысяч лет, я не чувствую никаких изменений в своей внешности, и не испытываю ни малейшего упадка в своих силах.

— Правду ли ты говоришь?

— Клянусь Аллахом, который создал меня.

Ева поверила его клятве, и отщипнула один колосок от пшеничного дерева.

В те времена, до грехопадения Адама, пшеница росла на самом чудесном из деревьев рая. Его ствол был сделан из золота, ветви из серебра, а листья из чистых изумрудов. Из каждой ветви выросло по семь рубиновых колосьев, в каждом колосе было по пять зерен, белых как снег и сладких как мед, благоухающих как мускус, огромных, размером как яйца страуса. Ева съела одно из этих зерен, и, найдя его вкус лучше всего, что она до этого пробовала, взяла второе зерно и отнесла его своему мужу.

Адам долго отказывался — мусульманские богословы утверждают, в течение целого райского часа, что соответствует восьмидесяти годам нашего земного времени — но когда он удостоверился, что Ева остается такой же прекрасной и счастливой, как и прежде, то, в конце концов, уступил {32} ее настойчивости, и съел второе зерно, которое она постоянно носила с собою и предлагала ему каждый день по три раза.

Едва лишь Адам принял в руки запретный плод, как корона с его головы поднялась сама собою и улетела в небо, все кольца соскользнули с пальцев, а прекрасное шелковое одеяние спало с его тела. Ева также оказалась лишена всех своих украшений, и стояла перед мужем нагая. Тут они услышали, как все их вещи закричали им в один голос: «Горе вам! Ваше бедствие велико, и ваша печаль будет долгой: мы были созданы и предназначены только для тех, кто послушен Господу; прощайте же до воскресения!» Трон, воздвигнутый для людей в их шатре, сбросил их с себя с криком: «Прочь, мятежники!» Конь Меймун, на которого Адам попытался вскочить, не позволил ему взобраться на себя, воскликнув: «Так то ты хранишь завет с Аллахом?»

Все райские создания отвернулись в тот момент от них и попросили Аллаха изгнать человеческую пару из этого священного места. Сам Аллах обратился к Адаму громовым голосом, сказав: «Разве не было тебе запрещено вкушать плоды с этого дерева, и разве тебя не предостерегали против вероломства Иблиса, врага твоего?!» Адам попытался было убежать от этих упреков, и Ева последовала его примеру. Тщетно! Адам был тут же задержан ветвями дерева «талх», а Ева запуталась в своих собственных растрепанных волосах. В это время с дерева талх раздался гневный глас: {33}

«Вам не укрыться от гнева Аллаха: подчинитесь его божественному повелению! Оставьте этот рай, — продолжал Аллах разгневанно, — вы оба и те создания, через которых пришел к вам соблазн; в поте лица своего будете добывать свой хлеб; с этого времени земля будет вашим жилищем, и богатства ее наполнят ваши сердца завистью и злобой! Ева узнает все виды болезней, и детей своих будет рожать в муках. Попугай лишится своего голоса, а змея своих ног. Самые темные пещеры земли будут служить ей жилищем, и питаться она будет прахом, а убившему ее воздастся всемеро. А вот Иблис должен будет отправиться в ад на вечные мучения».

После этого они были выдворены из рая с такой поспешностью, что Адам и Ева едва успели сорвать по листу с одного из деревьев, чтобы прикрыть свою наготу. Адам вышел через Ворота Раскаяния, получив тем самым урок, что его возвращение возможно только через искреннее раскаяние; Ева — через Ворота Милости; попугай и змея — через Ворота Гнева; Иблис же — через Ворота Проклятия.

Адам был спущен на остров Серендиб, Ева — в Джидду, змея — в пустыню Сахару, попугай — в Персию, а Иблис брошен в стремительный поток Айлы.

Когда Адам коснулся земли, орел {34} сказал киту, с которым они жили дружно и коротали время в продолжительных приятных беседах на берегу Индийского океана: «Мы должны теперь расстаться навеки, ибо ни глубочайшие

морские глубины, ни высочайшие горные вершины с этих пор не смогут укрыть нас от коварства людей и человеческой злобы».

Горе Адама от его одиночества было так велико, что у него начала расти борода, хотя до этого его лицо было гладким; и это новое изменение его внешности расстроило его еще больше, пока он не услышал голос: «Борода является украшением мужчины на земле, и его отличием от более слабой женщины».

Адам пролил такое огромное количество слез, что все звери и птицы смогли утолить в них свою жажду; но часть слез проникла глубоко в землю, и поскольку в них еще оставались некоторые чудесные соки из той пищи, которой он питался в раю, из них выросли наиболее ароматные деревья и пряности.

Ева также чувствовала себя покинутой в Джидде, ибо она не видела Адама, хотя он был так высок, что его голова касалась нижнего неба, и песни ангелов были отчетливо слышны ему. Женщина горько рыдала, и ее слезы, которые стекали в океан, превратились в драгоценные жемчужины, в то время как те, что упали на землю, дали начало всем прекрасным цветам.

Адам и Ева рыдали так громко, что {35} восточный ветер донес голос Евы до Адама, в то время как западный ветер донес его голос до Евы. Она воздела свои руки над головой (у женщин до сих пор сохранилась такая привычка — воздевать руки, в отчаянии); Адам же положил свою правую руку на бороду (мужчины и в наши дни следуют этому обычаю, находясь в печали).

Слезы, наконец, такими потоками хлынули из Адамовых глаз, что поток из правого глаза стал истоком реки Евфрат, в то время как поток из левого глаза дал начало Тигру.

Вся природа рыдала вместе с ним, и птицы, звери и насекомые, которые оставили Адама по причине его грехопадения, теперь были тронуты его страданиями, и вернулись к нему, чтобы выразить свое сочувствие.

Сначала пришла саранча, ибо она была создана из земли, оставшейся после сотворения Адама. Существует семь тысяч различных видов саранчи всех цветов и размеров, некоторые даже достигают такого размера, как орел. Ею управляет собственный царь, которому Аллах открывает Свою волю, когда Он намеревается наказать какой-нибудь нечестивый народ, такой, к примеру, каким были египтяне во времена фараонов. Черные буквы сзади на крыльях саранчи древнееврейские, они означают: «Есть только один Бог. Он побеждает и сильного, и сия саранча есть часть его армий, которые Он посылает против грешников».

Когда, в конце концов, вся вселенная огласилась громкими {36} рыданиями, и все сотворенные создания, от малейшего насекомого до ангелов, которые удерживают целые миры в одной руке, стали плакать с Адамом, Аллах послал к нему Гавриила со словами, которым было предназначено также сохранить в будущем живым пророка Иону в китовом чреве:

«Нет Бога кроме Тебя. Я согрешил, прости меня ради Мухаммеда, последнего и величайшего пророка, чье имя запечатлено на Твоем святом троне».

Как только Адам произнес эти слова с раскаявшимся сердцем, небесные врата открылись перед ним опять, и Гавриил сказал: «Аллах принял твоё раскаяние. Молись Ему, и Он ответит на все твои молитвы, и даже возвратит тебя в рай в назначенное время». Тогда Адам взмолился:

— Защити меня от грядущих козней Иблиса, моего врага.

Аллах отвечал:

— Повторяй непрестанно, что на свете есть только один Бог, и этим ты ранишь своего врага, как отравленной стрелой.

— Но не представляют ли земные яства и напитки, а также её жилища для меня угрозы?

— Пей воду, вкушай чистых животных, закалая их во имя Аллаха, и строй мечети там, где будешь жить. Вот таким образом Иблис не будет иметь власти над тобою.

— Но если он будет донимать меня злыми помыслами и дурными снами в ночи?» {37}

— Тогда вставай со своей постели и молись.

— О, Аллах! Но как же я смогу всегда отличать добро от зла?

— Я не оставлю тебя без Своего водительства: два ангела будут обитать в твоём сердце. Один будет предостерегать тебя от зла, а другой — направлять на свершение добрых дел.

— Господи, пообещай мне, что даруешь Твое прощение также и за мои будущие грехи!

— Это ты можешь заслужить только своими праведными делами! Я буду наказывать за грех, но только один раз, и всемерно вознаграждать за каждое доброе дело, которое ты совершишь.

В то же самое время ангел Михаил явился к Еве, чтобы объявить также и ей о милости Аллаха.

— Как же мне, — спросила она, — такой слабой в сердце и в помыслах, бороться против греха?

— Аллах наделит тебя чувством стыда, которое поможет тебе справиться со своими страстями, подобно тому, как мужчина будет преодолевать свои собственные искушения посредством веры.

— Кто защитит меня от мужского господства, ведь мужчина не только превосходит меня физической силой и умом, но и закон отдаёт ему предпочтение в качестве наследника и свидетеля?

— Его любовь и страсть к тебе, что Я вложил в его сердце. {38}

— Не подаст ли мне Аллах ещё какой-нибудь знак Своего расположения?

— Ты будешь вознаграждена за все муки материнства, и смерть женщины при родах будет засчитана, как мученическая.

Иблис, которого ободрило прощение человеческой пары, также осмелился просить о смягчении своего наказания, и добился отсрочки его исполнения до

воскрешения. Помимо того, ему была дана безграничная власть над грешниками, которые не принимают слово Аллаха.

— Где же я буду обитать в это промежуточное время? — спросил он.

— В развалинах, в гробницах и прочих нечистых местах, которые будут избегать люди.

— И что же послужит мне пищею?

— Все закланное, что будет приноситься в жертву во имя идолов.

— А чем я буду утолять свою жажду?

— Вином и прочими пьянящими напитками!

— Чем будет занято мое свободное время?

— Музыкой, пением, стихами о любви и танцами.

— И каков же мой пароль?

— Проклятие Аллаха до судного дня

— Но как же мне справиться с человеком, которому Ты дал двух ангелов-стражей, и который получил Твои откровения?

— Твое потомство будет более многочисленным, чем его; ибо на каждого человека, что будет рожден, в этот мир будут входить семь новых злых демонов; однако против правоверных они будут бессильны. {39}

Затем Аллах заключил завет с потомками Адама. Едва Он коснулся адовой спины, как вдруг, весь человеческий род, который должен будет родиться до конца времен, вышел оттуда, подобно крошечным муравьям. Эти маленькие человечки расположились справа и слева от своего праотца.

Во главе первых стоял Мухаммед вместе с пророками и остальными правоверными, чья сияющая белизна отличала их от грешников, которые располагались слева от Адама во главе с Кабилем (Каином), убийцею своего брата.

После этого Аллах стал представлять человеческое потомство по именам и судьбам, каждого лично; и когда очередь дошла до царя Давида, в черед пророков, которому изначально был предначертан жизненный путь длиною всего лишь в тридцать лет, Адам поинтересовался:

— А сколько лет назначено мне?

— Одна тысяча, — прозвучал ответ.¹

— Я откажусь от семидесяти, если Ты добавишь их к жизни Давида!

Аллах согласился; но, зная о забывчивости Адама, повелел ему написать на пергаменте дарственную, которую Гавриил и Михаил подписали в качестве свидетелей.² {40}

¹ Девятьсот тридцать лет был жизненный путь Адама согласно книге Бытия, глава v, стихи 3-5.

² «Господь показал Адаму все будущие поколения с их вождями, мудрецами и писцами. Увидев, что Давиду суждено было прожить только три часа, Адам спросил: “Господь и Создатель мира, неужели это непреложно?” Господь отвечал:

— Таков был мой изначальный план!

Затем Аллах обратился к собравшемуся роду человеческому: «Признайте Меня единственным Богом, и Мухаммеда Моим посланником». Те, что стояли справа от Адама, немедленно сделали это признание; но стоящие слева замешкались, одни повторили только половину слов Аллаха, остальные же и вовсе промолчали. И тогда Аллах продолжил: «Непокорных и нераскаившихся ждут вечные муки в адском пламени, но правоверные будут благословенны в раю!»

«Быть посему!» — ответил Адам; которому суждено будет в день воскресения позвать каждого человека по имени и произнести ему его приговор в соответствии с тем, в какую сторону качнется чаша весов правосудия.

После того как завет был заключен, Аллах еще раз прикоснулся к спине Адама, и весь род человеческий возвратился в него.

И вот, когда Аллах уже собирался покинуть Адама на всю его оставшуюся жизнь, последний издал такой душераздирающий вопль, что {41} вся земля содрогнулась до ее основания. Тогда Всемогущий решил продлить Свою милость и сказал: «Следуй за этим облаком. Оно приведет тебя к месту, расположенному прямо напротив Моего небесного трона. Воздвигни там для меня храм, и когда ты будешь обходить вокруг него, Я буду так же близко к тебе, как к ангелам, что окружают Мой трон!»

Адам, все еще сохранявший свою первоизданную фигуру великана, за несколько часов добрался из Индии до Мекки, где облако, за которым он шел, остановилось. На горе Арафа близ Мекки к своей огромной радости он увидел свою жену Еву, и от этого слова (от «арафа», то есть «знать», «узнавать») и происходит название той горы. Они немедленно начали строительство храма с четырьмя воротами; первые ворота они назвали Ворота Адама; вторые — Ворота Авраама; третьи — Ворота Исаиила; и четвертые — ворота Мухаммеда. План строения они получили от ангела Гавриила, в то же самое время принесшего им огромный бриллиант, сиявший с необыкновенной силою, который впоследствии был запачкан человеческими грехами, и, в конце концов, стал абсолютно черным.

Этот черный камень, самое священное сокровище благословенной Каабы, был первоначально ангелом, охранявшим запретное дерево, в обязанности которого входило предостеречь Адама, если тот приблизится к дереву. Но {42} пренебрегший своим долгом страж был обращен в бриллиант, который в судный день вновь примет свой изначальный облик, и вернется к сонму святых ангелов.

Затем Гавриил дал указания Адаму относительно всех обрядов паломничества, особенно того, как они будут совершаться при Мухаммеде, в более позднее время; также он запретил ему прикасаться к Еве, как к жене, до вечера четверга — пока не закончатся священные дни.

— И сколько лет предопределено прожить мне?

— Одну тысячу.

— А можно ли на небесах делать подарки?

— Разумеется!

— Так я дарю семьдесят лет из моей жизни Давиду!

И что же после этого Адам сделал? Он написал-таки дарственную, поставил свою печать, и то же самое сделали Господь и Метатрон». — *«Мидраш Ялсут»*, стр. 12.

На следующее утро Адам вернулся со своей женой в Индию, где и прожил всю оставшуюся жизнь. Но каждый год он совершал паломничество в Мекку, пока, в конце концов, не потерял свой изначальный рост, оставшись высотой всего в шестьдесят ярдов. Это уменьшение его роста, согласно богословской традиции, было вызвано непереносимым ужасом и горем, которое он испытал после убийства Авеля.

Ибо Ева родила ему двух сыновей, которых он назвал Кабиль и Хабиль (Каин и Авель), и несколько дочерей, которых Адам отдал в жены их братьям. Прекраснейшую из них он предназначил Авелю, однако Каин был недоволен этим, и возжелал заполучить ее себе, хотя у него уже была одна жена. Адам предоставил решение этого вопроса Аллаху, и сказал своим сыновьям: «Пускай каждый из вас принесет жертву Аллаху, и чья жертва {43} будет Ему угодна, пусть тот и женится на ней». Авель принес в жертву откормленного барашка, и огонь, сошедший с небес, поглотил его. Каин же принес немного фруктов, которые так и остались нетронутыми на алтаре. После этого сердце Каина наполнилось завистью и ненавистью по отношению к своему брату, только он не мог сообразить, как же ему погубить его.¹

Однажды Иблис явился на пути Каина, идущего с Авелем в поле, и, схватив камень, бросил его в голову пробежавшему мимо волку. Каин последовал его примеру, и, взяв большой камень, стал долбить им своего брата в лоб, пока тот не пал на землю бездыханным. Затем Иблис, приняв облик ворона, убил другого ворона, и, вырыв в земле яму своим клювом, положив туда труп. Затем он забросал его землей, выкопанной из ямы. То же самое сделал Каин и со своим братом,² так что Адам {44} долгое время пребывал в неведении о судьбе своего сына и потихоньку сжимался от тревог и печали.

Это продолжалось до тех пор, пока он не узнал все, что случилось с Авелем, не покорился воле Аллаха, и не был утешен.

Вот как произошло открытие места погребения Авеля:

¹ «Каин и Авель решили разделить мир между собою, чтобы один владел движимым, а другой недвижимым имуществом. Каин сказал своему брату: “Земля, на которой ты стоишь — моя; так что ищи себе убежище в воздухе”. Но Авель отвечал: “Тогда одежда, которую ты носишь — моя; снимай ее!” Между ними возникла ссора, которая закончилась гибелью Авеля. Раввин Хуна считает, что они поссорились, будучи соперниками, добиваясь сестры-близнеца Авеля: последний претендовал на нее на основании того, что был рожден вместе с нею, Каин же ссылался на свое право первородства». — *«Мидраш»*, стр. 11.

² «Собака, которая прежде сторожила стада Авеля, теперь стала охранять и его останки, чтобы они не стали добычей хищных зверей и птиц. Адам и Ева рыдали, сидя возле тела убитого сына, не знали, что же им делать. Но ворон, чей друг был также убит, сказал: “Я пойду и научу Адама, что ему делать со своим сыном”. Он выкопал могилу, и положил туда погибшего ворона. Когда Адам увидел это, то сказал Еве: “Давай сделаем (стр. 44) то же самое с нашим ребенком”. Господь вознаграждал за это ворона, и никто не может с тех пор нанести вред его вороньятам; еды у них всегда в изобилии, и их каркающий крик — просьба о дожде — всегда бывает услышан. Раввин Йоханан считает, что Каин не подозревал о том, что от Господа не укроется ничего тайного; и поэтому, закопав Авеля, на вопрос Господа: «Где Авель, брат твой?», отвечал: “Разве я сторож брату моему?”» — *«Мидраш»*, стр. 11.

После своего изгнания из рая Адам питался дикими травами, плодами и мясом диких животных. Затем по повелению Аллаха ангел Гавриил принес ему оставшиеся зерна пшеницы, которую сорвала Ева, хомут для вола, различные орудия земледелия, и научил Адама пахать, сеять и жать.

Однажды, когда он работал в поле, его плуг внезапно остановился, и никакие усилия его скота не смогли сдвинуть плуг с места. Адам начал бить волов, но вдруг самый старший из них закричал ему:

— Зачем ты бьешь меня? Разве Аллах бил тебя, когда ты не слушался Его?

Адам взмолился: «О, Аллах, после того, как ты простил мне мой грех, позволительно ли каждой скотине на поле бранить меня?» {45}

Аллах услышал его сетование, и с этого момента низшие животные потеряли дар речи. Между тем, поскольку плуг так и оставался недвижимым, Адам начал копать, и наткнулся на все еще различимые останки своего сына Авеля.

Во время сбора урожая Гавриил явился к людям опять и научил Еву печь хлеб. Адам сумел соорудить печь, и Гавриил принес ему огонь из ада, но сначала омыл его семьдесят раз в морской пучине, в противном случае это жаркое пламя немедленно сожгло бы все землю со всем ее содержимым. Когда хлеб был испечен, ангел обратился к Адаму:

— Это будет основной пищей тебе и твоим детям.

Не смотря на то, что Адам пролил так много слез, возделывая свою пашню, что они послужили ему вместо дождя для увлажнения почвы и всхожести семян, все его потомки по причине своих собственных беззаконий оказались обречены на еще более тяжкий труд. Даже во времена Идриса (Еноха) пшеничное зерно было не больше гусиного яйца; во времена Илии оно уменьшилось до размеров куриного. Когда иудеи попытались убить Христа, оно стало с голубиное яйцо; и, наконец, во время правления Узайра (Ездры) оно достигло своей теперешней величины.

Когда Адам и Ева в совершенстве овладели всеми секретами земледелия, ангел Гавриил принес им ягненка, и научил их закалывать его во имя Аллаха, стричь его шерсть, снимать с него {46}шкуру и выделывать ее. Под руководством этого ангела Ева научилась прясть и ткать, и смастерила одежду для Адама и покрывало для себя. И оба они, Адам и Ева, передали свои знания, полученные от ангела Гавриила, своим внукам и правнукам, которых, согласно одним источникам, было сорок, а согласно другим — все семьдесят тысяч.

После смерти Авеля и Каина — а последний был убит ангелом, совершающим отмщение за пролитую кровь — Ева родила Адаму третьего сына, которого назвала Сифом: он стал отцом множеству сыновей и дочерей и прародителем всем пророкам.

На девятьсот тридцатом году жизнь Адама подошла к концу, и к нему явился ангел смерти в образе безобразного козла и потребовал его душу. В тот же момент земля разверзлась у ног престарелого Адама и потребовала его тело. Адам, затрепетав от страха, возразил ангелу смерти: «Эй, Аллах пообещал мне тысячу лет

жизни! ты пришел слишком рано». «Разве ты не подарил семьдесят лет из своей жизни Давиду?» — возразил ему ангел. Адам отрицал это, ибо он, разумеется, давно уже успел позабыть о том эпизоде; но ангел смерти вытащил из своей бороды пергамент, на котором была написана дарственная, и развернул его перед Адамом. Увидев перед собою старый документ, Адам без сопротивления отдал ангелу свою душу.

Его сын, Сиф, омыл и похоронил своего отца, после чего Гавриил, или, согласно другим источникам, Сам Аллах, {47} произнес благословение. То же самое было совершено и с телом Евы, которая скончалась в следующем году.

В отношении места их захоронения мусульманские богословы расходятся. Одни считают, что это Индия, другие же называют гору Кубейс, и даже Иерусалим. Но Один лишь Аллах знает правду.

ИДРИС, ИЛИ ЕНОХ.

ИДРИС, или Енох, был сыном Иареда, сына Малелеила. Но мусульмане зовут его «Идрис» — от глагола «дараса», то есть, «изучать» — ибо он постоянно был занят изучением священных книг, как тех, которые Аллах открыл еще Адаму, так и тех, которые Гавриил принес ему с небес. Он был настолько благочестив и набожен, что Аллах помазал его быть Своим пророком, и послал его в качестве проповедника к потомкам Каина. Эти люди занимались только грешными делами, не используя ни на что доброе свои гигантские формы и ту исключительную силу, которою их наделил Аллах. Енох непрерывно призывал их вести себя благочестиво, но ему не раз приходилось обнажать свой меч, чтобы защитить свою жизнь. Он был первым, обнажившим меч за Аллаха, первым, кто изобрел весы, чтобы избежать обмана в торговле, первым, кто научился шить одежду и писать тростниковым пером-«каламом». Идрис страстно желал попасть в рай; тем не менее, он не искал себе смерти, ибо стремился делать добро на этой земле; и если бы не его проповеди и меч,¹ сыновья Каина затопили бы этот мир своими беззакониями. Аллах послал к Идрису ангела смерти в образе прекрасной девы, чтобы проверить, действительно ли он {49} достоин того особого внимания свыше, которого до сих пор еще не удостоивался ни один из живших на земле людей.

— Пойдем со мной, — сказал преображенный ангел, — теперь тебе предстоит исполнить достойное дело для Аллаха. Моя младшая сестра была украдена одним из нечестивых потомков Каина, который заточил ее на самых дальних землях Запада! Повяжи свой меч на пояс, и помоги мне освободить ее!

Енох заткнул за пояс свой меч, взял лук и дубинку, одним ударом которой он однажды уложил целый ряд врагов, и двинулся в путь. Он следовал за девой с утра до вечера, через необитаемые и безводные пустыни, не произнося ни слова, не бросая даже взгляда на нее. Ночью она воздвигла шатер, но Идрис расположился на ночлег у его входа и лег спать прямо на каменистую почву. На ее предложение разделить с ней шатер, он ответил: «Нет, но если у тебя есть что-нибудь съестное, то дай мне, я бы не отказался поесть». Девушка указала ему на овцу, бродившую одиноко по пустыне, но Енох-Идрис и тут отказался: «Уж лучше я буду голодным, чем стану воровать; эта овца принадлежит другому».

На следующий день они продолжили свое путешествие. Как и прежде, Енох следовал за девушкой, не издавая ни единого вздоха жалобы, хотя он едва не валился с ног от жажды и голода. Ближе к вечеру они нашли бутылку с водой на земле. Девушка подняла ее, и {50} начала настаивать, чтобы Енох утолил наконец свою жажду, но тот вновь отказался: «Наверное, какой-то несчастный путник потерял ее, и, вернувшись, будет искать свой сосуд с водою».

Настала ночь. Идрис и на этот раз не поддавался ни на какие уловки девушки заманить его в свой шатер, и Аллах отверз источник чистой и свежей воды, который пробился прямо у ног Идриса, а рядом проросла финиковая пальма,

¹ См. «Предисловие» английского переводчика.

усеянная отборными плодами. Идрис пригласил свою спутницу отведать фиников и испить воды, а сам скромно укрылся за деревом, ожидая, когда девушка вернется под сень шатра. Поскольку она долгое время не выходила, он подошел к входу и спросил: «Кто ты, одинокая дева? Эти два дня ты провела совсем без пищи и даже не пожелала прервать свой пост, когда сам Аллах чудесным образом обеспечил нас едой и питьем. И несмотря на это, ты остаешься такой свежей и цветущей, словно покрытая утренней росой весенняя роза, и такой полной и круглой, как луна в полнолуние, в ее пятнадцатую ночь».

— Я ангел смерти, — отвечала она, — посланный Аллахом, чтобы испытать тебя. Ты победил. Теперь ты можешь просить о чем угодно, и Он исполнит любые твои желания.

— Если ты ангел смерти, возьми мою душу.

— Смерть горька, неужели ты хочешь умереть?

— А я буду молить Аллаха вернуть меня к жизни еще раз, {51} чтобы после ужасов могилы я мог служить Ему еще с большим рвением.

— Так что же, ты хочешь умереть дважды? Время твое еще не пришло; впрочем, моли Аллаха, и я исполню Его волю.

Енох взмолился:

— Господи, позволь ангелу смерти дать мне вкусить смерть, но потом возврати меня вновь к жизни! Ты ли не всемогущий и милостивейший?

Ангелу смерти было приказано взять душу Идриса, но в тот же миг вернуть ее ему обратно. Возвращаясь к жизни, Идрис попросил ангела показать ему ад, чтобы он был способен описать его грешникам со всеми происходящими там ужасами. Ангел отвел его к Малику, стражнику ада, который схватил Идриса и уже собирался швырнуть его в пропасть, когда раздался голос с небес:

— Эй, Малик, берегись! Не сделай вреда моему пророку Идрису, но лишь покажи ему все ужасы твоего царства.

Тогда Малик поставил Идриса на стену, разделяющую ад и место, назначенное для обитания тех, кто не заслуживает ни ада, ни рая. Оттуда его взору предстало множество различных видов скорпионов и прочих ядовитых существ, бескрайнее море пляшущих языков пламени, чудовищных размеров котлы с кипящей водою, деревья с колючими плодами, целые реки крови и нечистот, раскаленные докрасна цепи, одежду из смолы, и так много различных приспособлений для пыток {52} грешников, что он попросил Малика уволить его от дальнейшего экскурса, и еще раз вверить его ангелу смерти.

Затем Идрис умолил последнего показать ему также и рай. Ангел повел его к воротам, у которых нес стражу Ридван. Но страж не позволил человеку войти; тогда Аллах повелел дереву «туба», которое посажено в самом центре райского сада, и, как известно, является после «сидрат аль-мунтаха» самым красивым и высоким райским деревом, нагнуть свои ветви за ограду. Идрис схватился за них, и был перенесен через стену, незамеченный Ридваном. Ангел смерти попытался воспрепятствовать этому, но Аллах сказал: «Ты что, хочешь убить его дважды?»

Так получилось, что Идрис был взят живым в рай, и ему было разрешено Всемилостивейшим оставаться там, несмотря на противодействие ангела смерти и Ридвана.¹

¹ В Библии сказано, что Господь взял к Себе Еноха, но «Мидраш» добавляет, что девяти человеческим существам на роду было написано войти в рай живыми: Еноху; Мессии; Илии; Елизару, слуге Авраама; слуге царя Куша; Хираму, царю Тира; Иавезу, сын князя и раввина Иуды; Сирах, дочери Ашер; и Битье, дочери фараона.

НОЙ, ХУД И САЛИХ.

ПОСЛЕ перемещения на небо Идриса, испорченность людей достигла таких размеров, что Аллах решил погубить все человечество посредством потопа. Однако Он спас пророка Ноя, тщетно пытавшегося обратить своих собратьев на путь добродетели: Аллах повелел ему построить ковчег для себя и своих домочадцев. Ной должен был войти в него, как только его жена заметит, что из печи льется кипящая вода.¹ Это было только началом потопа. Затем последовали непрекращающиеся дожди с небес (лившие, точно из кожаных лемехов, до краев наполненных водой и проткнутых чем-то острым), которые, смешиваясь с подземными водами, истекающими из всех земных щелей, привели к наводнению, в котором никто не спасся, кроме единственного выжившего великана Ауджа (Ога), сына Анака.² Ковчег носило в течение сорока дней от одного конца земли до другого. Он проплывал {54} над высочайшими горными вершинами, а когда достиг горы Абу Кубейс, на пике которой Аллах укрыл черный алмаз Каабы, чтобы тот мог послужить еще раз этому благословенному храму, ковчег семь раз обернулся вокруг этого священного места. Через шесть месяцев ковчег остановился на горе Джуди в Месопотамии, и Ной вышел из него, как только голубь, которого он послал проверить состояние земли, вернулся, неся в клюве оливковую ветвь. Ной благословил голубя, и Аллах подарил этой птице ожерелье из зеленых перышков; ворона же, которого Ной послал раньше голубя, Он проклял, потому что вместо того, чтобы вернуться к Ною, ворон остался, чтобы полакомиться трупом, который он нашел на земле,³ и с тех пор ворон не может больше ходить, как другие птицы.

Однако, несмотря на все бедствия потопа, который по замыслу Аллаха должен был послужить людям вечным предостережением от греха, вскоре Иблис вновь начал преуспевать в отвращении рода человеческого от стези добродетели. Все пошло, как и прежде. Даже сыновья Ноя, Хам и Иафет, пренебрегши уважением, которое им подобало бы оказывать своему отцу, однажды, найдя Ноя спящим, узрели его наготу и оставили лежать непокрытым. А Хам даже {55} насмеялся над ним, и за это он стал отцом всех народов черной расы. Потомки Иафета, хотя и сохранили белый цвет кожи, однако никто из них не смог больше достичь праведности и величия пророка. Сим (Шем), таким образом, явился единственным прародителем всех пророков, среди которых оказались и особо отмеченные Мухаммадом Худ с Салихом, жившие непосредственно после потопа.⁴ Худ был послан к расе великанов, населявших Эдом — землю в Южной Аравии, которой

¹ «Поколение потопа было уничтожено кипящей водой». — *«Мидраш»*, стр. 14.

² «Кроме Ноя, спасся еще Ог, царь Башана, ибо он ухватился за одну из балок ковчега, и поклялся Ною, что он и его потомство будут служить ему рабами. Ной сделал отверстие в стенке ковчега, и ежедневно давал Огу немного пищи, ибо написано: “Только Ог, царь Башана, выжил один из всех великанов”». — *«Мидраш»*, стр. 14.

³ В *«Мидраше»* на стр. 15 говорится о том же самом, из чего выводится заключение, что никто не должен добиваться своих целей [грязными] незаконными методами: ворон — существо нечистое (нарушившее закон), в то время как голубь — птица чистая.

⁴ Худ — вероятно, библейский Еввер, которого иудейские раввины чтят как пророка и основателя прославленной школы богословия.

правил тогда царь Шаддад, сын Аада. Когда пророк обращал этого монарха в ислам, тот поинтересовался: «А какова будет мне награда, если я пребуду в повиновении?» «Мой Господь, — отвечал пророк, — даст тебе в грядущей жизни вечнозеленые сады и дворцы из чистого золота и драгоценных камней». На что царь ответил: «Я не нуждаюсь в твоих обещаниях, ибо даже в этой жизни могу насадить себе сады и построить замки для отдыха и увеселений из чистого золота, украшенные великолепными жемчужинами и другими драгоценностями». Затем он основал Ирем, и назвал его «Город с колоннами», ибо каждый из его дворцов покоился на тысяче колонн из рубинов и изумрудов, и любая из колонн достигала в высоту сто локтей. Затем царь Шаддад прорыл каналы и насадил сады, изобиловавшие прекрасными фруктовыми деревьями и необыкновенной красоты цветами. {56}

Когда все работы были завершены с соответствующим чрезмерным великолепием, Шаддад воскликнул: «Теперь у меня и в самом деле есть все, что Худ обещал мне в грядущей жизни!» Однако, когда царь уже намеревался войти в этот город, Аллах внезапно скрыл его от очей Шаддада и его спутников, и с тех пор этот град ни разу не являлся пред взором человека, за исключением одного случая во времена правления Маккавеев.

Долго царь со своей свитой блуждал по пустыне, страдая от дождя и непогоды, пока, наконец, они не нашли себе убежище в пещерах. Однако по повелению Аллаха своды пещеры обрушились, все люди погибли, и только Худу удалось спастись.

Гибель этого племени вынудила их сородичей, «самудитов», войско которых насчитывало семьдесят тысяч воинов, искать себе другое место жительства. Эти люди поселились в области, расположенной между Сирией и Хиджазом, поскольку опасались, что тоже могут быть погублены, и надеялись избежать гнева Аллаха, воздвигнув свои жилища на прочных скалах. Джунду Эбен Омер, царь самудитов, воздвиг на этой земле свой дворец с невиданной доселе на земле роскошью, и их верховный жрец Канух построил себе такой же. Но самым дорогостоящим и совершенно изумительным зданием племени самудитов оказался их храм. Внутри этого здания был размещен идол, отлитый из превосходного золота и украшенный драгоценными камнями: у идола было человеческое лицо, львиное тело, бычья шея и конские ноги. Однажды, когда творившего в храме молитвы Кануха сморил сон, он услышал голос, изрекший: «Истина восторжествует, {57} а обман исчезнет». Он в страхе вскочил на ноги и ринулся к идолу, но, о ужас! идол был повержен ниц, а рядом с ним валялась свалившаяся с его головы корона. Из груди Кануха вырвался крик о помощи; подоспевшие на выручку царь и его визири поставили идола на прежнее место, водрузив ему на голову корону. Однако все случившееся произвело сильное впечатление на первосвященника. Его вера в идола пошатнулась, и рвение служить ему остыло. Вскоре царь заметил перемены, произошедшие с его верховным жрецом, и послал своих визирей, чтобы схватить и допросить Кануха. Но едва царские приспешники покинули палаты его дворца, как были поражены слепотой и не смогли найти дом верховного жреца. Между тем Аллах послал двух ангелов, которые перенесли Кануха в отдаленную долину, где обитало неведомое ему племя, в тенистый грот, в котором ему было приготовлено

все необходимое для жизни. Там он жил мирно, служил одному Богу, и находился в безопасности от преследователей Джунду, который тщетно посылал во все стороны своих подручных, чтобы разыскать Кануха. В конце концов, царь потерял всякую надежду найти его, и назначил верховным жрецом вместо Кануха своего двоюродного брата Давуда. Но уже на третий день своего вступления в должность, Давуд вбежал, запыхавшись, к царю, и сообщил ему, что идол опять упал со своего места. Однако царь и на сей раз {58} восстановил его, и Иблис воскликнул из уст идола: «Будь непоколебим в служении мне и избегай всяческих искушений, в которые будут ввергать тебя иные новаторы». На следующий праздничный день, когда Давуд собирался принести в жертву идолу двух откормленных быков, они обратились к царю человеческими голосами: «Зачем ты хочешь нас, которым Аллах даровал жизнь, принести в жертву этому безжизненному куску золота, которое ты своими руками выкопал из земли, хотя и оно, как и ты сам, создано Аллахом? Погуби же, о Аллах, этот грешный народ!» С этими словами быки бросились бежать, да так быстро, что и самые быстрые царские всадники не смогли их догнать. Однако, мудрый и долготерпеливый Аллах решил еще на какое-то время пощадить самудитов и послал им пророка, который, творя многие чудеса, должен был убедить их обратиться к истине.

Рагва, жена Кануха, оставалась безутешной с тех самых пор, как пропал ее муж; однако, на третий год Аллах послал ей райскую птицу, чтобы та показала ей путь к его пещере. Эта птица была вороном, только голова у него была бела, как снег, его спина изумрудной, ноги малиновыми, клюв, как ярчайший солнечный луч, а глаза сияли, как бриллианты. И только одна грудь этого ворона оставалась черной: проклятие Ноя, которое сделало всех воронов абсолютно черными, не коснулось этой священной птицы. Была полночь, когда {59} ворон вошел в темную спальню Рагвы, где она плакала, возлежа на ковре. Но быстрый взгляд его на ее покои, осветил их так, как если бы солнце внезапно взошло в них. Женщина подняла голову со своего ложа и с удивлением воззрилась на чудесную птицу, которая, открыв свой клюв, сказала: «Поднимайся и следуй за мной, ибо Аллах жалился над твоими слезами, и пожелал соединить тебя с твоим мужем». Она встала и пошла вслед за вороном, который летел перед ней, превращая ночь в день сиянием своих очей, и не успела еще утренняя звезда взойти, как женщина уже подошла к заветному гроту. Тут ворон прокаркал: «Канух, поднимайся скорее и встречай свою жену!», а затем исчез.

В первый год их воссоединения Рагва родила Кануху сына, который был точной копией Сима, и свет пророческого дара воссиял у него на лбу. Отец мальчика нарек его «Салихом» (что означает «набожный»), ибо намеревался воспитать его в вере в Единого истинного Бога и в благочестии; однако вскоре после рождения Салиха Канух скончался, и райский ворон снова появился в гроте, чтобы вернуть Рагву и ее сына в город Джунду. Там Салих быстро окреп и душой и телом, обожаемый своей матерью и всеми, кто приходил к ним в дом; и к восемнадцати годам он стал самым сильным и прекрасным, и в равной степени самым одаренным юношей своего времени.

В это время потомки Хама, выступили в поход против самудитов, {60} и, по всей видимости, уже были готовы их уничтожить. Лучшие самудитские воины уже

были убиты, и оставшиеся собирались обратиться в бегство, когда на поле боя внезапно появился Салих во главе небольшого отряда из своих друзей, и благодаря личной отваге и блестящему искусству одержал победу над врагом, разгромив его совершенно. Этой победой он снискал любовь и благодарность самых добропорядочных членов своего племени, но царь возненавидел его с тех пор, и искал случая убить его. Однако, как только убийцы входили в жилище Салиха, чтобы по повелению царя лишить его жизни, их руки оказывались парализованными и могли вновь пошевелиться только после заступничества Салиха перед Аллахом. Таким образом, число верующих в Салиха и его невидимого Бога постепенно возрастало и вскоре достигло сорока человек, которые построили мечеть, где сообща стали совершать служение.

Однажды царь со своими воинами окружил их мечеть и стал угрожать Салиху и его приверженцам смертью, если только Аллах не спасет верующих каким-нибудь чудесным образом. Салих вознес молитву, и листья финикового дерева, что росло перед мечетью, внезапно обратились в скорпионов и ядовитых змей, которые стали падать на царя и его свиту, пока два голубя, живших под крышей мечети, не воскликнули: «Верьте в Салиха, ибо он — пророк и посланник Аллаха!» После этого первого двойного чуда, {61} произошло второе чудо, а за ним и третье: по молитве Салиха дерево обрело свой прежний вид, а те самудиты, что погибли от укусов змей, снова вернулись к жизни.

Но царь упорствовал в своем неверии, ибо Иблис говорил с ним устами идола, называя Салиха магом-чудодеем и демоном.

Между тем, на племя обрушился голод, но и эта беда не смогла обратить самудитов на путь истинный. Когда Салих увидел их упрямство, то вознес молитву к Аллаху, прося Его уничтожить этот грешный народ.

Однако, как и его отец, Салих был во сне перенесен ангелом в подземную пещеру, где и проспал двадцать лет. Пробудившись, Салих засобирался в мечеть, чтобы исполнить утреннюю молитву, ведь он-то думал, что проспал всего одну ночь! Однако его мечеть лежала в руинах. Тогда он пошел навестить своих друзей и сторонников, но кто-то из них уже умер, другие же, думая, что он Салих бросил или был тайно убит, подались в другие страны или возвратились к идолопоклонству. Салих не знал, что же ему теперь делать. Тогда пред ним явился ангел Гавриил и сказал: «За то, что ты поспешно обвинил свой народ, Аллах отнял у тебя двадцать лет жизни: они прошли, пока ты спал в пещере.¹ {62} Но поднимайся, и проповедуй снова. Смотри, Аллах посылает тебе рубаху Адама,

¹ Мысль о заступничестве пророка перед Богом изначально принадлежит Священному Писанию. Авраам и Моисей оба пытались вступаться за людей перед Богом: один за Содом, второй за свой народ. Также, согласно древнееврейской легенде, услышав Исаяю, предрекающего Божью кару, израильтяне стали угрожать ему, что лишат его жизни, поскольку он не пытался отвлечь от них Божий гнев, подобно тому, как поступал Моисей в подобных обстоятельствах. Притча Нашего Спасителя о садовнике, который просит еще один год не трогать бесплодное дерево, имеет тот же характер. Можно привести в качестве примера и порицание Христа своих учеников, когда они хотели вызвать огонь с небес. Таким образом, наказание Салиха, каким бы изящным образом оно ни было здесь внедрено, должно быть, подобно прочим истинам Корана, отнесено к знаниям, которые мусульмане почерпнули из Священного Писания.— Э.Т.

сандалии Авеля, тунику Сима, печать Идриса, меч Ноя и посох Худа, все эти вещи помогут тебе исполнить многие чудеса, в подтверждение того, что ты станешь говорить». На следующий день царь, жрецы и вожди племени, в присутствии множества народа, прошествовали в находившееся неподалеку от пещеры святилище, в котором стоял идол, подобно тому, что был в главном храме, где совершались служения. Салих вошел в святилище и встал между царем и дверью. И когда царь поинтересовался, кто он такой, ибо за двадцать лет, что он провел в пещере, его внешность так сильно изменилась, что царь не узнал его, ответил: «Я Салих, посланник Единственного Подлинного Бога, которого двадцать лет назад я проповедовал тебе и явил множество ясных чудес, подтверждавших истинность моей миссии. Но поскольку ты, как я понял, все еще упорствуешь в своем идолопоклонстве, я еще раз во имя Господа и по Его произволению {63} явлю перед твоими глазами любое чудо, какое ты пожелаешь, в подтверждение моего пророческого призвания».

Царь стал совещаться со своим братом Шихабом и с верховным жрецом Давудом, которые стояли рядом с ним. Затем он сказал Давуду следующее. «Если он действительно посланник Аллаха, пусть сделает так, чтобы из этой каменистой горы вышел верблюд, в сотню локтей высотой, сияющий всевозможными красками, переливающимися на его спине, с очами, сверкающими, как молнии, с голосом, подобном грому, и с ногами, быстрее, чем ветер». Когда Салих выразил готовность представить такого верблюда, Давуд добавил: «Передние ноги его должны быть из золота, а задние из серебра, его голову сделай из изумруда, а глаза из рубинов, и на своей спине пусть он носит шелковый шатер, который будет поддерживаться четырьмя бриллиантовыми колоннами, инкрустированных золотом». Салиха несколько не смутили все эти дополнительные требования, и царь сказал: «Ладно, слушай, Салих, если ты действительно пророк Аллаха, сделай так, чтобы в этой горе образовалась трещина, и из нее вышла верблюдица с кожей, шерстью, плотью и кровью, костями, мышцами и жилами, все, как и у других верблюдов, только намного больше. И пусть она тут же родит верблюжонка, который будет ходить за ней, как каждый ребенок следует за своей матерью, и как только он появится на свет, пусть воскликнет: «Есть только один Бог и Салих — Его посланник и пророк!»

— А ты обратишься к Аллаху, если я и вознесу к Нему молитвы, и Он произведет такое чудо на твоих глазах? {64}

— Ну, конечно! — отвечал Давуд, — Да, пусть еще также верблюдица постоянно сама дает молоко, которое должно быть холодным летом, и теплым зимой!

— Все ли это ваши условия? — спросил Салих.

— Сейчас, подожди-ка, — продолжил Шихаб, — Э-э-э... пусть ее молоко излечивает от всех болезней и делает всех бедных богатыми; и пусть верблюдица зайдет в каждый дом, назовет всех домочадцев по имени, и наполнит там своим молоком все пустые сосуды!

— Твое желание будет исполнено, — ответил Салих, — но при условии, что никто не должен принести верблюдице вреда, или сгонять ее с пастбищ, или кататься на ней верхом или использовать для какой-либо работы.

После того, как они поклялись ему, что будут обращаться с верблюдицей, как со священным животным, Салих стал молиться: «О, Бог, который сотворил Адама из праха земного, и сотворил Еву из его ребра, и для Которого наисложнейшие вещи просты, сделай так, чтобы из этих гор вышла верблюдница, в точности такая, как описал ее царь, для того, чтобы обратились эти самудиты».

Едва лишь Салих произнес эту молитву, как земля разверзлась у его ног, и оттуда хлынул фонтан свежей воды, благоухающей мускусом, и шатер, который был воздвигнут для Адама и Евы в раю, спустился с небес. Вслед за этим каменная стена, поддерживавшая храм с восточной стороны, застонала, как женщина в родовых муках. Вот с неба спустилась стайка птиц, которые, набрав {65} в свои клювы воды из источника, окропили ею скалу, и, о, чудо! все увидели голову верблюдицы, за которой появилось и остальное тело. Когда верблюдница ступила на землю, а была она совершенно такой, какой описывал ее царь, она тотчас же воскликнула: «Нет другого Бога, кроме Аллаха, и Салих — Его посланник и пророк!» Затем явился ангел Гавриил и коснулся верблюдицы своим пламенеющим мечом, и она родила верблюжонка, который был совершенно похож на свою мать, и повторил вслед за ней требуемое признание. Затем верблюдница стала заходить в жилища людей, называя их по именам, и наполняя своим молоком все пустые сосуды. Когда она шла, все животные кланялись ей, и все деревья с глубоким почтением склоняли перед нею свои ветви.

Царь не мог больше сдерживать свой порыв, видя такие подтверждения Божьего всемогущества и миссии Салиха; он бросился на шею пророка, расцеловал его и сказал: «Я признаю, что есть только Один Бог, и что ты Его посланник!»

Но царский брат, а вместе с ним и Давуд, и все жречество, назвали совершенное чудо лишь магией и обманом, и прибегли к распространению всяческой клеветы и вероломству, чтобы удержать народ в неверии и идолопоклонстве. Между тем, волшебная верблюдница, постоянно давая молоко и вознося хвалу Аллаху каждый раз, когда спускалась к воде, обращала {66} ежедневно все новых верующих, и вожди неверных замыслили убить ее. Но прошло много времени, пока они осмелились приблизиться к ней. Шихаб написал воззвание, в котором обещал отдать в жены свою дочь Ранджан тому, кто убьет рожденную горой верблюдницу. Один молодой человек по имени Кадбар уже давно томился от любви к этой девушке, славившейся своей красотой и грацией. Он не осмеливался добиваться ее взаимности, будучи простым человеком из народа. Так вот, этот парень, вооружившись огромным мечом, сопровождаемый Давудом и еще несколькими жрецами, напал на верблюдницу сзади в то время, когда она спускалась к источнику, и ранил ее в копыто.

В тот же миг вся природа разразилась душераздирающим горестным воплем. Маленький верблюжонок взобрался, рыдая, на высочайший горный пик и воскликнул: «Пусть же проклятие Аллаха падет на тебя, о, грешный народ!» Салих вместе с царем, не покидавшим его с момента своего обращения, вошли в город, требуя наказания Кадбару и его сообщникам. Но Шихаб, который в не добрый час узурпировал трон, стал грозить им немедленной расправой. Убегая, Салих успел лишь предупредить, что Аллах будет ждать их раскаяния три дня, и если они не раскаются, то в конце третьего дня Он уничтожит их, как уничтожил их собратьев

«аадитов». Его угрозе суждено было исполниться, поскольку они остались непреклонными. {67}

Уже на следующий день люди стали желтыми, как высохшие осенние листья; и где бы ни проходила раненая верблюдица, повсюду из земли пробивались фонтаны крови. На второй день их лица стали красными, как кровь, а на третий день они стали черными, как уголь, и к вечеру того же дня люди увидели верблюдицу, парящую в небе на огненно-красных крыльях. После этого несколько ангелов низвергли вниз целую гору огня, в то время как другие ангелы отверзли подземные огненные пещеры, ведущие в ад, так что земля стала извергать пламенеющие головешки в форме верблюдов. На закате от всего племени самудитов осталась только куча пепла. Только Салиху и царю Джунду удалось спастись, они вместе отправились в Палестину, где и закончили свои дни, как отшельники.

{68}

АВРААМ.

ВСКОРЕ после смерти Салиха на свет появился пророк Авраам. Родился он в Сузах, а другие говорят — в Вавилоне. Он приходился современником могучему царю Нимроду, и был рожден в тысяча восемьдесят первом году после потопа, который, в свою очередь, случился на две тысячи двести сорок втором году от грехопадения. Родившегося на свет младенца приветствовал ангел Гавриил, поспешивший завернуть крошку Авраама в белые одежды. В ту ночь, когда родился Авраам — а это случилось в ночь с четверга на пятницу — Нимрод услышал во сне громкий голос, предупреждавший людей: «Горе тем, что не признают Бога Авраама! Истина выходит на свет, обман исчезает!» Также ему приснилось, что идол, которому он поклонялся, упал. В связи с этим Нимрод на следующее утро собрал всех своих священников и колдунов и рассказал им про свой сон. Однако никто из них не нашелся, что ему ответить, как истолковать его видение. Никто даже не знал, что это за Авраам такой. У Нимрода до того уже было видение, в котором на его глазах новая звезда затмила собою свет солнца и луны, в связи с чем волшебники предупредили царя о мальчике, который поставит его трон под угрозу. Этот мальчик, говорили они, может подорвать веру народа в царя, ибо Нимрод заставлял людей поклоняться ему. {69} Однако, памятуя о том, что после того видения он повелел предавать смерти каждого новорожденного младенца мужского пола, Нимрод не видел дальнейшего повода для беспокойства. Один лишь Авраам из всех родившихся в ту пору младенцев оказался спасен от смерти, благодаря чудесному вмешательству свыше. Вот какое свершилось чудо: его мать во все время своей беременности оставалась такой худою, что никто и не подумал, что она находится в тягости. Когда настал ее час родить, женщина укрылась в находившейся за городом пещере, где, при помощи ангела Гавриила, она счастливо разрешилась от своего бремени. В той пещере Авраам пребывал на протяжении пятнадцати месяцев, оставаясь в укрытии. Мать время от времени навещала своего ребенка, заботясь о нем. Однако же, дитя не нуждалось в пище от нее, ибо Аллах повелел воде течь из одного из пальчиков Авраама, из другого потекло молоко, из третьего мед, финиковый сок из четвертого, и масло из пятого. Сделав первый свой шаг за пределы пещеры, Авраам увидел свет прекрасной звезды и воскликнул: «Вот мой бог, что давал мне пищу и питье во тьме пещеры!» Но тут взошла луна во всей своей красе, и свет полной луны затмил свет звезды. Тогда Авраам сказал: «Это не бог; лучше я буду поклоняться луне!» Но когда, ближе к утру, луна померкла и стала совсем бледною, и поднялось солнце, ребенок признал и это светило за божество, пока оно не исчезло за горизонтом на исходе дня. Тогда Авраам спросил свою мать: «Кто же мой бог?», и она ответила:

— Это я. {70}

— А кто твой бог? — он продолжал расспросы.

— Твой отец.

— А кто же бог моего отца?

— Нимрод!

— Но кто же бог Нимрода?

Тогда она ударила его по лицу и велела: «Молчи!» Ребенок замолчал, но про себя подумал: «Не признаю никакого иного бога, кроме Того, Кто сотворил небо и землю и все, что в них!» Когда мальчик немного подрос, его отец, Асер, занимавшийся изготовлением идолов, послал его торговать своими изваяниями. Однако Авраам заплакал: «Кто же будет покупать то, что приносит владельцу лишь вред, и никакой пользы?!» И никто у ребенка ничего не покупал. В один прекрасный день, когда все жители города ушли на поклонение к статуе какого-то идола, Авраам не пошел, притворившись нездоровым. Оставшись дома один, он разбил семьдесят два идола, находившихся в местном храме. Именно тогда он приобрел почетное прозвище «Халиль Аллах» («Друг Бога»). Однако когда паломники вернулись домой, Авраам оказался взят под стражу. Его привели к Нимроду, поскольку на мальчике лежало двойное подозрение: во-первых, он был единственным, остававшимся на тот момент дома, а во-вторых, за презрительные отзывы об идолопоклонстве, которые он себе часто позволял. Нимрод приговорил Авраама к смерти и повелел сжечь его заживо за кощунство.¹ Тогда жители {71}

Вавилона стали собирать дрова для огромного костра. На это у них ушел целый месяц, а некоторые из мусульманских богословов утверждают, что и сорок дней. Говорится, что в то время у людей не было иной более богоугодной работы, чем сбор этого топлива. Например, если кому-нибудь становилось плохо, или если кто-то хотел приобрести себе благосклонность в глазах своих богов, то такой

¹ Иудейская легенда относительно насмешек Авраама над идолопоклонством и приговором его к сожжению заживо такова:

«Терах был идолопоклонником, и, когда он однажды отлучился в поездку, назначил Авраама вместо себя торговать своими идолами. Но как только приходил какой-нибудь покупатель, Авраам сразу спрашивал его о возрасте. Когда клиент говорил: «Мне пятьдесят, или, шестьдесят лет», Авраам тут же отвечал: «Горе шестидесятилетнему мужчине, который собирается служить результату однодневного труда!» Таким образом, покупатели уходили ни с чем, будучи пристыженными.

Однажды к Аврааму пришла женщина с сосудом прекрасно смолотой муки и сказала: «Поставь это перед ними». Однако Авраам взял ее сосуд, разбил им всех идолов на кусочки, и вложил муку в руки самого большого из изваяний. Когда его отец вернулся домой, то спросил: «И кто же это все натворил?!» Авраам сказал: «А к чему бы мне отрицать? Приходила к нам какая-то женщина с сосудом свежесмолотой муки, так она велела мне поставить ее приношение перед идолами. Когда я так и сделал, каждый из них бросился поскорее наесться первым; но затем поднялся самый здоровый и всех погромил этим сосудом!» Терах разозлился: «Что ты мне за сказки рассказываешь? Идолы же совсем бесчувственные!»

Авраам отвечал ему: «Слышали бы твои уши, что произносят твои уста!»

Тогда Терах схватил его и потащил к Нимроду. Тот сказал Аврааму: «Давай-ка, поклонимся огню!»

— Так уж лучше воде, что тушит огонь!

— Ладно, давай поклонимся воде.

— Тогда лучше туче, что несет с собою воду.

— Хорошо, пускай туче.

— А не лучше ли ветру, что разгоняет тучи?

— Ладно, пускай ветру.

— А может, человеку, что выдерживает ветер?

— Ну что ты за пустомеля! — отвечал царь, — Я поклоняюсь огню, и потому тебя бросят в огонь. Пусть Бог, Которого ты так обожаешь, избавит тебя от пламени!

Авраам был брошен в раскаленную печь, но остался невредим». — См. *Geiger*, i., стр. 124.

человек приносил обет собрать какое-то количество {72} дров после своего выздоровления или после исполнения своего желания. Особенно активными оказались женщины: они занимались стиркою или нанимались поденщицами для выполнения какой-нибудь ручной работы, и на заработанную плату покупали дрова. Как только собранная куча достигла тридцати локтей в высоту и двадцати в ширину, Нимрод приказал разжигать костер. Огонь поднялся ввысь с такою силой, что поглотил множество птиц, порхавших по небу; дым от костра погрузил во мрак весь город, а треск горящего дерева можно было услышать на расстоянии в целый день пути от Вавилона. Затем Нимрод велел привести к нему Авраама и вновь задал ему вопрос:

— Кто твой Бог?

— Тот, Кто имеет власть убить и возратить жизнь вновь, — таков был ответ Авраама.

После этого он в один момент вызвал из могилы дух человека, который скончался много лет назад, и приказал ему принести белого петуха, черного ворона, зеленого голубя и крапчатого павлина. Когда тот принес ему всех этих птиц, Авраам разрубил их на тысячу кусочков и разбросал в разные стороны, оставив у себя в руках только четыре головы. Затем он произнес молитву над этими отрубленными головами, после чего назвал каждую из птиц по имени. И вот! Отовсюду к Аврааму начали слетаться маленькие кусочки, они стали присоединяться к головам, и вскоре перед волшебником оказались четыре птицы, живые, как и прежде. Однако дух человека, восставший из мертвых по команде Авраама, вновь убрался в свою могилу. {73}

В ответ на это Нимрод приказал привести к нему из темницы двух преступников. Одного он велел казнить, а другого помиловал, сказав при этом: «Я тоже бог, ибо и я могу распоряжаться жизнью и смертью!» Какой бы смешной ни была его выходка, ведь во власти царя было лишь вынесение приговора живому человеку, но никак не воскрешение из мертвых, Авраам не стал возражать. Для того чтобы заставить Нимрода замолчать раз и навсегда, он сказал ему: «Аллах повелевает солнцу всходить на востоке; если ты — Аллах, прикажи солнцу хотя бы раз взойти на западе!» Однако вместо ответа вконец разгневанный царь крикнул своим слугам бросить Авраама в огонь. Для этого была использована специальная машина, сконструированная по совету, который дал Нимроду сам сатана.

В ту же самую секунду небеса со всеми их ангелами и земля со всеми живыми созданиями возопили в один голос: «Господи, Боже Авраама! Друг твой, который один имеет смелость поклоняться Тебе на земле, брошен в огонь — позволь нам спасти его!» Тот ангел, что отвечает за хранилища воды, уже собирался загасить пламя костра, устроив потоп с неба; а тот, что повелевает ветрами, хотел разметать костер бурей, послав ветры со всех концов земли. Но Аллах — да будет благословенно Его Имя! — сказал: «Я позволю любому из вас, к кому Авраам обратится за помощью, спасти его; однако если он обратится ко Мне Единому, тогда не вмешивайтесь. Я немедленно приду на помощь, и позвольте Мне Одному

спасти его от смерти».¹ И взмолился Авраам {74} из середины костра: «Нет бога кроме Тебя; Ты — Всевышний, Тебе вся слава и хвала веки!» Страшное пламя уже охватило его одежды, когда Аврааму предстал ангел Гавриил и спросил: «Нужна ли тебе моя помощь?»

— Помощь Одного Аллаха — вот все, в чем я нуждаюсь! — отвечал Авраам.

— Так моли же Его, чтоб Он мог спасти тебя! — поторопил Гавриил.

— Он и так знает о моем положении, — возразил Авраам.

Тут все земные создания попытались загасить огонь; ящерица решила дунуть на пламя, и в наказание сразу же сделалась немой.

По приказанию Аллаха Гавриил крикнул огню: «Ну-ка, успокойся и не делай Аврааму никакого вреда!» Этим словам Авраам оказался обязан своим спасением, поскольку в ту же секунду как прозвучал голос Гавриила, вокруг Авраама сделалось очень холодно, до того, что он даже успел здорово продрогнуть в самой середине страшного пламени, пока чудесный холод не уменьшился. А огонь костра оставался таким же, каким и был, он продолжал разгораться, но волшебным образом утратил весь свой жар. Причем это произошло не только {75} с костром Авраама, но и со всеми огнями, разожженными в тот день по всей земле.

После этого Аллах повелел источнику чистой воды забить прямо посреди костра, и на месте, где лежал Авраам, взошли из земли и расцвели розы и прочие цветы. Помимо этого, Аллах послал своему пророку шелковое одеяние из рая и ангела в человеческом облике, чтобы составить Аврааму компанию на семь суток, ибо именно столько времени он оставался в середине огня. В последствии Авраам вспоминал об этих семи днях как о счастливейшем времени своей жизни.

Это чудесное спасение Авраама на костре привело к тому, что он сочетался с Разою, дочерью Нимрода. Дело в том, что на седьмой день после того, как Авраам был брошен в огонь, Раза стала умолять своего отца позволить ей повидаться с Авраамом. Нимрод попытался отговорить свою дочь от этой затеи, разубеждая ее: «Каким же это образом ты можешь с ним увидеться? Он давно уже превратился в пепел!» Однако она не переставала упрашивать его, пока он не разрешил ей подойти к горящему костру поближе. Там она рассмотрела Авраама — через огонь — сидящего с комфортом в центре цветущего сада. Ошеломленная, девушка воскликнула: «О, Авраам, неужто огонь не поглотил тебя?» Авраам отвечал ей: «Над теми, кто хранит в своем сердце Аллаха, и с уст кого не перестают слетать слова “Во имя Аллаха Многомилостивого!” — над такими огонь власти не имеет!» {76}

Между тем, девушка стала просить у него разрешения, чтобы присоединиться к нему; но Авраам предупредил ее: «Признай, что существует Единый подлинный Бог, Который избрал меня быть Его посланником!» Как только она сделала такое

¹ В «Мидраше» на 20-й странице говорится: «Когда нечестивый Нимрод бросил [стр. 74] Авраама в раскаленную печь, Гавриил сказал: “Господи всего мира, дозвожь мне спасти сего святого из огня!”, но Господь ответил: “Аз есмь Единый Всемогущий в Моем мире, а он — один такой же всемогущий в своем, таким образом, Всемогущему надлежит спасти всемогущего!”»

заявление о своем новом вероисповедании, пламя гигантского костра расступилось перед нею, и Раза смогла пройти к Аврааму безо всякого вреда. Несмотря на все эти чудеса, когда она возвратилась к своему отцу и рассказала ему, в каком состоянии она обнаружила пророка, и посоветовала Нимроду принять веру Авраама, тот стал мучить и пытаться ее с такою жестокостью, что Аллах повелел одному из Своих ангелов избавить девушку из рук злобного царя. Она была спасена, и ангел перенес ее к Аврааму, который к тому времени уже оставил город Вавилон.

Ну а Нимроду по-прежнему оставалось далеко до исправления. Хуже того, он решился выстроить высоченную башню, чтобы постараться достигнуть небес. Уж очень ему хотелось обнаружить там Бога Авраама. Башня выросла высотой в пять тысяч локтей; но небеса оставались так же далеки от нее, как и до начала строительства. Поскольку рабочие оказались не в состоянии продолжать возведение башни на такой высоте, Нимрод решил изловить двух орлов. Он держал их в своей новой башне, питая свежим мясом. Затем он на несколько дней оставил их вообще без пищи, и когда они от голода пришли в бешенство, он прикрепил к их ногам легкий закрытый паланкин. В этом паланкине было одно окошко сверху и еще одно снизу. Нимрод занял место в паланкине вместе с одним из своих кравчих. Последний прихватил с собою длинное копьё, на которое был насажен кусок мяса. Когда кравчий высунул копьё с наживкой в верхнее {77} окошко, оголодавшие орлы стремительно ринулись ввысь, неся за собою паланкин. Пролетев таким образом вверх на небо целый день, царь Нимрод услышал доносившийся снаружи голос, который обращался к нему: «Безбожный человек, куда это ты направляешься?» Выхватив лук у своего кравчего, Нимрод выпустил в небеса стрелу, которая некоторое время спустя упала обратно в паланкин через окошко. Наконечник стрелы был обагрён кровью, из-за чего бывший отъявленным негодяем Нимрод посчитал, что ему удалось подстрелить не кого-нибудь, а Самого Бога Авраама.

Но к тому времени они уже настолько удалились от земли, что она казалась им не больше, чем яйцо. Поэтому царь приказал кравчему направить свое копьё с наживкой концом вниз, и орлы понесли их паланкин обратно на землю.

В отношении той крови, которую можно было видеть на наконечнике стрелы Нимрода, ученые люди разошлись во мнениях. Многие из них посчитали, что то была кровь рыбы, унесенной на небеса облаками, проплывавшими над каким-нибудь морем. Именно это обстоятельство они приводят в качестве доказательства — дескать, поэтому рыбу не следует закалывать особым образом.¹ Другие же полагают, что стрела Нимрода задела какую-нибудь птицу, которая оказалась в состоянии взлететь выше, чем его орлы.

Когда же Нимрод на вершине своего триумфа вновь решил забраться на вершину своей башни, Аллах повелел ей упасть, да с таким потрясающим

¹ Законы магометан, а в особенности иудеев, с тончайшими деталями описывают, каким образом должны убиваться «чистые» животные; в какую часть тела должно наноситься смертельное ранение; каким именно образом должен наноситься удар; какой должен при этом использоваться нож; какова должна быть формула применимой к месту молитвы. Однако при этом никаких правил в отношении рыбы не существует. — Э.Т.

{78} грохотом, что весь народ пришел от этого в ужас, и каждый человек вдруг заговорил на своем собственном наречии. Вот с этого-то момента языки людей начали разниться друг от друга, и по причине этого смещения, возникшего после падения башни, столицу Нимрода стали называть «Вавилоном» («Бабель» — «смещение»).

Ну, впрочем, не успел Нимрод оправиться от полученных травм, как он вновь стал преследовать Авраама. Для этого царь собрал армию, покрывшую поле величиною в двенадцать квадратных миль. Тогда Аллах послал к Аврааму Гавриила, чтобы спросить, какое существо надобно Его посланнику для защиты от такого страшного полчища? Авраам же избрал обыкновенную муху, на что Аллах сказал: «Поистине, не избери он для своей защиты муху, Я бы послал защитить его насекомое, семьдесят особей которого легче, чем одно мушиное крылышко!»

Величественный Аллах призвал к Себе царя мух и повелел ему выступить со всем своим мушиным войском против царя Нимрода. Царь мух собрал к себе всех мух и комаров со всего мира и набросился на воинов Нимрода с такою яростью, что те немедленно обратились в паническое бегство. Насекомые пожирали их кожу, кости, мясо, выедали глаза из человеческих голов. И самому Нимроду пришлось бежать, чтобы укрыться в башне с толстыми стенами. Несмотря на его стремительное бегство, одна из мух сумела пробраться внутрь башни вместе с царем. Там она кружила у самого лица Нимрода в течение семи суток, и он никак не мог поймать ее. Муха возвращалась вновь и вновь, садилась на его губу и сосала из нее кровь. В конце концов, губа совсем распухла. Затем муха занялась {79} его носом, и чем больше царь старался выковырять ее, тем глубже в нос она вгрызалась. Дошло до того, что эта муха проникла внутрь царского мозга, который начал из-за этого разрушаться. Нимроду остался единственный способ облегчения: долбиться головой о стену. Или же он просил кого-нибудь бить его молотом прямо в лоб. Но муха все росла и росла, пока, наконец, на сороковой день, голова царя не лопнула, и муха, достигшая к тому времени размеров голубя, не вылетела наружу. Улетая, она сказала умиравшему Нимроду, который даже и тогда не пришел к покаянию: «Это сотворил с тобою Аллах. Когда Ему угодно, Он позволяет слабейшим из Своих созданий разрушать того человека, который не верит в Него и в Его посланника!» Тут башня, в которой укрывался Нимрод, рухнула на упрямого царя, и под ее руинами его останки будут лежать до самого дня воскресения.

После гибели Нимрода множество людей, которых раньше удерживал страх перед жестоким правителем, обратились к Единому Богу и к Аврааму, Его посланнику. Одними из первых оказались его племянник Лот, сын Харана, и сестра Лота Сара, которую Авраам впоследствии взял себе в жены. Сара лицом сильно напоминала свою мать Еву, которой Аллах даровал две трети всей земной красоты, в то время как всей человеческой расе пришлось удовлетвориться лишь оставшейся третью. Да и то, из этой трети одна треть пришла на долю прекрасного Иосифа.

Сара же была до того красива, что Авраам, которому {80} по делам проповедования истинной религии приходилось то и дело совершать поездки в Палестину, Сирию, Египет и Аравию, посчитал необходимым всюду возить ее с собою в сундуке. Однажды его задержал на берегу реки Иордан местный сборщик

пошлины, которому Авраам должен был выплатить десятую часть всего, что он провозил с собою. Авраам предъявил весь свой багаж, открыл все свои сундуки, кроме того, в котором скрывалась Сара. Когда мытарь стал настаивать на досмотре и этого сундука, Авраам заявил: «Предположим, он наполнен шелками, так давай я заплачу десятину, как если бы там были шелка!» Однако «таможенник» потребовал открыть сундук. Авраам вновь стал умолять мытаря закрыть глаза на этот дело и пропустить эту часть багажа как есть. Теперь уже он предлагал сборщику выплатить десятину, как будто в сундуке перевозилось золото или драгоценные камни. Тем не менее, неподкупный страж порядка по-прежнему настаивал на соблюдении закона. Когда сундук был предъявлен к досмотру, и мытарь увидел в нем Сару, он был так потрясен ее красотой, что немедленно бросился бежать к своему царю, спеша с доносом о происшедшем.

Царь тут же потребовал доставить к себе Авраама и начал допрос со следующих слов: «Кто эта девушка, которую ты возишь с собою?» Авраам, перепугавшись, что он может поплатиться жизнью в случае, если раскроется истинная правда, отвечал: «Так это же моя сестра!» В то же самое время, он не сказал никакой лжи,¹ ибо про себя подумал: {81} «Она моя сестра... по вере». Когда царь услышал эти слова, он забрал женщину к себе во дворец. Авраам остался стоять в полном отчаянии перед стенами царского дворца, не зная, что теперь поделаться. Но тут Аллах внезапно сделал дворцовые стены прозрачными как стекло, и Авраам увидел, что царь, сидевший на диване вместе с Сарою, попытался обнять ее. В эту самую секунду руки царя усохли, а стены здания начали содрогаться, угрожая падением. Потрясенный случившимся, царь упал на пол, трепеща от страха, а Сара сказала ему: «Отпусти меня, ибо я жена Аврааму».

Тут царь немедленно послал за Авраамом и стал ругать его за то, что он сказал ему неправду. Авраам помолился за царя, и Аллах исцелил его, после чего царь щедро одарил Авраама. В числе его даров оказалась и рабыня из Египта, девушка по имени Агарь.² Она родила Аврааму сына, которого тот назвал Измаилом. Сара же оставалась бесплодной, и ревность совсем ее одолела, тем более что свет будущего Пророка Мухаммеда уже воссиял на челе Измаила. В конце концов, Сара потребовала у Авраама, чтобы он прогнал прочь Агарь с ее сыном. Авраам сначала пребывал в нерешительности, но затем получил повеление от Аллаха слушаться во всем свою жену Сару. Он попытался вновь умолить ее {82} не прогонять его рабыню-наложницу и сына. Но это привело его жену в такой гнев, что она заявила Аврааму, что не успокоится до тех пор, пока не погрузит свои руки в кровь Агари. Хитрый Авраам быстренько проткнул Агари ухо и протащил сквозь дырку колечко для Сары, так что та в буквальном смысле «погрузила» свою руку в кровь Агари, не подвергнув рабыню сколько-нибудь серьезной опасности.

¹ Наиболее искушенного читателя неминуемо должно поразить сильнейшее сходство морали мусульман с моралью небезызвестных Санчесов, Эскобаров, Тамбуринов и Молина. Вообще-то, в Библии говорится: «Авраам сказал фараону, “Она сестра моя”», но там его никто при этом не оправдывает, добавляя, что он не сказал при этом лжи. — Э.Т.

² «Мидраш», том 21, гласит, что Агарь была отдана в рабыни Аврааму ее отцом, фараоном, который заявил: «Пусть уж лучше моя дочь будет рабыней в доме Авраама, чем хозяйкой в любом другом доме!» Елимелех, подобным же образом, и по той же самой причине, отдал свою дочь в наложницы-рабыни Аврааму, после того, как увидел все чудеса, сотворенные ради Сары.

Именно после этого случая среди женщин появилась мода носить в ушах серьги.

А Саре пришлось терпеть Агарь еще несколько лет. Конфликт кончился тем, что Сара родила Аврааму Исаака. Но позже, стоило ей заметить, что муж больше любит Измаила, чем ее Исаака, как ревность Сары разгорелась с новой силой. И уж тогда-то она настояла на том, чтобы Агарь прогнали. Авраам сам отправился проводить Агарь с Измаилом, и ангел Гавриил привел их в Аравийскую пустыню. Они дошли до места, где впоследствии была построена мекканская святыня. Это место было специально отведено для поклонения Аллаху еще задолго до рождения Адама.¹ Дело в том, что, когда Аллах сообщил небесным ангелам о Своем решении сотворить человека, те отнеслись скептически: «Ты что же, наполнишь всю землю грешными созданиями?» Это привело Аллаха в такое негодование, что ангелам пришлось, чтобы Его успокоить, обойти {83} вокруг Его трона с пением хвалебных песней семь раз подряд. Аллах смилостивился над Своими ангелами и простил их, но сказал: «Ну, тогда постройте мне здесь, прямо под этим самым местом, внизу на земле храм, чтобы грешные люди могли туда когда-нибудь прийти и обойти его кругом. Пусть и они в таком случае могут рассчитывать на Мою милость — точно так же, как вы сейчас обошли вокруг Моего трона и получили прощение!» Позднее Аллах подарил Адаму бриллиант из рая, который ныне зовется Черным камнем. Он стал черным со временем, оттого, что к нему прикасались нечистые язычники. Но наступит день, когда этот Черный камень поднимется, на нем появятся глаза и уста, и он будет свидетельствовать обо всех тех людях, что прикасались к нему во время их паломничества в Мекку.² Изначально этот бриллиант был ангелом, предназначенным для того, чтобы следить за Адамом — чтобы тот не смог вкушать плода запретного дерева. Однако, из-за того, что он упустил Адама, этот ангел был обращен в камень. На время потопа Аллах поднимал весь храм к Себе на небо; тем не менее, ветры семь раз прогнали Ноев ковчег вокруг того места, на котором прежде располагалась святыня.

Проводив Агарь и Измаила до Мекки, Авраам поспешил вернуться к себе обратно в Сирию. Свою бывшую наложницу с сыном он препоручил заботам ангела Гавриила, оставив им в качестве пропитания немного фиников да бутылку воды. Но вскоре эти припасы иссякли, а окружавшая женщину и ребенка местность была дикой, безводной и без малейших признаков человеческого жилья. Когда Агарь {84} с Измаилом стали страдать от жажды, женщина семь раз пробежала от холма Суза до возвышенности Марва,³ взывая к Аллаху о помощи. К ней явился ангел Гавриил и, встав прямо перед Агарью, топнул ногою оземь. И

¹ Тот священный трепет, с которым мусульмане относятся к подобным местам, является результатом развития в церкви привычек, свойственных фарисеям еще до Христа, а также бывших в ходу в Риме. Но Сам Спаситель порицает подобную практику, говоря: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» — *Матфея*, xviii, 20. — Э.Т.

² Черный камень Каабы и по сей день является у мусульман предметом чрезвычайного благоговения, и каждый паломник, посещающий храм, по несколько раз его целует. — Э.Т.

³ Приходящие в Мекку паломники до сих пор имеют привычку пробегать семь раз между холмами Суза и Марва, при этом они часто оглядываются и наклоняются к земле, изображая Агарь, ищущую воду. — Э.Т.

вот! из разверзшейся земли забил родник, который с тех пор известен как источник Земзем.¹ Но в тот момент воды его были сладки как мед и питали женщину с ребенком не хуже молока. Благодаря этому чуду Агари не захотелось никуда уходить из этих мест.

По прошествии некоторого времени к ней пришли два амаликитянина, которые искали заблудившегося в тех местах верблюда. Обнаружив столь прекрасную воду, они поспешили сообщить об этом своим соплеменникам, которые стояли лагерем в нескольких часах ходьбы по направлению к западу. Амаликитяне поселились рядом с Агарью; но и Авраам навещал ее каждый месяц, приезжая верхом на Вараке, своем волшебном коне, который доставлял его из Сирии в Мекку всего за полдня.

Когда Измаил достиг возраста тринадцати лет, Аврааму во сне было видение. Голос сказал ему: «Принеси в жертву Измаила, твоего сына!»

Конечно же, иудеи, и даже некоторые мусульмане, верят, что Авраам попытался принести в жертву другого своего сына, Исаака; но истинные верующие отвергают {85} подобные домыслы, поскольку сам Мухаммед называл себя потомком двух мужей, которые приносились в жертву. Он, безусловно, имел в виду Измаила и своего родного отца, Абд-Аллаха, которого дедушка Мухаммеда, Абдул Матталиб, намеревался принести в жертву во исполнение данного им обета. Однако по решению некой жрицы он заменил предмет своего приношения сотнею верблюдов.

Как только Авраам проснулся, он начал гадать: относиться ли к этому видению, как к Божьему повелению, или как к проискам сатаны? Но когда это видение повторилось еще дважды, Авраам уже не осмелился подвергать сомнению Божью волю и не стал колебаться дольше ни секунды. Он взял нож и веревку и сказал Измаилу: «Пойдем-ка со мною!»

Когда их увидел Иблис, он сразу задумался: «Это дело столь благоугодно для Аллаха — я должен его, во что бы то ни стало, расстроить!» Иблис тут же принял форму человека и направился к Агари. «Ты не знаешь, — спросил он ее, — куда это Авраам пошел с твоим сыном?» «Да в лес он пошел, дров нарубить!» — отвечала ему Агарь.

— А вот и неправда! — возразил Иблис, — Он хочет твоего сыночка принести в жертву!

— Да ты что, разве такое возможно?! — поразилась Агарь, — Разве он не любит его так же сильно, как я?

— Любит, любит, — продолжал Иблис, — Но он уверен, что так приказал ему Аллах!

— Ну, а раз так, — отвечала Агарь, — тогда пускай делает то, что, как он верит, будет угодно Аллаху! {86}

¹ Этот родник по сей день находится внутри храма Каабы; вода его солоновата и неприятна на вкус, хотя и не до такой степени, как вода остальных источников в Мекке. — Э.Т.

Когда Иблис понял, что от Агари он ничего толком не добьется, он быстро направился к Измаилу и закричал ему:

— Эй, ты знаешь, за какой такой надобностью вы идете собирать дрова?

— Дома будем огонь разводить, — отвечал Измаил.

— Э, как бы не так! — усмехнулся Иблис, — твой отец удумал принести тебя в качестве жертвы, поскольку ему приснилось, что Аллах ему якобы так велел.

— Ну и ладно, — остался невозмутимым Измаил, — если так, то пускай мой отец исполнит волю Аллаха!

Тогда Иблис повернулся к самому Аврааму и спросил его:

— Уважаемый шейх, куда это Вы собрались?

— Дров нарубить.

— И зачем же вам это?

Авраам ничего на это не ответил, предпочитая отмолчаться, но Иблис продолжал: «А-а-а! Я-то знаю, что ты задумал принести в жертву своего сына, потому что Иблис во сне посоветовал тебе это сделать!» Но при этих словах Авраам сразу распознал в своем встречном Иблиса и швырнул в него семь голышей. (С той поры обычай бросать камешки соблюдает каждый паломник). После этого Авраам сказал: «Убирайся отсюда прочь, враг Аллаха! Я же буду поступать так, как велит мне мой Господь!» Приведенный в бешенство сатана вынужден был удалиться ни с чем, однако он еще дважды представал Аврааму на его пути, каждый раз принимая новый образ, и пытался поколебать его решимость. Но вновь и вновь Авраам раскрывал коварные замыслы Иблиса и каждый раз бросал в него по семь камней.¹ {87}

¹ В «Мидраше», на странице 28, говорится: «Авраам оставил Сару рано утром, пока она еще спала. Однако сатана послал навстречу Аврааму пожилого человека, который, встав у него на пути, спросил: “Куда это ты собрался?”»

— Да вот, хочу помолиться!

— А зачем у тебя хворост и нож с собою?

— Может, проведу несколько дней в дороге, так мне понадобится еду приготовить.

— Неужели такой человек, как ты, зарежет своего собственного сына, что был дарован ему в преклонном возрасте? Что ты сможешь сказать в свое оправдание, когда наступит Судный День?

— Что мне Бог повелел.

— Тогда сатана явился Исааку в виде юноши, и спросил его: “Куда это ты идешь?”

— Иду, чтобы отец наставил меня в знании и добродетели.

— Наставил при жизни, или после смерти? Он воистину замыслил тебя прирезать!

— Это не имеет значения; я буду следовать ему.

— Тогда он отправился к Саре и спросил ее: “Где твой муж?”

— Пошел по делам!

— А сын?

— Он ушел с мужем.

— А разве ты не говорила, что его нога не переступит за порог вашего дома без тебя?

— Но ему нужно помолиться вместе со своим отцом.

— Так ты больше его не увидишь!

— Да сотворит Господь с моим сыном, по Своей воле!

Когда отец с сыном подошли к Мине, конечному месту, где Аврааму надлежало заколоть Измаила, мальчик сказал своему отцу: «Отец, свяжи меня покрепче, чтобы я не смог тебе сопротивляться, да засучи подальше рукава своей рубахи, чтобы она, упаси Боже, не испачкалась моею кровью, когда та брызнет! А то моя мать будет сильно горевать при виде окровавленной одежды. Да наточи свой нож поострее, чтоб прирезать меня легко и быстро, ибо, что там ни говори, а помирать — дело нелегкое. Когда вернешься домой, не забудь поздороваться с моей мамой, и отнеси ей мою одежду, чтобы осталось у нее хоть что-нибудь на память».

Авраам, не в силах сдерживать слезы, послушно сделал все, как просил его сын, и собирался уже резать Измаила, {88} когда вдруг открылись врата на небесах и ангелы, появившись оттуда, закричали:

— Вот уж поистине этот муж заслуживает быть прозванным «другом Аллаха!»

В ту же секунду Господь окружил шею Измаила невидимым медным ошейником, так что Авраам, несмотря на крайние усилия, никак не мог перерезать сыну глотку. Когда он в третий раз приложил к горлу Измаила свой нож, то услышал громкий голос, обращаясь к нему: «Ты выполнил то повеление, что было дано тебе в твоём видении!»

Услышав эти слова, Авраам поднял свой взгляд вверх: Перед ним стоял ангел Гавриил, держа в руках прекрасного барашка с крутыми рогами. «Зарежь этого барашка в качестве выкупа за твоего сына!» — обратился к Аврааму посланник небес.

Это был тот самый баран, которого в свое время заклал для Аллаха Авель, и который все это время откармливался на райских пастбищах.¹

Вот так, совершив это жертвоприношение, Авраам вернулся к себе в Сирию, а Измаил остался со своей матерью жить с амаликитянами, из среды которых он взял себе впоследствии жену.

Однажды Аврааму захотелось навестить своего сына; но Измаил как раз уехал на охоту, и дома у него осталась одна жена. Авраам поприветствовал ее, но она не пожелала поздороваться с ним в ответ. Он умолял {89} ее пустить его на ночь в дом, но женщина отказала ему. Тогда он попросил чего-нибудь выпить и перекусить, но та заявила, что «у нее ничего нет в целом доме, кроме грязной воды». Тогда Авраам уехал прочь, предупредив ее: «Когда твой муж вернется, поздоровайся с ним и скажи, что ему надобно переменить в своем доме опоры!» Когда Измаил воротился домой с охоты и спросил жену, не навещал ли ее кто-нибудь в его отсутствие, та описала ему Авраама и сказала в точности, что тот просил передать Измаилу. По ее описанию Измаил сумел признать своего отца, а

¹ Раввин Элиезер считает, что баран спустился вниз с горы. Раввин Иегошуа полагает, что ангел принес его из рая, где он пасся под деревом вечной жизни и пил из источника, вытекавшего из-под корней этого дерева. Баран распространил благоухание от этого источника по всему миру. Он был введен в райский сад на шестой день творения. — «Мидраш», стр. 28.

переданные ему слова интерпретировал так, что ему следует развестись с женою. Вскороности он именно так и поступил.

Недолгое время спустя из Южной Аравии в окрестности Мекки перекочевало племя джорхамидов и изгнало прочь амаликитян, которые своим распутным поведением навлекли на себя гнев Аллаха. Измаил женился на дочери царя джорхамидов и выучился от них арабскому языку. Так получилось, что и эту женщину Авраам однажды застал одну дома. В ответ на его приветствие она вежливо поздоровалась, поднялась на ноги пред ним, и сама уговорила его войти в дом. На вопрос Авраама, как у них обстоят дела со съестными припасами, женщина отвечала: «Да что и говорить, мой господин! У нас достаточно молока, есть и доброе мясо, и свежая вода!»

— А есть ли в доме хлеб? — спросил Авраам.

— И его добудем, если будет на то воля Аллаха! Но мы и без того не в нужде. Так спешивайся же и проходи в дом! {90}

— Да благословит тебя Аллах! — сказал Авраам, — но, увы, я не могу задерживаться, — ведь он обещал Саре, что никогда не переступит порога дома Агари.

— Так позволь мне, по крайней мере, омыть твои ноги! — попросила жена Измаила, — ибо ты весь покрыт пылью с дороги.

Тогда Авраам опустил сначала правую,¹ {91} а затем и левую ногу на камень, лежавший перед входом в жилище Измаила, и позволил омыть свои стопы.

¹ Эту легенду, имеющую непосредственное отношение к Измаилу, с учетом, что она, судя по всему, является чисто арабского происхождения, поскольку и придумана должна была быть для того, чтобы объяснить «священность» второго из достопримечательных камней Каабы, тем не менее, можно отыскать в «Мидраше», стр. 27:

«Измаил взял себе в жены одну из дочерей Моава, а имя ей было Азия. Спустя три года Авраам поехал навестить своего сына, поклявшись перед этим Саре, что даже не будет спешиваться со своего верблюда. Он поехал в сторону жилища Измаила, но, прибыв около полудня, застал дома одну лишь его жену.

— А где же Измаил?

— Он поехал в пустыню со своей матерью, собрать фиников и еще кое-каких фруктов.

— Дай мне немного хлеба и воды, ибо я утомился от пути через пустынную местность.

— Нет у меня ни хлеба, ни воды!

— Так скажи Измаилу, когда он вернется домой, чтобы сменил в своем доме дверные косяки, ибо они недостойны его!

Как только Измаил воротился домой, жена рассказала ему все, что случилось. Измаил сообразил, какой смысл Авраам вложил в свои слова, и прогнал ее прочь из дома.

Позднее Агарь привела ему жену из дома его отца; ее звали Фатима.

Прошло три года, и Авраам решил вновь навестить своего сына, при этом он опять пообещал Саре, что не переступит порога его жилища.

И вновь он подъехал к дому Измаила примерно в полдень и застал там одну лишь Фатиму. Но она немедленно принесла ему все, чего он только пожелал. После этого Авраам помолился Господу за Измаила, и дом его сына наполнился золотом и всяким добром.

Когда Измаил вернулся домой и узнал от Фатимы, что случилось в его отсутствие, он сильно возрадовался, ибо понял, что отцовская любовь к нему Авраама до сих пор не иссякла». — «Мидраш», стр. 28.

Впоследствии этот камень был встроен в храм, и следы от ног Авраама можно видеть на нем и поныне.

После того, как женщина омыла его ноги, Авраам сказал ей: «Когда Измаил вернется из своей поездки, скажи ему, чтобы укрепил опоры своего дома!»

Как только Измаил возвратился домой, жена передала ему все, что произошло у нее со странником, и точно повторила все слова, что он просил передать ее мужу.

Измаил стал расспрашивать ее, как выглядел этот незнакомец. Когда же он понял по ее описанию, кто это приезжал в его отсутствие, то несказанно обрадовался и воскликнул: «То был мой отец Авраам, друг Аллаха, и нет никаких сомнений, что ему очень понравился оказанный тобою прием; ибо его слова означают не что иное, как то, что я еще прочнее должен связать свою судьбу с тобой!»

Когда Авраам достиг почтенного возраста в сто десять лет, Аллах повелел ему в сновидении последовать за «сакиною»; то есть, за волшебным ветром-зефиром с двумя головами и двумя крылами.

Авраам повиновался и пошел вслед за ветром, который обратился в облако в Мекке, на том месте, где теперь стоит храм. Там голос сказал ему: «Построй мне храм на том месте, где остановилось это облако!»

Едва Авраам начал копать землю, как обнаружил краеугольный камень для основания храма, который был заложен {92} еще самим Адамом. Тогда он приказал Измаилу принести еще камней, потребных для возведения здания. Но Черный камень, который со времен потопа был укрыт на небесах, или же, по мнению некоторых из ученых людей, находился все это время на горе Абу Кубейс, принес Аврааму сам ангел Гавриил. Этот камень тогда оставался еще таким белым, и сверкал столь ослепительно, что его сияние освещало по ночам все благословенные окрестности Мекки.

В один прекрасный день, когда Авраам с Измаилом занимались возведением храма, к ним явился Александр Великий и спросил, что это они строят. Когда Авраам сказал знаменитому царю, что это будет храм в честь Единого истинного Бога, в которого они верят, Александр признал Авраама за посланника Аллаха и семь раз подряд обошел будущий храм пешком.

По отношению к этому Александру мнения ученых мужей расходятся. Некоторые убеждены, что он был греком, они верят, что ему покорился целый свет; дескать, сначала, он правил миром как Нимрод, будучи неверующим, а затем, уже как Соломон — верующим.

Александр был господином света и тьмы; когда он выступал в поход со своей армией, перед ним повсюду разливался свет, а позади его войска надвигалась тьма. Таким образом, ему не были страшны никакие засады. Кроме того, посредством своего волшебного черно-белого знамени он обладал властью превращать {93} самый ясный день в кромешную ночь, или наоборот, темную ночь в светлый день: для этого ему нужно было просто развернуть ту или другую половину знамени. Благодаря этому он оставался практически непобедимым; он мог вести свои войска абсолютно невидимыми, когда того желал, и нападал на своих врагов совершенно

внезапно. Он проехал через весь свет в поисках чудодейственного источника вечной жизни, из которого, как Александр прочел в магической книге, пил потомок Сима (Шема), обретший благодаря этому бессмертие. Однако визирь Александра, Аль-Кизр, возненавидел своего повелителя, и сам напился из источника, обнаружив его где-то на далеком Западе. Так Аль-Кизр получил вечную юность; а когда в те места добрался Александр, источник уже иссяк, поскольку, согласно повелению Божию, сила в нем была сохранена лишь на одного человека. Свою кличку «Двурогий» Александр получил, по мнению одних, потому что прошел через всю землю вплоть до ее двух «рогов» (углов) на востоке и западе; другие же считают, что волосы на его голове образовывали подобие двух рогов. Согласно мнению третьих, у его короны было два золотых рога, чтобы подчеркнуть его власть над обеими империями: греков и персов. Ну и последнее мнение, которое поддерживается многими учеными: однажды Александру было видение, в котором он оказался настолько близок к солнцу, что оказался в состоянии ухватить его за два конца, на востоке и западе, за что он и был с иронией прозван «Двурогим».

Подобным же образом мнения ученых людей разделяются и относительно времени, в которое он жил, места его рождения, происхождения, {94} и места жительства. Как бы то ни было, большинство из них сходится во мнении, что среди царей древности существовало два властителя с таким именем: старший из них, о котором говорится в Коране, был потомком Хама, современником Авраама. Он объездил с Аль-Кизром всю землю в поисках источника вечной жизни. Это ему Аллах повелел плотно запереть за неразрушимой стеною дикие народы Джаджуджа и Маджуджа, чтобы они не смогли истребить всех прочих обитателей земли. Другой Александр, более молодой, приходился сыном греческому царю Филиппу, одному из потомков Иафета. Это Александр являлся учеником мудреца Аристотеля из Афин.

Ну, однако же, давайте вернемся к Аврааму. Наш герой после разговора с Александром и Аль-Кизром продолжал возведение храма, пока тот не достиг высоты в девять, ширины в тридцать и глубины в двадцать два локтя. Тогда Авраам взошел на гору Абу Кубейс и воскликнул с ее вершины: «О, вы, обитатели земли! Аллах повелевает вам совершать паломничество к этому святому храму! Пребудьте в повиновении Его заповеди!»

Аллах сделал так, что призыв Авраама был услышан всеми людьми: и теми, что тогда жили, и еще не родившимися. И все, вплоть до детей, находившихся еще в утробах своих матерей, воскликнули в один голос: «Мы повинемся Твоему повелению, о, Аллах!» Авраам же вместе с первыми паломниками исполнил те церемонии, что {95} соблюдаются и по сей день. Он помазал Измаила быть хозяином Каабы, а сам возвратился в Палестину к своему другому сыну, Исааку.

Когда же Исаак пришел в возраст мужчины, борода Авраама совсем поседела, что несколько его не поражало, ибо до него ни один из людей еще не становился седым.¹ Аллах сотворил это чудо лишь для того, чтобы Авраам мог отличаться от

¹ «Как только Сара отняла от груди своего сына, Авраам устроил праздник. Но язычники стали смеяться: “Поглядите на эту парочку стариков, которые подобрали младенца на улице и притворяются, что это их собственное дите! Мало того: чтобы им больше поверили, они

Исаака. Дело в том, что Авраам уже достиг сотни лет, когда Сара родила Исаака, и потому жители Палестины начали поддразнивать старика, ставя под сомнение невинность его жены. Однако Аллах сделал Исаака настолько похожим на своего отца Авраама, что каждый, кто хоть раз видел отца и сына вместе, уже никак не мог сомневаться в супружеской верности Сары. Ну а для того, чтобы хоть как-то отличать их друг от друга, Аллах заставил в качестве отличительного признака волосы в бороде Авраама поседеть. И только с тех времен волосы у людей стали ближе к старости утрачивать свой темный цвет. Когда же Авраам достиг возраста в две сотни лет, или, как утверждают некоторые, в сто семьдесят пять лет, Аллах послал к нему ангела смерти {96} в виде пожилого человека. Авраам пригласил гостя к столу, но ангел смерти так сильно трясся, что, прежде чем положить себе в рот кусочек пищи, измусоливал себе все лицо, включая лоб, глаза и нос. Тогда Авраам спросил его: «От чего это ты так трясешься?»

— От старости, — отвечал ангел смерти.

— Так сколько же тебе лет?

— Я на один год старше, чем ты!

Авраам возвел глаза к небу и воскликнул: «О, Аллах! Забери мою душу к себе поскорее, пока и я не впал в подобное состояние!»

— А каким образом ты хотел бы умереть? — спросил его ангел смерти.

— Мне хотелось бы выдохнуть свою жизнь в тот момент, когда я паду, распростершись пред Аллахом в молитве.

Ангел оставался в гостях у Авраама, пока тот не распростерся в молитве, а затем положил конец его жизни.

Авраам был похоронен его сыном Исааком подле Сары, в пещере в Хевроне. На протяжении долгих лет иудеи приходили на поклонение к этой пещере, где впоследствии были погребены и Исаак с Иаковом. В свое время христиане построили над этим гротом церковь, которая была превращена в мечеть, когда Аллах предал ту страну в руки мусульман. Сам Хеврон стал зваться Кирыят Авраам («Город Авраама»), или просто «Халиль» («Друг»), и под этим именем он известен и в наши дни.

устраивают праздник в его честь!» Но Господь сделал Исаака столь разительно похожим на отца...» и т.д. Также, на стр. 15, среди чудес, совершенных в связи с Авраамом, упоминается, что тот поседел. И опять, на стр. 30: «Прежде, до Авраама, у людей в пожилом возрасте не было никаких особых отметин...» и т.д. — «Мидраш», стр. 27, 15, 30.

ИОСИФ.

ИОСИФ, сын Иакова, сына Исаака, сына Авраама, с самого детства был любимцем своего отца; а поскольку Иосиф жил у своей тетки вдали от дома, постоянная тоска Иакова по сыну только усиливала его родительскую любовь. Когда мальчику было всего шесть лет от роду, его тетка так сильно привязалась к нему, что для того, чтобы никогда не расставаться с ним, придумала вот какую уловку. Женщина взяла фамильный пояс, который она, будучи первым ребенком, унаследовала от Авраама через Исаака (это был тот самый пояс, которым были опоясаны чресла Авраама, когда его поместили на жертвенный костер), и препоясала им Иосифа. Затем она обвинила мальчика в воровстве; в результате, согласно законам того времени, ему пришлось стать рабом своей тетки до конца ее жизни. И только после ее смерти Иосиф смог вновь возвратиться в дом своего отца. Там он был, естественно, окружен большей заботой и нежностью своего родителя, чем его старшие братья. К тому же, он оказался первым сыном Иакова от Рахили, единственной из жен, которую тот действительно любил.

Однажды утром Иосиф рассказал своему отцу, что видел во сне, будто он со своими братьями посадили в землю по ветви, и когда те, {98} что были посажены его братьями, стали сохнуть, его ветка начала цвести, и в скором времени своей листвой и цветами совсем затенила ветви братьев.

Иаков был так поглощен мыслями о том, что же может означать этот сон, что не заметил нищего, стоявшего перед ним с протянутой рукою и просившего милостыню, позволив ему уйти без подаяния. Как оказалось впоследствии, именно этот грех стал причиной всех тех несчастий, которые вскоре обрушились на голову Иакова. На следующее утро Иосиф вновь обратился к своему отцу: «Я видел во сне, как солнце, луна и одиннадцать звезд склонились предо мною». У Иакова больше не оставалось сомнений относительно значения этих снов; он увидел в них будущее величие Иосифа. Однако Иаков не рекомендовал сыну рассказывать об этих снах своим братьям, уже давно завидовавшим Иосифу из-за большей нежности, с которой относился отец к своему любимцу. Тем не менее, несмотря на то, что Иаков знал, какие чувства его сыновья испытывали к Иосифу, однажды он не устоял и, сдавшись на их уговоры, послал его вместе с ними на пастбище. Как только братья оказались одни в чистом поле, они начали избивать Иосифа и издеваться над ним. От таких издевательств он вполне мог расстаться с жизнью, если бы Аллах не смягчил сердце его брата Иуды. Тому стало жалко Иосифа. «Не убивайте своего брата, — сказал он, — если бы нам удалось вернуть безраздельную любовь нашего отца, то мы добились бы своей цели. Давайте лучше бросим его в эту яму и, когда здесь будет проходить караван, продадим его {99} в рабство». Иудин совет был принят, и братья, сорвав с Иосифа одежду, бросили несчастного в яму, где он мог бы утонуть, если бы Аллах не послал ангела Гавриила, подставившего под ноги страдальцу большой камень. Гавриил в то же самое время по повелению Аллаха осветил яму сиянием большого бриллианта и промолвил: «Иосиф, придет время, и ты призовешь своих братьев дать ответ за все, когда они не будут даже и предполагать этого». Затем братья оставили Иосифа в яме и ушли прочь. Но прежде чем вернуться домой, они зарезали ягненка, и

обмазали верхнюю одежду Иосифа в его крови, которая неотличима от человеческой. После этого они пошли к отцу и сказали ему: «Пока мы занимались своими делами, внезапно откуда-то выскочил волк и задрал Иосифа, остававшегося возле припасов. Когда же мы отправились на поиски пропавшего брата, то нашли лишь вот эту окровавленную одежду, в которой смогли распознать его платье».

«Как же мне поверить, — воскликнул Иаков, — в то, что волк загрыз моего сына, если на этой одежде нет ни единой дырки?!» (дело в том, что братья позабыли предварительно изорвать его одежду). «Кроме того, — продолжал их отец, — в этих местах уже много лет никто не видал ни одного волка!»

«Так мы и думали, что ты, само собой, не поверишь нашим словам», — обиженно сказал один из сыновей. «Но давайте отыщем волка, — продолжал он, обернувшись к своим братьям, — чтобы убедить нашего отца в том, что мы говорим правду!» {100}

Затем они запаслись всеми необходимыми для охоты орудиями, и, прочесав вдоль и поперек всю близлежащую местность, нашли, в конце концов, волка, которого они поймали живым и представили Иакову, как убийцу Иосифа. Однако Аллах отверз пойманному зверю уста, и тот промолвил:

— Не верь, о, сын Исаака, обвинениям своих злобных сыновей. Я — волк из чужедальной страны, и давно уже брожу тут и там в поисках моего волчонка, которого я не нашел, проснувшись однажды утром. Как же мог я, горюющий о собственном утраченном детеныше, лишиться пророка Аллаха его сына?!»

После этих слов Иаков освободил волка из рук своих сыновей, а их самих вообще прогнал прочь, долой со своих глаз, оставив при себе только Вениамина, самого младшего. Тогда десять братьев решили вернуться к яме, где они оставили Иосифа. Они подошли в тот самый момент, когда Иосиф был освобожден несколькими бедуинами, державшими свой путь из Маджана в Египет. Эти кочевники рассчитывали достать себе немного воды из попавшейся им по дороге ямы, но вместо этого вытащили Иосифа, который ухватился за их ведро. «Этот парень, — обратился Иуда к главе бедуинского каравана, до того как Иосиф успел произнести хоть одно слово, — наш раб, который был посажен в эту яму в наказание за непослушание. Если вы хотите взять его с собою в Египет, чтобы продать {101} там, то мы уступим вам его по сходной цене». Глава каравана весьма обрадовался такому предложению, ибо он хорошо знал, как много можно выручить за такого красивого юношу. Таким образом, он выкупил его всего за несколько драхм. Иосиф так и не нарушил своего молчания, ибо он боялся, что братья могут вообще его убить, если он начнет с ними пререкаться. Доверившись Аллаху, он смиренно следовал с бедуинским караваном, пока не дошел до могилы своей матери. Там его горе выплеснулось наружу и, пав на землю, Иосиф начал рыдать и молиться. Глава каравана ударил юношу, и попытался оттащить его от могилы силой, как вдруг налетела черная туча и закрыла все небо. Бедуин в ужасе отпрянул назад и стал умолять Иосифа простить его. Он упрашивал юношу до тех пор, пока тьма вновь не рассеялась.

Солнце уже садилось, когда караван добрался до столицы Египта, которую в те времена правил Раджан, потомок амаликитян. Но лицо прекрасного Иосифа сияло ярче, чем полуденное солнце, и это необыкновенное сияние притягивало как молоденьких девушек, так и солидных матрон, всю глазевших из своих окон и с террас. На следующий день молодой человек был выставлен на продажу на площади перед царским дворцом. Богатейшие женщины города посылали своих мужей и телохранителей, чтобы купить его; но самую большую цену предложил Потифар, царский казначей, который был бездетным. Он пожелал не просто купить себе нового раба, {102} а усыновить Иосифа. Жена Потифара Зулейха приняла Иосифа очень дружелюбно, нарядив его в новые одежды. Также она предоставила ему для проживания отдельный летний домик, поскольку он отказался есть вместе с египтянами, предпочитая питаться травами и плодами. Шесть лет прожил Иосиф в доме Потифара, служа ему в качестве садовника. Хотя Зулейха страстно влюбилась в прекрасного юношу, как только он переступил порог ее дома, все эти шесть лет она кое-как справлялась со своими чувствами и удовлетворялась тем, что наблюдала за ним из своей беседки в то время, когда он работал в саду. Однако к седьмому году Зулейха совсем исстрадалась от своей любви: щеки ее побледнели, взгляд стал безжизненным, стан согнулся, а тело совсем иссохло. Как-то раз, после очередной из бесплодных попыток многочисленных лекарей излечить Зулейху, ее нянька сказала своей госпоже: «Зулейха, признайся, что это не тело твое, но душа втайне страдает; печаль пожирает твое здоровье. Доверься своей кормилице, которая питала тебя своим молоком, и ухаживала за тобой с самого детства, как родная мать. Мой совет может оказаться тебе полезным».

Тогда Зулейка доверилась своей старой няне, и призналась ей в своей любви к Иосифу, а также в своих бесплодных усилиях в течение шести лет подавить эту страсть.

«Не печалься, — сказала наперсница Зулейхе, — ты сделала больше, чем другие женщины в твоей ситуации, и потому небольшое коварство будет простительно. Стань снова такой, что ты была прежде: ешь, пей, роскошно одевайся, не забывай принимать {103} ванну, постарайся вернуть свою былую красоту; и тогда Иосиф полюбит тебя еще больше, чем ты его. Кроме того, разве он не твой раб? И по простой привычке подчиняться он неизбежно удовлетворит все твои желания».

Зулейха последовала ее совету. Вскоре она снова стала такой же цветущей и пышущей здоровьем, как прежде; ведь она думала, что для исполнения ее желаний нужно дождаться лишь подходящего случая.

Между тем, Иосиф не поддавался ни на какие обольщения; и когда Зулейха, в конце концов, поняла тщетность всех своих попыток совратить юношу, она обвинила его перед своим мужем Потифаром, который бросил Иосифа в темницу. Однако Аллах, знавший о его невиновности, обратил темную камеру, в которой был заключен пленник, в светлое и уютное жилище. Также по Его повелению в центре жилища забил фонтан, а у двери выросло дерево, дающее узнику тень и приятные на вкус плоды.

Иосиф, который вскоре снискал всеобщую популярность и благоговение, благодаря своей мудрости и умению толковать сны, еще не слишком долго пребывал в заточении, когда случилось следующее. Греческий царь, находившийся в то время в состоянии войны с Египтом, послал Раджану своего посланника, якобы для того, чтобы начать переговоры о заключении мира, но на самом деле с единственной целью: найти способ убить этого легендарного монарха. Этот посланник прослышал об одной греческой матроне, уже долгое время жившей в Египте. Он обратился к ней {104} за советом. «Я не знаю лучшего средства, — отвечала почтенная мать семейства своему соотечественнику, — чем подкупить главного царского повара или его виночерпия, чтобы отравить царя». Посланник познакомился с обоими кандидатами, но, найдя главного повара более сговорчивым, решил втереться в доверие к нему, и, в конце концов, ему удалось уговорить его за несколько талантов золота отравить египетского царя.

Как только греческий посланник посчитал, что его задача выполнена, он стал собираться домой, но перед отъездом решил навеститься к своей соотечественнице и сообщить ей об обещании главного повара; но поскольку она оказалась дома не одна, ему удалось лишь намекнуть, что у него есть все основания надеяться на успех. Эти слова вскоре дошли до царских ушей; и поскольку они не могли касаться официальной миссии посланника, так как переговоры о мире, ради которых он якобы прибыл, не увенчались успехом, и военные действия уже возобновились, царь подумал, что в словах посланника должен был скрываться какой-то иной, тайный, смысл. Гречанку доставили к царю, и под пытками она созналась во всем, что знала, но поскольку Раджан не знал, который из двух, повар или виночерпий, был виновен, то приказал схватить обоих и бросить их в ту же темницу, в которой уже томился Иосиф. Однажды утром оба арестанта пришли к нему и сказали: {105} «Мы слышали о твоём умении толковать сны, скажи нам, заклиная тебя, что нам ждать от наших снов, которые мы видели в прошлую ночь». Виночерпий рассказал, что видел во сне, как он давил виноград и потчевал вином царя. Главный же повар поведал, что нес во сне корзину с мясом, и вдруг налетели птицы, и склевали лучшие куски. Прежде всего, Иосиф призвал их к вере в Единого Бога, и затем предрек виночерпию, что тот вернется к своему прежнему занятию. Главному же повару снотолкователь предсказал виселицу. Как только Иосиф закончил свое предсказание, оба пленника покатались со смеху, они стали насмехаться над Иосифом, говоря, что в эту ночь и не спали совсем, а свои сны выдумали просто для того, чтобы проверить его. Но Иосиф ответил: «Спали ли вы на самом деле или выдумали свои сны, я не могу сказать; но то, о чем я вам сейчас пророчествовал — это приговор Аллаха, который не может быть изменен». Как оказалось, он не ошибся. Вскоре царские соглядатаи разузнали, что греческий посланник неоднократно беседовал с главным поваром, в то время как с виночерпием виделся только раз; таким образом, повар был предан казни, а виночерпий восстановлен в своей должности.

После того, как тому удалось выйти на свободу, Иосиф стал напоминать виночерпию, чтобы он не забыл о нем и попросил у царя об его освобождении. Но виночерпий так и не вспомнил про него, и растущее у дверей Иосифа дерево увяло, а его источник иссяк, потому что {106} вместо того, чтобы доверять одному

Аллаху, он понадеялся на помощь слабого человека.¹ В итоге, Иосиф пробыл в темнице семь лет, пока однажды утром не увидел виночерпия снова. Тот пришел специально за ним, чтобы доставить его к царю. Царю привиделся странный сон, и сон этот никто не мог растолковать. Но Иосиф согласился идти только при условии, что виночерпий сначала убедит царя в его невиновности. Затем Иосиф открыл причину своего заточения виночерпию, который передал его ответ царю и последний приказал немедленно привести к нему Зулейху и ее друзей. Они признались, что ложно обвинили Иосифа. Тогда Раджан послал ему бумагу, в которой не только была восстановлена его свобода, но также было сказано, что наказание, которому он подвергся, было несправедливо, оно явилось результатом клеветнического обвинения.²

Иосиф облачился в роскошные одежды, которые Раджан специально ему прислал, и был приведен в царский дворец, где правитель собрал вокруг себя всю знать, жрецов, астрологов и предсказателей Египта.

«Я видел во сне, — начал Раджан, как только {107} Иосиф подошел к нему, — семь тощих коров, которые пожрали семь тучных коров; и семь худых колосьев, которые уничтожили семь пышных и полных колосьев. Можешь ли ты сказать мне, что означает этот сон?»

Иосиф отвечал: «Аллах дарует твоему царству семь изобильных лет, за которыми последуют семь голодных лет. Так что будь благоразумен, и в течение первых семи лет запаси в хранилища столько зерна, сколько может понадобиться для поддержания твоих подданных в течение тех семи лет, что последуют за ними».

Это толкование так понравилось царю, что он назначил Иосифа главным управляющим всеми своими владениями вместо Потифара.

Не теряя времени даром, Иосиф стал ездить по всей стране, закупая зерно, которое, по причине огромного изобилия, продавалось по весьма умеренным ценам. Иосиф строил новые хранилища повсюду, но особенно в столице. Однажды, когда он отправился верхом за город, чтобы проверить окрестные житницы, ему повстречалась на улице нищая, чей вид, хотя и был весьма жалок, сохранил некоторые черты былого величия. Иосиф преисполнился к ней сочувствия и отсыпал женщине целую пригоршню золотых монет. Но нищая отказалась от подаяния, ответив, громко всхлипывая: «Великий пророк Аллаха, я не стою твоей милостыни, хотя и мой грех послужил твоей нынешней удаче!»

При этих словах Иосиф пригляделся к нищенке {108} внимательнее и — вот так встреча! — он узнал в ней Зулейху, жену своего бывшего господина. Он

¹ «Мидраш» повествует: «Иосиф оставался еще два года в темнице, потому что он спросил главного виночерпия, не помнит ли он его».

² «Жена Потифара выглядела такой больной, что ее подруги поинтересовались, что ее беспокоит. Она поведала им об интрижке с Иосифом, и они сказали: “Пожалуйста, на него своему мужу, и тогда, возможно, он засадит его за решетку”. Она уговорила и своих подруг оклеветать Иосифа подобным же образом перед своими мужьями. Так они и сделали; и их мужья пришли к Потифару, жалуясь на дерзкое поведение Иосифа по отношению к своим женам...» и т.д. — «Мидраш», стр. 45.

поинтересовался, как поживает ее муж, и услышал, что вскоре после своего смещения Потифар умер от горя и нищеты.

Услышав об этом, Иосиф отвел Зулейху к одной царской родственнице, которая отнеслась к ней, как к собственной сестре, и вскоре женщина предстала перед молодым человеком такой же цветущей и пышущей молодостью, как и при первом его появлении у дверей ее дома. Он попросил у царя ее руки, и с его согласия женился на ней. Она родила ему двух сыновей еще до наступления тех ужасных голодных лет, когда египтяне были вынуждены продавать Раджану сначала все свое золото и драгоценности и другие ценные вещи в обмен на зерно; потом свои имения и своих рабов; и, в конце концов, самих себя, своих жен и детей.

Однако страшный голод свирепствовал не только в Египте, но и в близлежащих странах. И в земле Ханаанской тоже больше не было зерна, а потому Иаков был вынужден послать всех своих сыновей кроме Вениамина в Египет, чтобы купить там хоть каких-нибудь припасов. Он посоветовал им войти в столицу через десять различных ворот, чтобы не привлекать злых глаз к их прекрасному виду, и не обращать на себя слишком большого внимания народа.¹
{109}

Иосиф узнал своих братьев, и назвал их шпионами, потому что они вошли в город по отдельности, хотя по их собственному признанию, они были братья. Когда же, для того, чтобы оправдать себя, они пустились в объяснения особых обстоятельств, в которых оказалась их семья, и, оправдывая озабоченность своего отца, упомянули о потерянном брате, Иосиф так разгневался, что отказал им в продаже столь желанных продуктов. Он потребовал, чтобы они привели с собой своего младшего брата Вениамина. А для того, чтобы подкрепить их обещание, он велел оставить одного из них в заложниках.

Несколько недель спустя они вернулись вместе со своим младшим братом Вениамином. Иаков, разумеется, сначала был против того, чтобы отпускать своего младшего сына, опасаясь, что его может постигнуть та же участь, что и Иосифа, однако, в конце концов, чтобы хоть каким-нибудь образом избежать голода, ему пришлось уступить.

В этот раз Иосиф распорядился, чтобы братьям отмерили зерна, сколько им нужно, но дал приказ своему управляющему подбросить серебряный кубок в мешок Вениамина, и, {110} схватив их как воров у городских ворот, доставить обратно к нему во дворец.

¹ «Иаков сказал своим сыновьям: “Не входите через одни и те же ворота, опасаясь дурного глаза”. Иосиф ожидал прихода своих братьев и поэтому повелел стражам ворот, чтобы они каждый день сообщали ему имена прибывавших странников. И вот, однажды днем первый из стражников сообщил ему имя Рувима; второй Симеона; и так далее, пока не дошли до Асира (Ашера), десятого из сынов иаковлевых. Тогда Иосиф повелел, чтобы закрылись все хранилища, кроме одного, и наказал его стражу: “Если такой-то, такой-то и такой-то придут, задержи их и приведи ко мне”.

“Вы шпионы, — сказал он своим братьям, когда те предстали перед ним, — в противном случае, вы бы все вошли в одни ворота”». — «Мидраш», стр. 46, 47.

«Какое наказание достойно того, кто украл бы мой кубок?» — спросил Иосиф у своих братьев.

«Пускай такой человек будет твоим рабом», — отвечали сыны Иакова, уверенные, что никто из них не способен на такой низкий поступок. Но когда содержимое их мешков было вывалено, и пропавший кубок оказался в мешке Вениамина, они закричали на него: «Горе тебе! Что же ты наделал? И зачем ты последовал примеру своего пропавшего брата, который украл идола у своего прадедушки Лавана и пояс у своей тетки?!»

Однако, поскольку они поклялись своему отцу не показываться ему на глаза без Вениамина, братья стали умолять Иосифа взять себе вместо Вениамина рабом одного из них. Но Иосиф настаивал на том, чтобы удержать Вениамина. Тогда Рувим сказал: «Возвращайтесь к нашему отцу, и расскажите ему о том, что с нами произошло; но я, как старший, который поклялся принести в жертву свою жизнь, скорее, чем вернуться без Вениамина, останусь здесь до тех пор, пока он сам не позовет меня. Отец, возможно, поймет, что такого никто не мог предположить, и что если бы мы знали, что наш младший брат — вор, то не стали бы ручаться собой за него». {111}

Однако Иаков не поверил рассказу возвратившихся из Египта сыновей, он опасался, что они обошлись с ним так же, как когда-то с Иосифом. Слезы брызнули у него из глаз, и он рыдал до тех пор, пока не угас свет его очей. А его тоска по Иосифу возродилась вновь, хотя он никогда не переставал надеяться на исполнение своей заветной мечты вновь увидеть любимого сына.

И вот, в третий раз собрались братья в Египет, чтобы силою освободить Вениамина, ибо они обладали такой силой, что могли голыми руками справиться с большой толпой вражеских воинов. Особенно выделялся Иуда, который, когда приходил во гнев, мог издавать рычание подобно львиному, и был способен убить сильнейшего из людей одним своим голосом.¹ Он не мог успокоиться, пока кто-нибудь из его родственников не прикасался к колючему пучку {112} волос, который в таких случаях начинал стремительно расти из его шеи.

Как бы то ни было, они предприняли еще одну попытку своими мольбами склонить Иосифа освободить Вениамина. Но когда они стали рассказывать о любви отца к их пропавшему брату, Иосиф спросил: «Так что же, наконец, случилось с этим Иосифом?»

¹ «Когда Иосиф хотел схватить и запереть Симеона, его братья предложили ему свою помощь, но тот отказался от нее. Иосиф приказал семидесяти стражникам-великанам заковать его в цепи; но когда они подошли к нему, Симеон зарычал так громко, что все семьдесят упали к его ногам и повыбивали себе зубы. Иосиф сказал своему сыну Манассии, стоявшему рядом с ним: “Закуй его в цепи ты”. Манассия нанес ему всего лишь один удар и тотчас связал его, так что Симеон воскликнул: “Я уверен, что это удар родного нам по крови!” И опять же, когда Иосиф отправил в темницу Вениамина, Иуда закричал так громко, что Хушим, сын Дана, услышал его в Ханаане и ответил ему. Иосиф испугался за свою жизнь, ибо Иуда был так разгневан, что рыдал кровавыми слезами. Некоторые считают, что Иуда носил пять одежд, натянутых одна на другую; но когда он был зол, его сердце так сильно увеличивалось, что разрывало все его пять одежд. Иосиф тоже закричал так ужасно, что одна из колонн его дома рухнула, и обратилась в песок. Тогда и Иуда сказал: “Он исполин, как один из нас!”» — «Мидраш», стр. 46, 47.

Они сказали: «Его задрал волк».

Но тут Иосиф взял в руки свой кубок, и, сделав вид, что читает в нем пророчество, воскликнул: «Ан, нет! Лжете, вы продали его!»

Когда они стали отрицать это обвинение, Иосиф попросил Зулейху принести ему пергамент — ту самую расписку, которую Иуда собственноручно дал проезжим бедуинам, в подтверждение того, что продает им своего брата — и предъявил братьям этот документ.

«А-а-а... так у нас был раб по имени Иосиф!» — сказал Иуда, и так разгневался, что уже готов был издать громогласный рык; но голос его не послушался, ибо Иосиф подал знак своему сыну Ефрему, чтобы тот коснулся пучка волос, который вырос таким длинным, что почти касался земли. Когда братья увидели этот фокус, у них уже не осталось никаких сомнений в том, что перед ними стоит сам Иосиф, ибо у них не могло быть никакой другой родни в Египте. Они упали ему в ноги и зарыдали: «Ты — брат наш, Иосиф; прости нас!»

«Вам нечего меня бояться, — отвечал Иосиф, — да и Аллах, Многомилостивый, также сжалится над вами и простит вас. Однако поднимайтесь скорее, поспешите {113} к нашему отцу и приведите его сюда! Возьмите с собой мою одежду, возложите ее на его лицо, и его слепота пройдет».

Едва они покинули столицу Египта, как ветер подхватил запах одежды Иосифа и донес его до его отца, и когда Иуда, который по совету своих братьев побежал вперед, принес одежду Иосифа отцу, глаза Иакова снова прозрели.¹ Тогда они все вместе повернули обратно в Египет. Иосиф вышел им навстречу и, обняв отца, воскликнул: «Господь, ты исполнил мои мечты и наделил меня великой властью! Творец небес и земли, будь моей опорой и в этом мире, и в грядущем! Позволь мне умереть смертью мусульманина и присоединиться к прочим праведникам!»

С того времени ни Иаков, ни Иосиф больше не покидали Египта; но оба заповедали в своих завещаниях, чтобы их тела были захоронены в земле Ханаана рядом с останками Авраама, что и было впоследствии сделано. Да пребудет с ними мир Аллаха!

¹ Иудейская легенда, связанная с этой темой, гласит, что когда братья Иосифа узнали, что он находится в безопасности, они не хотели говорить об этом своему отцу, опасаясь непредсказуемых последствий от внезапной радости.

Однако дочь Асира, внучка Иакова, взяла свою арфу и пропела ему историю жизни Иосифа и его величия; и ее прекрасная музыка успокоила его дух. Иаков благословил ее, и она была взята в рай, так и не вкусив смерти. — Э.Т.

МОИСЕЙ И ААРОН.

КОГДА подошло время, и Аллах снова решил послать на землю пророка, фараону, царю египетскому, довелось увидеть три сна в течение одной ночи. В первом из этих сновидений он услышал голос, призывавший: «Фараон, покайся! Конец твоего царства уже близок, ибо юнец из чужестранного племени унижит тебя и твой народ перед всем миром». Царь пробудился, встревоженный своим сном, но через какое-то время снова уснул, и в следующем сне явился ему лев, грозивший разорвать какого-то человека на части. Этот человек был вооружен лишь одним жезлом, но стоял спокойно, пока лев не бросился на него. Тут человеку оказалось достаточно лишь один раз ударить зверя своим жезлом, после чего он бросил мертвое тело зверя в Нил. На этот раз царь проснулся еще более встревоженный, чем прежде, и снова заснуть ему удалось только под утро. Но как только глаза его сомкнулись, как он увидел Азию, свою добродетельную жену, несущуюся по воздуху на крылатом коне. Конь направлялся прямо в небеса; но едва женщина успела крикнуть своему мужу последнее «прощай», как под ногами фараона разверзлась земля и поглотила его. Проснувшись, он вскочил со своего ложа и вызвал к себе Хамана, своего визиря, повелев ему немедленно собрать всех известных колдунов {115}, предсказателей и астрологов в своей столице. Когда все эти люди, а оказалось их много тысяч, собрались в огромном зале царского дворца, фараон, воссев на свой трон, дрожащим голосом поведал им свои сны. Но, хотя значение этих снов было очевидно всем, собравшимся в этом зале, никто из присутствующих не осмелился раскрыть царю глаза на правду. Однако, и сам фараон по их мрачным взглядам догадался, что творилось у них в душе, и повелел главному астрологу открыть ему всю правду без утайки, обещая ему заранее свою милость, хоть бы тому и пришлось предречь грозному повелителю самое худшее.

«Всемогущий царь, — начал главный астролог, девяностодевятилетний старец, чья седая борода была так длинна, что покрывала его грудь, — никогда прежде твоему подданному не приходилось сталкиваться с такой сложной задачей, как в данный момент, когда, исполняя твое повеление, мне надлежит предсказать тебе величайшее бедствие. Одна из твоих рабынь среди дочерей Израилевых родит сына, а может, уже и родила, которому суждено свергнуть тебя и твой народ в глубочайшую пропасть». При этих словах фараон разразился громкими рыданиями, он сбросил со своей головы корону, разодрал на себе одежды, и крепко сжатыми кулаками стал бить себя в грудь и по лицу. Все присутствовавшие при этом стали рыдать вместе с ним, однако никто из них не решался сказать хоть слово ему в утешение. Наконец, Хаман, царский визирь, выступил вперед и сказал: «Великий царь, ты хорошо знаком с моею верностью принципам и преданностью тебе. {116} Поэтому прости своего раба за то, что он осмелился осудить твое уныние и предложить план, который мог бы помешать исполнению твоих видений. Поскольку вся власть остается по-прежнему в твоих руках, то, если ты еще желаешь пользоваться ею неограниченно, тогда тебе надлежит постыдить всех толкователей твоих снов. Прикажи казнить всех младенцев, которым суждено было появиться на свет в этом году, и всех женщин, носящих дитя, и тебе удастся

предотвратить грозящую опасность».¹ Фараон согласился последовать этому жестокому совету. Семь тысяч младенцев одного года от роду и моложе было безотлагательно задушено, и столько же беременных женщин было брошено в Нил.
2

Однажды ночью, когда израильтянин Амрам, который тоже был одним из царских визирей, как обычно, нес свою стражу в свите фараона, ему явился ангел Гавриил, неся на одном из своих крыльев Иохавед, жену Амрама, дочь Ясера. Он опустил ее вниз перед фараоном, который был погружен в глубокий сон, и храпел подобно быку, которого режут на бойне, и обратился к Амраму: «Пришел час, когда должен явиться на свет посланник Аллаха!» После этих слов ангел исчез, оставив Иохавед с Амрамом вдвоем до восхода утренней звезды. Затем Гавриил отнес ее на своих крыльях обратно, к ней домой, до того, как фараон пробудился.

В ту ночь фараон увидел те же сны, что так сильно встревожили его раньше.

Как только царь пробудился, то вызвал Амрама, чтобы повелеть ему вновь собрать толкователей снов. Но не успел он произнести и слова, как доложили, что главный астролог просит у него аудиенции. Фараон разрешил ему войти, и поинтересовался, что же это такое в столь ранний час привело его во дворец.

— Беспокойство за твой трон и за твою жизнь! — отвечал астролог, —
Этой ночью мне удалось прочитать по звездам, что юноша, которому суждено в будущем лишиться тебя и жизни, и царства, уже зачат. Поэтому я едва мог дожидаться, когда взойдет утренняя звезда, чтобы сообщить тебе эту тревожную новость. Возможно, тебе удастся разыскать того человека, который, несмотря на твое запрещение и все {118} разумные предосторожности, все же нашел способ, чтобы разрушить твои планы.

Фараон, по правде говоря, поверил астрологу весьма охотно, поскольку повторение его снов свидетельствовало о том же самом. Посему он стал бранить Амрама за то, что тот не принял никаких дополнительных мер, которые могли бы предотвратить возможность нарушения его повелений.

¹ В этом месте мусульманская легенда отличается от Талмуда, согласно которому такой совет дал Вилеам. «Иов не проронил ни слова; и Иофору, третьему из советников царя, удалось уговорить правителя удержаться от насилия. В итоге, Вилеама предали смерти израильтяне. Иов же впал в искушение и сильно пострадал за то, что хранил молчание; но Иофор, который из-за своей склонности к милосердию был вынужден бежать в Мидию, оказался в конечном итоге вознагражден за это, став тестем самого Моисея». — *«Мидраш»*, стр. 52.

² На сто тридцатом году после переселения израильтян в Египет, фараону было видение престарелого мужчины, который держал в правой руке весы. На одну из чаш этих весов старец положил всех волхвов и всю знать Египта, а на другую — крошечного ягненка. И этот ягненок перевесил все остальное.

«Фараон был поражен, как это маленькому ягненку удалось все перевесить, и на следующее утро поведал свой сон своим придворным. Все, слышавшие сон, не на шутку перепугались, и один из придворных сказал: “Это сновидение предвещает огромные несчастья, которые один из детей Израила навлечет на землю Египта. Если это будет угодно фараону, то нам надлежит издать царский указ, повелевающий убивать при появлении на свет каждого из младенцев мужского пола, рождающегося у евреев”. И царь поступил, как ему посоветовали». — *«Мидраш»*, стр. 51.

Но Амрам сказал: «Прости раба своего, если он осмелился усомниться в правильности понимания приказа, отданного моим господином. Однако меры, которые я принял, и сам проследил за их выполнением, таковы, что для меня поистине непостижимо, как при таких обстоятельствах могло что-то случиться. Вчера, как только я оставил царский дворец, я переправился на другую сторону реки и собрал там всех мужчин, происходящих из израильского племени, угрожая смертной казнью каждому, кто, под каким бы ни было предлогом, осмелится остаться дома. Более того, на случай, если бы кому-нибудь удалось, нарушив твой запрет, спрятаться в своем жилище, и дабы совсем уж наверняка отделить жен от мужей, я повелел, чтобы все иудейские женщины были заперты в другой части города, которую, подобно лагерю мужчин, я окружил отрядами вооруженных воинов так, чтобы никто не мог к ним ни входить, ни выходить. Но, невзирая на это, теперь я буду действовать так, как если бы был уверен в новом предсказании астролога. Если ты пожелаешь, я готов просто передуть всех иудейских женщин, или же их можно подвергнуть более суровой проверке, чтобы, найдя ту единственную виновницу, предать ее смерти». Но {119} тут Аллах наполнил сердце фараона состраданием к женщинам Израиля, и царь удовлетворился тем, чтобы у изолированных евреек была усилена стража. Однако и эти меры в соответствии с замыслом Аллаха оказались недейственными; ибо, поскольку Амраму ранее было запрещено покидать царский дворец, Хаман ни в малейшей степени не подозревал Иохавед, и сделал для нее исключение из общего правила — ведь она была женою другого визиря. И вот, не успело пройти двенадцати месяцев с момента первого предсказания, как Иохавед родила младенца мужского пола, которого нарекла Мусою (Моисеем). При разрешении от бремени она не почувствовала никаких родовых мук.¹

Однако печаль в душе матери возросла с огромной силою, когда она взглянула в глаза своему новорожденному ребенку, чье лицо сияло, как луна в своем великолепии. Ведь мысль о том, что он должен умереть, не давала ей покоя. Но тут младенец-Моисей поднялся и сказал: «Ничего не бойся, моя матушка; ибо Бог Авраама с нами».

В ту ночь, когда родился Моисей, идолы {120} по всем храмам Египта упали наземь и разбились. Фараон услышал во сне голос, который призывал его: «Обратись к Единственному Богу, Творцу неба и земли, или погибель твоя окажется неизбежной!» На следующее утро к нему снова явился астролог и объявил фараону о рождении юноши, который когда-нибудь окажется причиной

¹ После этих слов: «И она увидела, что ребенок был прекрасен», в тексте «Мидраша» идет следующее отступление: «Ученые мужи утверждают, что при рождении Моисея воссиял такой свет, что осветил весь мир, поскольку, как и при сотворении мира, здесь повторяется такая же фраза: “И увидел Бог свет, что он хорош”».

Понять ход рассуждений иудейских раввинов довольно сложно. При сотворении света сказано, что Бог увидел свет, и что он был хорош. Предмет, о котором говорилось, что он был «хорош» («прекрасен»), затем «**воссиял**» по всему миру. Таким образом, делают вывод раввины, поскольку то же самое утверждение применяется и в отношении лица Моисея, должно быть, оно следует оттого, что лицо его воссияло с подобной же яркостью, как и сам свет. И это еще не самый плохой из примеров раввинской логики. — Э.Т.

его гибели. Тогда Хаман отдал приказание заново обыскать все жилища израильских женщин, не сделав исключения даже для Иохавед. Он опасался, что какая-нибудь другая женщина может попытаться спрятать у нее своего младенца. Иохавед ушла из дома, когда Хаман пришел проверять ее жилище, однако перед уходом она спрятала ребенка в печи, заложив его большой охапкою хвороста. Не найдя ничего в целом доме, Хаман приказал поджечь хворост в печи, и ушел со словами: «В случае если там находится спрятанный младенец, огонь поглотит его». Когда Иохавед вернулась домой и увидела пылающий в печи огонь, она завопила от горя, но Моисей успокоил ее: «Не печалься, матушка моя, Аллах не дал огню власти надо мною». Но поскольку главный визирь зачастил к ней со своими визитами, и Иохавед опасалась, что однажды он решит достать хворост из печи вместо того, чтобы поджечь его, она решила, что лучше уж будет доверить ребенка водам Нила, чем подвергать его опасности быть обнаруженным Хаманом. Поэтому она, получив от Амрама небольшой ковчежец (корзинку), положила туда Моисея и в полночь {121} отправилась к реке, неся с собою ребенка. Однако когда она проходила мимо часового, тот остановил ее и спросил, что находится в корзинке, которую она пыталась скрыть под рукою. В этот момент земля внезапно разверзлась под ногами у стражника и поглотила его вглубь до самой шеи; и вдобавок из-под земли раздался голос, глухо прогремевший: «Пускай эта женщина идет беспрепятственно; и пусть твой язык молчит о том, что видели твои глаза, или считай, что ты уже в могиле!» Воин закрыл свои глаза в знак согласия, ибо его шея была так сдавлена, что он не мог сказать ни слова, и как только Иохавед прошла мимо, земля изрыгнула стражника наружу. Когда женщина подошла к берегу и собралась спрятать корзинку в зарослях тростника, она увидела огромного черного змея: то был Иблис, который явился у нее на пути в таком жутком обличье, с намерением поколебать ее решение. Испугавшись, она попятилась назад от гнусной твари; но Моисей подал голос из корзинки: «Не бойся, моя матушка, иди вперед: мое присутствие изгонит этого змея с твоего пути». При этих словах Иблис исчез. Иохавед открыла затем в последний раз корзинку, и, прижав Моисея к груди, снова закрыла ее. Горестно рыдая, женщина положила ее среди молодой поросли тростника, в надежде, что какая-нибудь добрая египетская душа найдет его и возьмет к себе. Но когда она уходила, то услышала голос с небес: «Не печалься, о, жена Амрама! {122} Мы возвратим к тебе твоего сына; ведь он избран быть посланником Аллаха».

Чтобы продемонстрировать тщетность всех человеческих козней против того, что начертано пером-каламом на небесных скрижалях Судьбы, Аллах predetermined, чтобы дитя, брошенное на милость вод, было спасено семейством самого же фараона. Как только Иохавед покинула берег Нила, Он повелел, чтобы ангел, который заведовал водными стихиями, доставил корзинку с лежащим в ней Моисеем в канал, соединявший царский дворец с рекою. В связи с тем, что дочери фараона тяжело страдали от проказы, и лекарь прописал им купание в водах Нила, царь повелел прокопать канал, по которому речная вода попадала в большой пруд, находившийся в глубине дворцового сада. Старшая из семи принцесс первой заметила маленькую корзинку и, вытащив ее на отмель у берега пруда, открыла. Как только она откинула крышку, девушку озарило такое сияние, что она не в силах была больше смотреть. Тогда она накинула на Моисея покрывало, но вдруг

ее лицо, которое до этого было покрыто коростами и болячками самого отвратительного вида, засияло, подобно луне во всем ее блеске и чистоте, так что ее сестры воскликнули: «Каким образом тебе удалось так внезапно излечиться от проказы?!»¹ {123}

— Благодаря чудодейственной силе этого младенца, — отвечала старшая сестра, — Сияние, которое озарило меня в тот момент, как я только взглянула на него, подняв крышку корзинки, удалило от меня всю нечистоту моего тела, подобно тому, как восходящее солнце разгоняет сумрак ночи.

Остальные шесть сестер, одна за другою, стали приподнимать ткань, которой их старшая накрыла лицо Моисея, и они тоже одна за другою стали такими прекрасными, словно были созданы из чистейшего серебра. Затем старшая принцесса, водрузив корзинку себе на голову, отнесла ее к своей матери Азии, поведав о том, каким чудесным образом она и ее сестры оказались исцелены.

Азия вынула Моисея из корзины и понесла его к фараону, в сопровождении семи своих дочерей. Фараон почувствовал невольное раздражение, когда Азия вошла в его покои, и в его сердце закрались темные предчувствия; кроме того, в его доме было не принято, чтобы женщины входили к нему, когда их не приглашали. Однако его лицо вновь озарилось радостью, как только он увидел семерых девушек, очарованию которых не было равных среди всех красавиц Египта.

— Кто эти девушки? — спросил он у Азии, — Может, это невольницы, которых какой-нибудь князь, один из наших данников, послал мне в дар? {124}

— Да это ж твои дочери, а здесь на руках у меня тот самый «лекарь», что исцелил их от проказы!

Тут она поведала супругу о том, как принцессы нашли Моисея, и как они излечились от своего недуга, лишь взглянув на него.

Фараон не мог сдержать своих чувств от радости, и в первый раз за свою жизнь обнял своих любимых дочерей. Но через какое-то время его лицо вновь нахмурилось, и он сказал Азии: «Этот ребенок должен умереть: кто знает, не была ли его мать израильтянкой, и не тот ли это самый младенец, о котором говорили мои сны, и предсказывали наши астрологи, что он принесет мне так много зла?»

— Как ты можешь верить пустым снам, этому нашептыванию сатаны, или еще более глупым толкованиям, данным теми людьми, что похваляются, что они могут читать по звездам? Разве ты не перебил всех молодых израильских матерей с их младенцами? Разве ты не обыскивал их дома? Кроме того, разве не всегда в твоей воле лишить жизни это хрупкое

¹ «Дочь фараона пошла к реке, ибо она была прокаженной [стр. 123] и ей было запрещено купаться в [общих] теплых банях; но она излечилась, как только протянула руку к плачущему младенцу, чью жизнь она спасла. Она подумала про себя: “Он вырастет и станет мужчиною; а тот, кто спасает жизнь, подобен спасителю мира”. По этой причине ей также обеспечено благословение в жизни грядущей». — «Мидраш», стр. 51.

создание? Между тем, держа дитя в своем дворце, ты, тем самым, воздашь ему за чудесное исцеление своих дочерей.

Семеро принцесс в один голос вторили мольбам своей матери, пока сердце фараона не смягчилось, и он не позволил им воспитывать младенца во дворце. Едва он успел произнести слова о своей царской милости, {125} как Азия поспешила в свои покои, и послала за кормилицей-египтянкой, однако Моисей оттолкнул эту женщину прочь, ибо Всемогуший не желал, чтобы он был вскормлен молоком идолопоклонницы.¹ Тогда Азия приказала привести другую кормилицу, но и ее грудь, равно как и грудь следующей, Моисей не пожелал принять. На следующее утро жена фараона известила народ, что любая женщина, которая желала бы наняться кормилицей к неизвестному младенцу за хорошее вознаграждение, должна прибыть в царский дворец. После этого весь двор заполнился женщинами и девушками, многие из которых заявили просто из любопытства. Среди пришедших оказалась и Кольсум (Мириам), сестра Моисея. Когда она услышала, что младенец был найден в корзинке, плившей по воде, и все еще отказывается от питания, она быстро побежала домой и рассказала обо всем своей матери. Иохавед поспешила во дворец, и была представлена Азии в качестве няньки, ибо прежние жестокие ограничения, предпринятые против израильских женщин, были теперь отменены. Моисей едва глянул на свою мать, как тут же протянул к ней свои ручки, и, поскольку он принял ее грудь сразу же, {126} она и была приставлена к нему кормилицей и нянькой на двухлетний срок. После того, как прошли эти два года, Азия отослала ее из дворца, богато одарив, а оставила Моисея себе, намереваясь усыновить его, поскольку у нее не было наследников мужского пола. Да и сам фараон с каждым днем все более и более привязывался к мальчонке, и часто проводил целые часы, играя с ним. Однажды — Моисею шел тогда четвертый год — во время игры с фараоном он снял корону с его головы, бросил ее на землю и отшвырнул прочь ногою. Царские подозрения разгорелись со свежей силою: разгневавшись, он ворвался к Азии, укоряя ее за то, что та некогда упросила его оставить Моисея в живых, и еще раз объявил о своем желании предать ребенка смерти;² но Азия лишь посмеялась над мужем {127} за то, что пустые шалости ребенка могли навести его на такие мрачные мысли.

¹ После этих слов, его сестра сказала дочерям фараона: «Может быть, мне послать за кормилицей из племени евреев?» Мы можем сделать заключение, что они давали его (Моисея) всем египетским женщинам, но он отказывался быть вскормленным ими, ибо думал: «Могут ли губы, предназначенные для того, чтобы говорить с “шекиною”, прикасаться к чему-либо нечистому?» — *«Мидраш»*, стр 51.

² На третий год после рождения Моисея, однажды днем фараон восседал на своем троне, царица находилась по правую руку от него, его дочь, держащая Моисея, по левую, а египетские принцессы собрались вокруг стола перед ними. Моисей протянул свою руку, снял царскую корону, и возложил ее себе на голову. Придворные были потрясены; и Вилеам, волшебник, сказал: «Помнишь, о, царь, свои сны, и их толкование: этот младенец, несомненно, из евреев, которые служат Богу в своих сердцах; и он по не по возрасту быстрому развитию своего ума, захватит в свои руки все управление Египтом. (Далее последовали примеры от Авраама до Иосифа, призванные доказать амбиции евреев, пытавшихся узурпировать египетский трон). Если будет угодно твоей царской милости, позволь нам пролить кровь этого младенца, пока он не стал достаточно сильным, чтобы разрушить твое царство». Но Господь послал ангела в образе египетского принца, который сказал: «Если будет угодно царю, пусть принесут два таза, один,

— Ну, ладно, — сказал фараон, — давай тогда проверим, действовал ли ребенок неосмотрительно или осознанно. Пусть принесут один таз с пылающими угольями, а другой, наполненный золотыми монетами. Если он ухватится за угли, то останется жить, если же протянет руку ко второму тазу — будем считать, что тем самым он выдал себя!

Азия была вынуждена подчиниться, и стала смотреть на руку Моисея с тягостным ожиданием, словно ее собственная жизнь была поставлена на кон. Наделенный сообразительностью взрослого человека, Моисей собирался, было зачерпнуть пригоршню сияющих монет, но Аллах, наблюдающий за его жизнью, послал ему ангела, который против его воли направил руку мальчика в пламенеющие угли, и даже заставил его положить один из них себе в рот. Разумеется, все подозрения фараона вновь рассеялись, и он попросил у Азии прощения; однако Моисей обжег свой язык, и с тех пор стал заикаться.¹

Пару лет спустя, когда Моисей был шестилетним мальчиком, фараон стал неумеренно поддразнивать его, ребенок очень разозлился, и в гневе грубо толкнул царя вместе с тронном, на котором он сидел, так что тот опрокинулся. Фараон грянулся оземь, и сильно разбил себе нос и губы. Кровь хлынула рекою. Вскочив {128} на ноги, он выхватил из ножен свой меч и занес его над главою Моисея, собираясь зарубить малыша. Азия и семеро принцесс, присутствовавшие при этом, тщетно пытались успокоить его. Но в последний момент в царские покои влетел белый петух и, обратившись к царю, прокричал: «Эй, фараон! если ты прольешь кровь этого ребенка, твои дочери покроются проказой еще сильнее, чем прежде!» Фараон бросил взгляд на принцесс, лица которых от страха и напряжения стали уже мертвенно бледными, и был вынужден вновь отказаться от своего кровавого замысла.

Вот так Моисей и рос в доме фараона, в окружении разного рода опасностей, которые, однако, Бог отвращал от него самым чудесным образом. Однажды утром — отроку шел тогда уже восемнадцатый год — Моисей совершал привычное для него омовение в водах Нила и молился Аллаху. Один из египетских жрецов заметил юношу и обратил внимание, что молится тот не так, как все другие египтяне. Те во время своих молитв имели обыкновение поворачиваться лицом ко дворцу фараона, в то время как глаза Моисея были устремлены куда-то ввысь.

— Кому это ты поклоняешься? — спросил у него жрец, оказавшийся в глубоком замешательстве.

Моисей, который к тому времени уже закончил свои молитвы, отвечал: «Моему Господу!»

— Твоему отцу фараону?

наполненный [драгоценными] шохамскими камнями, другой — пылающими углями, и пусть поставят перед младенцем» и т.д. — «Мидраш», стр. 52.

¹ Иудейская легенда объясняет этим происшествием слова Моисея в книге Исход, гл. iv., ст. 10: «О, Господи! человек я не речистый, и таков был и вчера и третьего дня, и когда Ты начал говорить с рабом Твоим: я тяжело говорю и косноязычен». — Э.Т.

— Да проклянет тебя Аллах, и всех тех, кто поклоняется царю, как Богу!
{129}

— Гляди, не поплатиться бы тебе жизнью за свое проклятие! Вот пойду сейчас к твоему отцу, и расскажу ему о твоих словах!

Тогда Моисей стал молиться: «О, Господь вод, уничтоживший потопом все человечество, за исключением Ноя и Ауджа, повели водам в сей момент выйти из своих берегов и поглотить этого богохульного жреца!»

Не успел он произнести эти слова, как на поверхности Нила поднялись такие волны, какие бывают лишь во время самой свирепой бури в огромном океане. Одна из волн набросилась на берег, и смыла жреца в разбушевавшийся поток.

Когда тот увидел, что его жизнь в опасности, он взмолился: «О, Моисей, смилуйся надо мною! Клянусь, я никому не расскажу о том, что услышал от тебя!»

— А ну, как ты нарушишь свою клятву?

— Пусть тогда мне язык вырвут из глотки!

Моисей спас жреца и пошел своей дорогой. Когда же он подошел к царскому дворцу, его вызвали к фараону, рядом с которым он увидел того самого жреца, который, судя по всему, успел уже донести царю обо всем. Предательство было налицо.

— Ну, и кому же ты поклоняешься? — поинтересовался фараон.

— Моему Господу, — отвечал Моисей, — который дает мне пищу и питье, одевает меня и обеспечивает всем необходимым! — Моисей, конечно же, имел в виду Единственного Бога, Творца и Хранителя мира, которому мы обязаны всем, что имеем в жизни.

Но фараон, поскольку так было угодно Аллаху, {130} принял ответ юноши на свой счет, и приказал, чтобы жрецу, как клеветнику, вырвали язык, а сам он был повешен перед царским дворцом.

Повзрослев, Моисей часто беседовал с израильянами во время своих прогулок, внимательно слушая их рассказы об Аврааме, Исааке и Иакове, но с особым интересом внимал он истории о злключениях Иосифа, ибо его мать уже задолго до этого открыла юноше тайну его рождения. Однажды он стал свидетелем того, как копт-египтянин жестоко обращался с израильянином, которого звали Самири. Последний взмолился о помощи, и Моисей ударил египтянина с такой силою, что тот упал на землю замертво. На следующее утро Самири опять боролся с другим египтянином, и снова стал молить Моисея о помощи; но на этот раз Моисей отказал ему, укоряя в его склочном характере, и даже поднял руку, угрожая уже самому израильянину. Увидев это, Самири воскликнул: «Не думаешь ли убить и меня, как вчера прикончил копта?» Присутствовавший при этом египтянин, донес об убийстве, совершенном Моисеем, фараону. Царь распорядился, чтобы преступника выдали родственникам убитого; однако, один из ближайших придворных фараона, друг Моисея, незамедлительно сообщил ему о намерениях своего властелина, и Моисей сумел вовремя скрыться.

Много дней скитался Моисей по пустыне, пока Аллах не послал ему ангела в образе {131} бедуина. Этот ангел привел его в землю Мадиямскую, где среди идолопоклонников обитал богобоязненный священник Шуиб (Иофор). Солнце уже клонилось к закату, когда Моисей подошел к источнику в окрестностях небольшого селения, где остановились Лия и Сафурджа (Сепфора), две дочери Шуиба, со своими стадами.¹

— Почему вы не поите свою скотину, — поинтересовался Моисей, — ведь скоро станет совсем темно?

— Мы не осмеливаемся делать это, — ответили Лия, — пока остальные пастухи, которые ненавидят нас и нашего отца, сперва не напоят свои стада.
{132}

Тогда Моисей сам повел их стада к источнику, сказав девушкам: «Если кто-нибудь из пастухов что-то имеет против вас, пусть попробует связаться со мной». Сестры не стали перечить; и никто из пастухов, собравшихся вокруг, не посмел выступить против Моисея, ибо его вид святого наполнил их сердца благоговейным страхом.

Когда Шуиб, удивленный необычно ранним возвращением своих дочерей, услышал от них, что какой-то странник напоил их скотину, он послал назад к источнику Сафурджу, чтобы пригласить его к себе домой. Но Моисей, хотя и страдал от голода, не прикоснулся к предложенным ему яствам, и когда Шуиб поинтересовался, почему же молодой человек отвергает его гостеприимство, он ответил: «Я не из тех, кто принимает вознаграждение за свои добрые дела».

— Точно так же поступаю и я, — отвечал Шуиб, — я не из тех, кто оказывает гостеприимство только за благодеяния. Мой дом открыт для любого странника, и как странник, а не как защитник моих дочерей, ты мог бы принять мое приглашение.

Тогда Моисей, удовлетворившись таким ответом, приступил к трапезе, а после еды, когда насытился, поведал хозяевам о том, что заставило его бежать из Египта.

¹ Согласно иудейской легенде, это случилось спустя много лет после того, как Моисей бежал из Египта и прибыл в Мадиям: эти годы, говорится там, он провел в Эфиопии, куда до него бежал когда-то Вилаам. Пока царь этой страны воевал с сирийцами и другими народами, этот Вилаам вероломно захватил столицу, укрепив ее с трех сторон рвами и стенами, а четвертую поручив охране в виде ядовитых змей. Царь вернулся и осадил свой город. Он уже в течение девяти лет держал его осаду, так и не добившись никакого успеха, когда Моисей появился в его лагере. Он посоветовал царю собрать по всем окрестным лесам яйца, отложенные аистами, вырастить из них птенцов, и после того, как несколько дней не давать им пищи, выпустить против вражеских змей. Царь так и поступил; аисты поели всех змей, и город был взят; но Вилааму удалось скрыться через противоположные ворота, и он снова начал настраивать фараона против израильтян. Эфиопяне сделали Моисея своим первым визирем, и после смерти своего царя предложили ему взять в жены вдову покойного. Но поскольку она была идолопоклонницей, он отказался жениться на ней, так же он не принимал участия и в религиозных обрядах этого народа. В итоге царица прокляла его всенародно и предложила своему собственному сыну стать правителем вместо него. Моисею пришлось бежать в Мадиям. Однако Иофор, опасаясь эфиоплян, бросил его в темницу, где продержал Моисея течение десяти лет, не давая ему никакой пищи; но Сепфора тайно приносила ему хлеб и воду, и т.д.

— Поскольку ты не можешь вернуться домой, — сказал Шуиб, после того, как Моисей закончил свой рассказ, — оставайся с нами, и служи у меня пастухом, а после того, как прослужишь мне верой и правдой {133} лет восемь или десять, я отдам тебе мою дочь Сафурджу в жены.

Моисей принял это предложение, и пообещал, что будет служить ему восемь лет, но добавил, что по своей воле останется еще на два года, если только ему не на что будет жаловаться. Таким образом, он прослужил в пастухах у Шуиба все десять лет. На следующее утро после своего прибытия Моисей отправился на пастбище вместе с дочерьми Шуиба; но поскольку он, убегая из Египта, не успел захватить с собой свой посох, Сафурджа принесла ему чудесный жезл своего отца, служивший когда-то в качестве опоры и для защиты пророкам прежних лет.¹ Адам успел прихватить его с собою из рая; после его смерти этот посох попал в руки Сима, затем его обладателем стал Идрис, а после него — Ной, Салих и Авраам. Моисей был тридцати лет от роду, когда он начал свою службу у Шуиба, и в тридцать восемь лет он заключил брак с Сафурджою. Когда ему исполнилось сорок, {134} Моисей решил возвратиться в Египет, чтобы разузнать про своих родственников и собратьев по вере. День выдался холодным и ветреным, когда Моисей подходил к горе Сур, на вершине которой пылал яркий костер; и он сказал своей жене: «Отдохни здесь, в долине, пока я схожу и разузнаю, что же означает этот огонь. Я принесу тебе несколько горящих веток, когда вернусь». Но когда Моисей приблизился к огню, он услышал голос из самой середины пламени, и горящий, но несгорающий куст воскликнул: «Сними свою обувь, ибо ты находишься в присутствии Господа, который предстал перед тобою в образе Света, чтобы освятить тебя как Своего пророка, и послать тебя к фараону! Его неверие и жестокость так велики, что давно бы уже эти горы сокрушили его, или моря поглотили, или же пламя с небес сожгло бы его душу, если бы Я не предопределил явить через того человека доказательство Своего могущества над всем миром».

Моисей пал на землю и стал сетовать: «Господи, да ведь я убил одного из египтян, и фараон предаст меня смерти, как только я покажусь ему на глаза; кроме того, язык мой плохо слушается, он у меня поврежден еще сызмальства, и потому я не способен говорить перед царями».

— Не бойся, сын Амрама! — отвечал ему голос из среды огня, — Если бы Господь не хранил тебя, ты бы обратился в прах, еще не родившись. Что же касается твоего {135} косноязычия, оно не должно помешать исполнению твоей миссии, ибо Я даю тебе в помощники твоего брата

¹ Жезл Моисея был создан на шестой день [творения], и был дарован Адаму, когда тот еще находился в раю; он передал его Еноху, а Енох — Симу, от которого он перешел к Исааку и Иакову. Последний привез его в Египет и перед своей кончиною передал Иосифу. После смерти Иосифа этот жезл вместе с другим добром был взят в дом фараона, где Иофор, в бытность свою одним из царских магов, увидел его и взял с собою в Мадиа, посадив в своем саду, где никто не мог приблизиться к нему до появления Моисея. Моисей смог прочесть магические письмена, начертанные на посохе, и без труда вытащил его из земли. Иофор, видевший это, воскликнул: «Вот это человек, который освободит Израиль!», и отдал ему свою дочь Сепфору. С этим-то посохом Моисей и пас стада Иофора в течение сорока лет, и за это время ни один дикий зверь не осмелился напасть на его скот, и не пропала ни одна овца из его отары. — «Мидраш», стр. 53.

Аарона, который, став царским визирем, будет передавать Мою волю фараону.

Отправляйся к фараону безбоязненно; жезл, что в твоих руках, защитит тебя от любого насилия. Ты и сам сможешь убедиться в этом, как только положишь его на землю.

Моисей бросил свой посох на землю, и тот внезапно обратился в большую извивающуюся змею. Он уже было бросился бежать от нее, но ангел Гавриил остановил его со словами: «Не бойся, возьми ее, она не причинит тебе никакого вреда». Моисей протянул к змее свою руку, и тотчас она снова обратилась в посох. Укрепившись духом от этого чуда, он собирался вернуться к Сафурдже, чтобы продолжить с ней свой путь в Египет; но ангел Гавриил сказал ему: «Перед тобой сейчас стоит более высокая задача, чем исполнение супружеского долга. По повелению Аллаха, я уже отнес твою жену обратно к своему отцу, тебе же предстоит посвятить себя целиком исполнению своей миссии».

В ту ночь, когда Моисей ступил на египетскую землю, перед Аароном, который к тому времени унаследовал от своего отца место царского визиря, явился ангел с хрустальным кубком, наполненным редчайшим старым вином, который сказал, вручая Аарону этот кубок: «Испей, Аарон, сего вина, которое Господь шлет тебе в знак добрых вестей. Твой {136} брат Моисей возвратился в Египет: Господь избрал его быть Своим пророком, а тебя — его визирем. Поднимайся, и иди встречать его».

Аарон немедленно оставил царские покои, где он, как некогда его отец, был вынужден стоять на страже, и, выйдя из городских ворот, направился к Нилу. Но когда он оказался на берегу реки, то не нашел там ни одной лодки, чтобы переправиться на другой берег. Вдруг он увидел отдаленный свет, который приближался к нему. Когда свет был уже достаточно близко, Аарон смог разглядеть всадника, летящего к нему со скоростью ветра. Это был Гавриил верхом на коне Хизаме, сияющем, как чистейший бриллиант, и даже ржание его звучало подобно небесной песне хвалы. Аарон сначала подумал, что его преследует один из людей фараона, и уже готов был броситься в темные воды Нила. Но Гавриил вовремя успел сказать, что это он, и, предупредив таким образом Аарона, поднял его на крыло коня и мигом переправил на другой берег реки. Там уже стоял Моисей, который, как только увидел своего брата, воскликнул: «Истина восторжествовала, а от лжи не осталось и следа!» Тогда Гавриил посадил Моисея рядом с братом на коня, и отнес его к дому их матери; Аарона же он доставил обратно в царский дворец. Так что, когда фараон проснулся, его визирь снова был на своем посту. Ну, а Моисей провел остаток ночи и весь {137} следующий день со своей матерью, которой он должен был поведать о том, что происходило с ним в чужой земле, с того дня, как он бежал из Египта. Вторую же ночь провел он с Аароном в покоях фараона. Все двери дворца, несмотря на то, что они были прочно заперты, открывались сами собой, как только Моисей касался их своим посохом, а стражи, охранявшие их, становились словно каменные. Утром они сообщили об увиденном, и привратник, пришедший со своими ключами, чтобы отпереть все дворцовые двери, сказал, что нашел их отворенными настежь, и что ни на одной из дверей и ни на одном из замков он не

заметил следов взлома, и ничего из ценных вещей, находившихся в различных залах, не пропало. Тогда Хаман сказал фараону: «Аарон, что охранял твои покои, должен объяснить это; ибо, поскольку двери в твои покои также были открыты, незванный гость, должно быть, не имел другой цели, как побеседовать с ним».¹
{138}

Фараон немедленно вызвал к себе Аарона, и, угрожая тому пыткой, потребовал признаться, кто был его ночным гостем. Аарон, убежденный, что Аллах не оставит Своего пророка в руках безбожного царя, признался, что ночью он виделся со своим братом Моисеем. Фараон тут же послал Хамана в сопровождении отряда вооруженных стражников в дом Моисея, с приказом привести его на царский суд в присутствии всех визирей и других высоких государственных персон, которым заранее было приказано собраться в главном зале его дворца. Сам он председательствовал на своем троне, отлитом целиком из золота, и изукрашенном великолепными жемчужинами и самыми дорогими бриллиантами. Но когда Моисей вошел в зал судилища, фараон лишился чувств, ибо он узнал в вошедшем некогда спасенного его дочерью ребенка, и теперь он испугался его еще больше, узнав, что Моисей был братом Аарона, а, следовательно, израильтянином. Но вскоре, после того, как придворные брызнули ему в лицо розовой водой, фараону стало лучше, и вместе с сознанием к нему вернулось характерное для него упрямство. Притворившись, будто он никогда его раньше не видел, фараон спросил: {139}

— Кто ты такой?

— Я слуга Аллаха и его посланник.

— Разве ты не раб фараона?

— Я не признаю никакого иного господина, кроме одного Аллаха.

— И к кому же ты послан?

— К тебе, дабы наставить тебя в вере в Аллаха и в меня, его пророка, и вывести израильтян прочь из этой страны.

— Кто такой этот «Аллах», от чьего имени ты говоришь со мной?

¹ Раввин Мейер утверждает: «Дворец фараона имел четыреста ворот, по сотне с каждой стороны; и перед каждым воротами стояло по шестьдесят тысяч вооруженных воинов». По этой причине Гавриилу нужно было провести Аарона и Моисея другим путем. Увидев их, фараон вскричал: «Кто впустил их внутрь?» Он вызвал стражников, и повелел одних из них избить, других же казнить. Но когда Моисей и Аарон вернулись на следующий день опять, призванные к ответу стражники, сказали: «Эти мужчины — чародеи, ибо они совершенно определенно не проходили через дворцовые врата». На той же странице говорится: «Перед вратами в царские покои стояли две львицы, которые не позволяли никому войти в них без повеления фараона. Они уже собирались броситься на Моисея, но когда он поднял свой жезл [стр. 138], их цепи упали, и звери последовали за ним во дворец с превеликой радостью, подобно тому, как собака бежит за своим хозяином после долгой разлуки», и т.д. И вот еще: «Четыреста дворцовых ворот охранялись медведями, львами и другими свирепыми животными, так что никто не мог пройти беспрепятственно внутрь, чтобы эти звери его не разорвали и не съели его плоть. Но когда к воротам подошли Моисей и Аарон, звери окружили их, и стали лизать стопы этим пророкам, провожая их к фараону». — *«Мидраш»*, стр. 44, 45.

— Тот Самый Единственный, Невидимый, Кто создал небеса и землю, и все, что в них.

Тогда фараон повернулся к Аарону и спросил его: «А что ты думаешь о том, что говорит этот безрассудный человек?»

— Я верю в Единственного Бога, о котором он свидетельствует, и в него, как в Его пророка.

Услышав эти слова, фараон сказал Хаману: «Этот человек не достоин быть моим визирем: снимите с него его почетные одежды!»

Тогда Хаман сорвал с Аарона его пурпурную мантию, и оставил бывшего визиря стоять в столь неприличном виде, ибо вся верхняя часть его тела осталась неприкрытой. Моисей накрыл своего брата своею шерстяной накидкой; но поскольку Аарон не привык к такой грубой ткани, то задрожал под ней всеми своими членами. В этот момент своды зала раздвинулись, и слетевший с небес ангел Гавриил накинул на плечи {140} Аарона великолепное одеяние, украшенное таким количеством бриллиантов, что все, кто там присутствовал, оказались ослеплены их блеском, словно вспышкой света, внезапно разорвавшей мрак самой темной ночи. Фараон восхитился этим нарядом, который выглядел изготовленным без единого шва, и поинтересовался у своего казначея, какова может быть его стоимость.

— Этому одеянию, — отвечал смущенный хранитель казны, — нет цены, ибо и за самый скромный из его камней нужно выложить такую сумму денег, которая составляет доход Египта за целых десять лет. Таких бриллиантов я отродясь не встречал ни на одном из базаров, ни ничего подобного не найти и среди всех сокровищ, собранных в этом дворце с древнейших времен. Никто, кроме явных чародеев, не может стать владельцем таких драгоценностей — их происхождение должно иметь сатанинскую природу!

— Так вы чародеи! — сказал фараон Моисею с Аароном, — Ладно, пусть будет так. Я высоко ценю магов, и велю поставить вас во главе этого братства, если вы поклянетесь не использовать вашего умения мне во вред.

— Господь, являющийся властелином и Дальнего Запада, и Крайнего Востока, — возразил ему Моисей, — послал меня к тебе как пророка, дабы обратить тебя. Мы не чародеи.

— А какие ты можешь представить доказательства своей миссии?

Моисей бросил свой жезл оземь, и тот немедленно обратился в огромного змея, величиной с огромного верблюда. Змей, бросив на фараона свой взгляд, горящий настоящим пламенем, поднял царский {141} трон вверх до самого потолка и, открыв свои челюсти, промолвил: «Если будет угодно Аллаху, я не только проглочу твой трон, тебя и всех здесь присутствующих, но также и твой дворец со всем его содержимым, даже не поперхнувшись».

Соскочив со своего престола, фараон стал умолять Моисея, во имя жены своей Азии, которой Моисей был обязан жизнью и воспитанием, защитить его от этого

чудовища. При упоминании имени Азии, сердце Моисея наполнилось жалостью к фараону, и он подозвал волшебного змея к себе. Поставив трон на прежнее место, змей, как ласковый агнец, стал ластиться к Моисею. Моисей засунул свою руку чудушу в пасть и ухватил его за язык, после чего тот вновь обратился в жезл. Но едва фараон оказался вновь вне опасности, как его сердце вновь открылось нашептываниям сатаны, и вместо того, чтобы прислушаться к словам Моисея, он потребовал у своих визирей совета, что же он должен делать.

— Прикажи отрубить головы двум этим мятежникам, — предложил Хаман, — и ничего не бойся; ибо все, что они выдавали нам за божественные чудеса, всего лишь пустая иллюзия.

— Не внимай этому совету, о, всемогущий царь! — воскликнул Хискиль, хранитель казны, — вспомни о современниках Ноя, и о народах Аада и Самуда. Они тоже не верили Ною, Худу {142} и Салиху, пророкам, которых послал Аллах, но считали их за демонов и обманщиков, до того момента, пока гнев Аллаха не пал на них, и не уничтожил их огнем и водою со всеми их богатствами.

Но в этот момент со своего места поднялся предшественник Хамана, седовласый старик ста двадцати лет, и сказал: «Позволь также и мне, о, царь царей! до того как я сойду в могилу довести до тебя свое мнение. Какой царь, кроме тебя, может похвалиться таким огромным количеством колдунов и чародеев в своем государстве? Поэтому я придерживаюсь мнения, что мудрее всего для тебя было бы поступить следующим образом: назначь день, в который они могли бы собраться все вместе, чтобы устроить состязание с Моисеем и Аароном. Если эти двое всего лишь волшебники, то египетские знатоки магических искусств окажутся ничуть не хуже их; и тогда у тебя еще останется возможность поступить с ними так, как пожелает твоя монаршая воля. Ну, а если они оставят твоих чародеев постыженными, тогда они, несомненно, являются служителями всемогущего Бога, которому мы будем вынуждены покориться».

Фараону понравился совет своего престарелого визиря, и он распорядился, чтобы все египетские колдуны и волшебники, которых насчитывалось около семидесяти тысяч, прибыли до конца текущего месяца в столицу. Когда все они собрались, царь повелел им избрать из своей среды семьдесят представителей, и из этих семидесяти в свою очередь нужно было вновь избрать двух наиболее прославленных чародеев, которые бы перед лицом {143} всего народа сразились в своем искусстве с Моисеем и Аароном. Повеления фараона были точно исполнены, и выбор чародеев пал на Ризама и Реджама, двух магов из Верхнего Египта, которых по всей стране уважали и боялись не меньше, чем самого фараона.

В назначенный день фараон отправился на обширную равнину за городом, где специально для него был сооружен огромный шелковый шатер, украшенный жемчугами и поддерживаемый серебряными колоннами. Его сопровождали визири, вся знать и высшие чины его государства. Ризам и Реджам расположились с одной стороны царского шатра, а Моисей с Аароном встали по другую, в ожидании его повелений. Все жители Египта собрались на поле для состязания уже с самого рассвета, в нетерпении ожидая, какая же из противоборствующих

сторон одержит победу. Фараон потребовал, чтобы оба египтянина превратили свои жезлы в змей; когда это было сделано, Хаман сказал фараону: «Не говорил ли я тебе, что Моисей и Аарон не больше, чем все остальные чародеи, которые заслуживают хорошей порки за злоупотребление своим искусством?»

— Ты слишком поспешен в своих суждениях, — заметил Хискиль, — Давайте сперва посмотрим, не сможет ли сотворить Моисей еще более великого чуда, чем это.

По знаку фараона Моисей выступил вперед и вознес молитву Аллаху, дабы Он пожелал прославить Свое имя перед лицом всего Египта. В ответ Аллах {144} свел на нет все магические чары египетских колдунов, которые были простой иллюзией, и словно темное покрывало спало с глаз народа, и все снова увидели жезлы, которые до этого казались людям змеями. Моисей бросил свой жезл оземь, и он обратился в змея о семи головах, которые не оставались неподвижными, подобно змеям магов, но, разинув свои зубастые пасти, бросились преследовать двух чародеев. Те кинулись на землю и воскликнули: «Мы веруем в Господа вселенной, Бога Моисея и Аарона!»

Фараон закричал на них во гневе: «Как вы осмелились перейти в другую веру без моего разрешения, только лишь потому, что эти чародеи оказались более искусными, чем вы? Если вы не возьмете свои слова обратно, я прикажу, чтобы вам отрубили руки и ноги, а вас самих вздернули на виселицах».

— Ты хочешь казнить нас, — отвечали чародеи, — только за то, что мы не в силах отрицать знамения Аллаха! Смотри же, вот, мы готовы отдать свои жизни ради нашей веры.

Бессердечный властитель в назидание другим повелел, чтобы его угрозу привели в исполнение, и новообращенные приняли смерть, оказавшись первыми мучениками за веру Моисея.

С каждым днем царь становился все более жестоким, и каждого новообращенного предавал смерти с самыми мучительными {145} пытками. Он не пощадил даже собственной дочери Машеты, жены Хискиля, узнав, что та больше не почитает его за Бога. Она с беспримерною твердостью встретила смерть на костре, после того как ей пришлось стать свидетельницей гибели своих детей: по повелению фараона их всех перерезали у нее на глазах.

Да и сама Азия была вскоре обвинена им в вероотступничестве, и даже была приговорена к смертной казни, но ангел Гавриил утешил ее, возвестив, что после смерти она соединится с Мухаммедом в раю, и дал ей снадобье, выпив которое, женщина умерла без каких-либо мучений.

Тогда у фараона созрел, как прежде до него у Нимрода, чудовищный замысел войны против Бога Моисея. Во исполнение своего замысла он приказал воздвигнуть башню, над которой день и ночь трудились пятьдесят тысяч мужчин, в основном израильтян. И сам царь гарцевал среди строителей на коне, понукая их не лениться. Однако Моисей вознес молитву Аллаху, и башня рухнула. Она погребла под своими развалинами всех египетских надсмотрщиков, угнетавших израильтян. Но даже это возмездие оказало лишь мимолетное впечатление на

ожесточенное сердце фараона, ибо Аллах желал явить еще большие чудеса, перед тем как предать душу царя вечному пламени ада. Сначала Он подверг его страну наводнению. Нил вышел из своих берегов, и вода поднялась так высоко, что доходила до шеи самым высоким из мужчин. После этого потопа {146} последовало нашествие саранчи, которая заполонила всю землю, уничтожая не только все посеы, но даже поедая медь и железо. На смену саранче пришли отвратительные паразиты разного рода, которые оскверняли еду и питье, заползали в постели и предметы одежды, так что фараон был вынужден постоянно переменять свои одеяния, и у него не было ни минуты покоя. Когда эта напасть прекратилась, а фараон все еще противился исполнить желание Моисея, вся вода Египта стала обращаться в кровь, как только египтяне брали ее в свои руки, но оставалась неизменно чистой, когда ее касались израильтяне.¹

В конце концов, многие из египтян, особенно самые высокопоставленные из них, которые старались укрепить фараона в его неверии, были обращены в камни вместе со всем их имуществом. То тут то там можно было увидеть окаменелого человека, то сидящего на базаре с весами в руках, то пишущего что-то пером-каламом, или считающего золотые монеты. И даже один из стражников у дворцовых ворот застыл, обратившись в камень, по-прежнему держа меч в своей правой руке. Омар Ибн Абд Аль-Азиз² имел в своей коллекции все виды {147} окаменелых фруктов тех времен, и постоянно показывал их своим гостям, предостерегая их от неверия. По молитве Моисея Аллах оживил окаменевших египтян; но когда фараон снова отказался отпустить народ израильский, вся страна оказалась погружена в такую непроглядную тьму, что тот, кто на тот момент сидел, не имел силы встать, тот же, кому случилось перед этим стоять, не мог сесть. После этого Нил пересох настолько, что люди и звери стали умирать от жажды. В этом случае уже сам фараон прибежал к Моисею и стал убеждать его, чтобы тот помолился еще раз, и вода снова вернулась в Нил. В последний раз Моисей согласился помолиться за фараона, и Нил не только наполнился водой до своих берегов, но из него также вытек небольшой ручеек, который следовал за фараоном, куда бы тот ни шел, так что он имел возможность в любой момент напоить водой и людей, и животных. Однако вместо того, чтобы обратиться к Аллаху, фараон использовал это особое расположение, как средство для убеждения народа почитать себя по-прежнему за Бога.

Долготерпение Господне было уже истощено, и Он решил предоставить возможность самому фараону определить себе наказание, и избрать такой способ казни, которого заслуживала его извращенность. Ангел Гавриил, приняв обличье знатного египтянина, {148} стал жаловаться фараону на одного из своих рабов,

¹ «Вся вода, что хранилась в сосудах, обратилась в кровь, даже слюна во рту египтян; ибо написано: «и потекла кровь по всей земле египетской». Раввин Леви считает, что эта язва обогатила евреев, ибо, «Если иудей и египтянин жили в одном и том же доме, то, когда египтянин шел за водой, она обращалась в кровь, если же воду брал иудей, она оставалась чистой. Если люди пили из одного и того же сосуда, то еврей глотал воду, а все остальные — кровь; но если последние покупали ее у израильтянина, то вода оставалась чистой». — *«Мидраш»*, стр.56.

² Этот Омар был восьмым халифом из дома Омейядов. Он восшел на престол в девяносто девятом году хиджры, а до этого был правителем Египта.

который в его отсутствие объявил себя господином, и принуждал других домочадцев служить ему.

- Этот самозванец, — сказал фараон, — заслуживает смерти.
- Каким же образом должен я его казнить?
- Пусть его бросят в воду!
- Дай мне письменное распоряжение.

Фараон повелел, чтобы был составлен документ, согласно которому любой раб, который узурпировал бы права своего господина, должен был быть утоплен.

На этом Гавриил оставил фараона, и повелел Моисею оставить Египет вместе со своим народом. Фараон вместе со своей армией кинулся преследовать израильтян, и окружил их со всех сторон так, что для них не оставалось иного пути бежать в землю обетованную, как только через Красное море. Зажатые между морем и египтянами, евреи стали укорять Моисея за то, что он подверг их такой опасности. Но Моисей поднял свой жезл и направил его в сторону моря. Внезапно вода расступилась, и посреди моря образовалось двенадцать тропинок для двенадцати израильских племен, каждая из которых была отделена высокой, но вполне прозрачной стеною.

Когда фараон пришел на берег и увидел сухие проходы посреди моря, он сказал Хаману: «Теперь израильтяне потеряны для нас, ибо даже воды, кажется, способствуют их бегству». {149}

Но Хаман отвечал: «А разве эти тропинки не открыты подобным же образом и для нас? Мы сможем быстро пройти их на наших конях».

Фараон ступил на тропу, по которой шел Моисей с племенем левитов; но его конь взвился у воды на дыбы, и не пожелал двинуться вперед. Тогда явился ангел Гавриил в человеческом обличье, и, восседая на лошади Рамке, поскакал перед фараоном. Кобыла ангела была так красива, что как только фараонов жеребец увидел ее, то помчался вслед за Гавриилом.

Однако когда фараон со всем своим воинством оказался в самой середине моря, ангел Гавриил обернулся к нему и, показав вчерашний документ, скрепленный царскою печатью, прокричал: «Недолговечен смертный, пожелавший, чтоб ему служили как Богу! Гляди, ты сам осудил себя к смерти посредством воды». При этих словах двенадцать волшебных стен рухнули, и потоки воды смели фараона и всю его армию, следовавшую за своим повелителем. Но для того, чтобы убедить в смерти фараона, как оставшихся позади египтян, так и ушедших вперед израильтян, Аллах повелел волнам выбросить его тело сначала на западный берег Красного моря, а затем и на восточный.

Но теперь Моисею пришлось не меньше бороться с израильтянами, чем прежде с фараоном; ибо они, казалось, были не способны порвать с идолопоклонством, несмотря на все {150} чудеса Единого Господа, которые Он им явил.

Все же, пока он оставался с ними, им удавалось удерживаться без поклонения идолам; однако, как только Аллах призвал Моисея на гору Синай, израильтяне

стали угрожать Аарону, которого Моисей оставил за главного вместо себя, убить его, если он не даст им какого-нибудь идола.

Тогда Самири убедил их принести все свое золото, вплоть до украшений своих женщин, и бросить этот металл в медный котел, под которым был разожжен сильный огонь. Когда золото расплавилось, он бросил в него пригоршню песка, взятого из-под копыт коня Гавриила, и вдруг! из этой массы образовался телец, который стал бегать туда-сюда, как настоящий.

— Вот ваш Господь и Господь Моисея! — воскликнул тогда Самири, — этому богу мы и будем служить.¹

В то время как израильтяне, несмотря на предостережения Аарона, оставили Аллаха, ангел Гавриил поднял Моисея так высоко в небеса, что тот услышал скрипение волшебного калама, который только что получил повеление {151} запечатлеть для него и его народа десять заповедей на вечных скрижалях Судьбы.

Но чем выше поднимался Моисей, тем сильнее становилось его желание взглянуть на Аллаха во всей Его славе.

Тогда Аллах повелел всем ангелам окружить Моисея, и начать хвалебную песнь. Моисей лишился чувств, ибо его сильнейшими желаниями было, как узреть этот сонм сияющих воинов, так и слышать их чарующие голоса.

Но когда он снова пришел в себя, то признал, что мечтал об исполнении грешного желания, и раскаялся. Затем он попросил Аллаха, чтобы Он сделал его народ самым совершенным на земле. Но Аллах ответил: «Калам уже отметил этим качеством народ Мухаммеда, поскольку этому народу предстоит сражаться за истинную веру, пока она не охватит всю землю».

— Господи, — продолжал Моисей, — вознагради вдесятеро все добрые дела моего народа, но наказывай за грех только единожды; позволь также каждому хорошему намерению, хоть и не приведенному в исполнение, компенсировать каждую злую мысль, оставив ее без наказания.

— Эти привилегии, — отвечал Аллах, — дарованы только тем, кто верит в Мухаммеда, чьим именем даже Адам мне молился. Наставляй, таким образом, свой народ в вере ему, ибо он восстанет в первый день воскресения из гроба, и войдет в рай во главе всех пророков. Ему также будет дана {152} благодать заповедать своему народу молиться пять раз в день и поститься в месяц рамазан (рамадан).²

¹ Согласно преданиям раввинов, Самаэль (сатана) вошел в тельца и начал так громко стонать, что израильтяне поверили, что тот живой. Раввины также утверждают, что это был не Аарон, а какой-то другой человек (некоторые считают, что это был Мисах), который сделал тельца. — См. *Seiger*, стр. 167.

² Хорошо известно, что мусульмане ежегодно хранят пост, который длится весь день от восхода солнца до его заката в течение целого месяца. И они даже превосходят иудеев в строгости, ибо им запрещено не только есть, но и пить, а также следует воздерживаться от курения во время этого поста. Поскольку они придерживаются лунного календаря, то месяц рамазан (рамадан) может выпасть на любой из сезонов года.

Когда Моисей снова возвратился к своему народу, то нашел его поклоняющимся золотому тельцу. Разгневавшись, он набросился на Аарона, схватил его за бороду и уже был готов задушить своего брата, когда тот поклялся в своей невинности и указал на Самири, как на зачинщика всего этого непотребства.

Моисей вызвал Самири, и собирался немедленно предать его смерти, но Аллах остановил его, повелев просто изгнать отступника.

С тех пор он как дикий зверь скитается по белу свету; люди сторонятся его, и спешат очистить землю, на которую ступала его нога, да и сам он при приближении людей восклицает: «Не касайтесь меня!»

Однако перед тем как Моисей выгнал его из лагеря израильтян по повелению Аллаха, он приказал, чтобы золотого тельца разбили на куски и растерли их в порошок, заставив Самири осквернить себя этой работой. Затем этот порошок смешали с водою и дали выпить израильтянам.

После того, как Самири был прогнан прочь, Моисей вознес молитву Аллаху, {153} чтобы Он простил его народ; но Аллах ответил: «Я не могу простить этот народ, ибо грех еще обитает внутри них, и может быть со временем очищен только тем снадобьем, которое ты дал им».

Подходя к лагерю, Моисей услышал ужасные вопли. Множество израильтян с перекошенными лицами и отвратительно распухшими телами, пали ниц перед ним и взмолились: «Моисей, спаси нас! Золотой телец разрывает наши внутренности; мы раскаемся и с радостью уйдем из жизни, если только Аллах простит наш грех». Многие искренне повинились в своих грехах; но у других только боль и страх смерти смогли исторгнуть слова покаяния.

В конце концов, Моисей повелел им во имя Аллаха перебить друг друга.

После этого наступила кромешная тьма, подобно той, которую Аллах наслал на фараона. Невинные и раскаявшиеся начали махать мечами направо и налево, так что многие прикончили своих ближайших соседей; но Аллах дал их клинкам силу только против действительно виновных. Семьдесят тысяч идолопоклонников уже пали убитыми, когда Моисей, тронутый криками женщин и детей, еще раз попросил Бога о милости.

И немедленно небо вновь стало ясным, мечи перестали вздыматься, а все, кто был ранен, исцелились.

На следующий день Моисей зачитал им Закон, и увещевал их точно следовать всем его {154} предписаниям. Но многие из людей начали роптать: «Мы не желаем подчиняться таким законам». Особое недовольство вызывали законы, касавшиеся кровной мести и карающие даже за самое мелкое воровство отрубанием руки. В это мгновение гора Синай начала клониться над их головами, пока не закрыла от людей самый свет с небес. Потом голос со скал воскликнул: «Сыны Израиля, Аллах искупил вас из Египта единственно для того, чтобы вы были носителями Его закона; если же вы отказываетесь от этого бремени, то мы

упадем на вас, так что вы окажетесь погребенными под огромными глыбами до дня воскресения».

В один голос израильтяне закричали: «Мы готовы подчиниться Закону, и принять его за правила в своей жизни!»

После того как Моисей подробно растолковал им суть Закона и помог им понять, что является чистым, а что нечистым, что законным и что незаконным, он дал сигнал к выступлению в поход для завоевания обетованной Израилю земли Палестины.

Но, несмотря на все чудеса Аллаха, питавшего их в пустыне манной и перепелами, и повелевавшего двенадцати источникам со свежей водой пробиваться сквозь каменистую почву на всех их стоянках, сыны Израиля оставались все теми же упрямыми маловеерами. Они заявляли, что не двинутся дальше в путь, пока не получат более подробной информации об обещанной им земле и ее обитателях от посланных вперед разведчиков. {155} Что подделаешь, пришлось Моисею им уступить и отрядить в качестве соглядатаев в Палестину по одному представителю от каждого из колен Израилевых.

Вернувшись, разведчики доложили народу: «Мы видели землю, которую нам предстоит завоевать мечом: она хороша и плодородна.

Сильнейший из верблюдов с огромным трудом может тащить всего одну кисть тамошнего винограда; а в хлебном колосе там родится столько зерен, что хватит, чтобы накормить целую семью. Кожура же тамошних гранатов так велика размером, что в ней свободно могут поместиться пять вооруженных воинов.

Но и обитатели этой страны и их города по размеру сопоставимы с дарами этой земли. Мы видели людей, меньший из которых был ростом в шестьдесят локтей. Они удивленно смотрели на нас, принимая за карликов, и насмехались над нами. Жилища этих людей, естественно, под стать их хозяевам-гигантам, а крепостные стены их городов так высоки, что едва ли орел долетит до их вершины».

Как только соглядатаи закончили свой отчет, они упали на землю замертво; и только двое из них: Иисус [Навин], сын Нуна, и Халев, что хранили молчание на протяжении всего рассказа, остались в живых. Но израильтяне начали роптать, и заявили Моисею: «Мы никогда не пойдем сражаться против такого народа подобных гигантов! Если у тебя на уме такое дело, то ступай вместе со своим Богом против них один!»

После таких слов Моисей заявил народу от имени Аллаха, что из-за своего неверия {156} в помощь Того, Кто ради их спасения повелел расступиться водам моря, они обречены сорок лет скитаться по пустыне. После этого заявления он оставил израильтян, и пошел прочь, чтобы проповедовать истинную веру по всей земле, с востока до запада и с севера до юга.

Однажды, когда Моисей похвалялся своей мудростью перед сопровождавшим его слугой Иисусом [Навином], Аллах сказал: «Отправляйся к Персидскому заливу, где соединяются моря греков и персов, и ты найдешь там одного из Моих благочестивых слуг, который превзойдет тебя в премудрости».

— Как я узнаю этого мудреца?

— Прихвати с собою в корзине рыбу, и она укажет тебе, где живет Мой слуга.

Моисей тотчас же отправился с Иисусом [Навином] в ту страну, что указал ему Аллах, где стал постоянно носить с собою рыбу в корзинке. Однажды, очень утомившись, Моисей прилег на морском берегу отдохнуть, и его сморил сон. Когда он проснулся, день уже клонился к вечеру, и он заторопился, дабы успеть укрыться под кровом постоянного двора. Однако Иисус [Навин] в спешке оставил на берегу корзину с рыбой, а Моисей забыл ему об этом напомнить. Только на следующее утро путники хватились своей пропажи, и уже собрались вернуться точно на то место, где они отдыхали накануне; но, бредя туда вдоль берега, увидели поднышающую из воды и скользкую {157} по ее поверхности рыбу, вместо того, чтобы плыть в воде, как это делают обычные рыбы. Вскоре они распознали в ней свою рыбу, и решили следовать за нею вдоль берега. После того, как они прошли за этой рыбой несколько часов, та вдруг нырнула под воду. Путники остановились и подумали: «Должно быть, здесь-то и живет тот богобоязненный муж, которого мы ищем». И действительно вскоре они наткнулись на пещеру, над входом в которую была надпись: «Во имя Аллаха, Всемилового и Всеблагого!» Войдя в пещеру, они увидели мужчину, который выглядел, словно цветущий семнадцатилетний юноша, однако имел белоснежную бороду, доходившую до самой земли. Как оказалось, это был пророк Хизр, который хотя и обладал даром вечной молодости, был изрядно убелен сединою — этим прекрасным украшением старости.

После взаимных приветствий Моисей сказал хозяину: «Прими меня своим учеником, и позволь мне сопровождать тебя в твоих странствиях по всему свету, чтобы я мог наслаждаться мудростью, которою Аллах тебя наделил».

— Э-э-э, да ведь тебе не дано постичь ее, а потому ты не останешься со мною надолго!

— Если будет на то воля Аллаха, ты найдешь во мне послушного и терпеливого ученика. Не отвергай меня!

— Ты можешь следовать за мной, однако не должен задавать никаких вопросов, пока я сам, по своей собственной воле, не пожелаю объяснить тебе смысл моих действий.

Не успел Моисей согласиться с этим условием, {158} как Аль-Хизр вывел его на берег моря, где стояло на якоре судно. Мудрец взял топор, и выбил две доски из днища судна, так что оно немедленно затонуло.

— Эй, что ты наделал?! — воскликнул Моисей, — Люди, что поплывут на этой лодке, теперь неизбежно погибнут!

— А не говорил ли я тебе, — отвечал Аль-Хизр, — что ты недолго будешь терпеливым со мною?

— Прости меня, о, мудрейший, — сказал Моисей, — я забыл о своем обещании.

Затем Аль-Хизр продолжил с Моисеем свой путь дальше, пока они не встретили красивого мальчика, игравшего с ракушками на морском берегу. Аль-Хизр достал свой нож и перерезал ребенку горло.

Моисей закричал: «Зачем ты убил это невинное дитя, которое никоим образом не заслуживало смерти? Ты совершил ужасное преступление!»

— Ну, не говорил ли я, — отвечал Аль-Хизр, — что ты не сможешь долго путешествовать в моей компании?

— О, прости меня еще раз, — взмолился Моисей, — и если я нарушу слово опять, и спрошу тебя о чем-либо, тогда можешь прогнать меня!

После этого они долго путешествовали по разным местам, пока не пришли, голодные и очень уставшие, в большой город. Однако никто не хотел пускать их на ночлег, ни давать им еды или питья без денег. Вдруг Аль-Хизр заметил, что стены внешне красивого постоянного двора, из которого их только что выгнали, накренились и вот-вот завалятся. Мудрец подошел к ним {159} и стал их укреплять, пока стены не стали такими же ровными, как прежде; починив их, он пошел своей дорогой.

Тогда Моисей сказал ему: «Ты только что сделал работу, для исполнения которой многие каменщики должны были трудиться в течение нескольких дней; почему же ты, по крайней мере, не потребовал вознаграждения, чтобы мы могли купить себе пропитания?»

— Все, теперь мы должны расстаться! — сказал Аль-Хизр, — Однако до того, как мы разделимся, я объясню тебе мотивы моих поступков. Лодка, которую я повредил, но которую можно будет легко починить, принадлежала одному бедняку, и являлась единственным источником его существования. В тот момент, когда я затопил ее, множество кораблей некоего тирана рыскали в этих местах, захватывая любые годные к плаванию суденышки. Благодаря мне этим бедным рыбакам удалось сохранить свою единственную собственность.

Ребенок, которого я убил, был сыном благочестивых родителей; но сам он (я прочел это по его лицу) был нрава развращенного, и мог бы, в конце концов, привести своих родителей к греху. Таким образом, я предпочел убить его; Аллах вместо него дарует его родителям более благочестивых детей.

Что же касается стен харчевни, которые я поднял и упрочил, то она принадлежит двум сиротам, чей отец был набожным человеком. Под стеной, что я укрепил, спрятан клад, который нынешний владелец мог бы обнаружить, если бы стена упала: {160} поэтому-то я и починил ее, дабы сокровище могло лежать в безопасности до того момента, пока дети не станут взрослыми!

— Теперь ты видишь, — продолжал Аль-Хизр, — что во всех своих поступках я руководствовался не слепыми чувствами, но действовал в соответствии с волей моего Господа.¹ {161}

Моисей взмолился, чтобы Аль-Хизр в последний раз простил его, но более уже не осмелился попросить у него позволения остаться с ним.

В течение последних тридцати лет Моисей обошел южную, восточную и западную части земли. У него оставалось еще десять лет на то, чтобы посетить северный край, который, несмотря на суровый климат и жестокие нравы тамошних народов, он исходил вдоль и поперек, пока не дошел до великой железной стены, воздвигнутой Александром для защиты местного населения от опустошающих набегов племен «яджуджей» и «маджуджей». Полюбовавшись этой стеною, которая была отлита из единого куска, Моисей вознес хвалу всемогуществу Аллаха, и направил свои стопы в Аравийскую пустыню.

Тридцать девять лет уже минуло с тех пор, как он расстался со своими собратьями. Многие из израильтян, которых он покинул в самом расцвете лет, успели состариться и умереть, и на смену им выросло новое поколение.

Среди немногих еще остававшихся в живых стариков был родственник Моисея Карун (Корей), сын Джахара, сына Фахитца. Он научился от Моисеевой сестры Кольсум (Мириам), бывшей его женой, алхимии, так что мог превращать даже самый ничтожнейший из металлов в золото. Он был так богат, что обнес свои сады высоченными заборами из чистого золота, и требовал сорок мулов, которые должны были нести ключи {162} от его сокровищниц, когда он отправлялся в

¹ Совершенно очевидно, что эта легенда иудейского происхождения. Она имеет отношение к библейской истории Моисея: пока он был на горе Синай, Господь наставил его во всяких тайнах Своего провидения. Моисей посетовал Ему на нечистоту порока и на его успех в этом мире, а также на страдания невинных людей. Тогда Господь поднял его на выступавшую с горы Синай скалу, с которой Моисей мог обозреть огромную пустынную равнину, простиравшуюся внизу под ним.

В одном из оазисов этой пустыни Моисей увидел спящего араба. Пробудившись, тот быстро вскочил в седло и скрылся за горизонтом, оставив на земле мешок с жемчугом. Другой пришедший в оазис араб нашел этот мешок с жемчужинами, схватил его и ускакал в противоположном направлении.

Затем преклонных лет путник, опираясь на свой посох, проковылял слабеющей походкой к тенистому месту, опустился на землю и заснул. Но едва он смежил глаза, как его дремота была грубо прервана: вернулся первый из молодых арабов и потребовал у старика свои жемчужины. Седовласый путник ответил, что не брал их. Юноша разозлился и обвинил старика в воровстве. Тот поклялся, что в глаза не видел никаких сокровищ, но молодой бросился на него, и началась драка. В итоге, пылкий юноша выхватил меч и вонзил его в грудь старому арабу, так что тот замертво упал на землю.

«О, Господи! — воскликнул Моисей в ужасе, — и где же тут справедливость?» «Не торопись! Взгляни на этого человека, чья кровь теперь смешалась с водами пустыни. Много лет назад, в тайне от всех людей, на этом самом месте он убил отца этого юноши, который теперь зарезал его. Его преступление осталось сокрытым от народа, но — Мне отмщение; Аз воздам!»

Читатель может заметить схожесть этих вымыслов с прекрасной поэмой на ту же тему Барнелла, который, если сам и не слышал об арабской легенде, мог ознакомиться с нею у Шиллера в «Посланнике Моисее» («Sendung Moses») — Э.Т.

путешествие.¹ В силу своего богатства он пользовался во время отсутствия Моисея поистине королевским влиянием. Но когда после возвращения Моисея его авторитет уменьшился, Корей задумал погубить своего шурина. Корей отправился к одной девице, которую Моисей некогда выгнал из лагеря за ее распутное поведение, и пообещал жениться на ней, если та объявит перед старейшинами собрания, что Моисей изгнал ее только за то, что она отказалась слушать его предложения. Девица пообещала Корею, что исполнит все, как он хочет. Но когда она предстала перед старейшинами с намерением оклеветать Моисея, то не смогла даже выдвинуть задуманное обвинение. Аллах вложил совсем иные слова в ее уста: вопреки ожиданиям, она признала свою вину и созналась, что это Корей уговорил ее своими бесконечными обещаниями ложно обвинить Моисея. Моисей вознес молитву Аллаху, дабы Он защитил его от злобы его родственника: и, о, чудо! земля разверзлась под ногами Корея и поглотила его со всеми его сторонниками и всем его добром.

Когда сороковой год близился к своему завершению, Моисей вместе с израильтянами двинулся к палестинской границе.

Когда Джалуб Ибн Сафум, царь Балки, {163} получил донесения о приближении израильтян, которые уже на своем пути захватили множество городов, он приказал позвать к себе Велиама (Валаама), чародея, сына Баура, в надежде с его помощью остановить израильтян. Однако перед Велиамом в ту ночь предстал ангел, который запретил ему принимать приглашение Джалуба. Когда, таким образом, посланники царя вернулись в Балку без Велиама, Джалуб купил самых дорогих украшений, и тайно отправил их с другими посланниками жене Велиама, от которой чародей был в такой сильной зависимости, что во всех делах буквально находился у нее под каблуком. Жена Велиама приняла подарки, и убедила своего мужа отправиться в дорогу. Царь в сопровождении своих визирей поскакал на коне за ворота города, чтобы встретить дорогого гостя, и предоставил ему один из самых красивейших домов города для проживания. Согласно обычаям той страны три дня гостю приносили еду с царского стола, и царские визири посещали его время от времени, без упоминания, однако о предмете, ради которого тот был вызван в Балку. Так продолжалось до четвертого дня, когда царь призвал мага к себе и умолил его проклясть народ Израиля. Однако Аллах парализовал язык Велиама, так что, несмотря на ненависть к народу Моисея, чародей оказался не в силах вымолвить ни единого проклятия. {164}

Увидев это, царь попросил его, по крайней мере, помочь ему советом, как противостоять вторжению израильского народа.

— Лучшее средство против израильтян, — сказал Велиам, — которые сильны только поддержкою Аллаха, это соблазнить их на грех. Их Бог оставит их тогда, и они окажутся не способны справиться ни с одним врагом. Поэтому пошли им навстречу с провизией самых красивых девушек

¹ В «Мидраше» говорится: «У Корея было триста белых мулов, которые носили ключи от его сокровищниц. Его богатство стало его погильею!»

и женщин из своей столицы, чтобы они склонили израильских мужчин ко греху, и ты сможешь с легкостью одолеть их.

Царь последовал этому совету; но Моисей, предупрежденный обо всем ангелом Гавриилом, приказал предать смерти первого же согрешившего израильтянина, и в назидание остальным пронести его насаженную на пику отрубленную голову через весь лагерь. Затем он неожиданно напал на столицу; Балка была взята, а царь вместе с Велиамом и своими сыновьями пали в этом бою одними из первых. Вскоре после захвата Балки Моисею явился Гавриил и повелел ему вместе с Аароном и его сыновьями следовать за ним на высокую гору, что возвышалась невдалеке от города. Поднявшись на вершину этой горы, путники увидели искусно выдолбленный грот, внутри которого стоял гроб с надписью: «Я предназначен тому, кому буду впору». Моисей первым пожелал примериться к гробу, однако его ноги не поместились в нем и торчали наружу; {165} тогда настал черед Аарона, и гроб подошел ему так, словно был сделан по его мерке. Тогда Гавриил вывел Моисея и сыновей Аарона и из пещеры, но сам вернулся, чтобы омыть и благословить тело Аарона, чья душа тем временем уже оказалась взята ангелом смерти. Когда Моисей вернулся в лагерь без Аарона, израильтяне стали интересоваться, где же его брат, и он поведал им о его смерти, но они не поверили ему, и заподозрили его в убийстве Аарона, причем многие даже не побоялись высказывать свои подозрения прилюдно. Моисей взмолился Аллаху, чтобы Он объявил о его невинности перед всем народом, и вот, четыре ангела вынесли гроб Аарона из пещеры и пронесли над лагерем израильтян, чтобы каждый мог видеть его, и один из ангелов воскликнул: «Аллах забрал душу Аарона себе!»¹ Моисей, предчувствующий свой приближающийся конец, обратился к израильтянам с продолжительной речью, в которой он изложил им самые важные законы. Под конец он предостерег их от искажения переданного им от Бога Закона. В этом Законе ясно говорилось о грядущем приходе Мухаммеда, в которого они все должны были уверовать. Несколько дней спустя во время чтения Закона, к нему явился ангел смерти. Моисей сказал: «Если ты пришел, чтобы забрать {166} мою душу, то возьми ее через мои уста, ибо они постоянно произносили слово Аллаха, и никогда не касались ничего нечистого». Затем он облачился в свое самое красивое одеяние, объявил своим законным наследником Иисуса [Навина], и умер в возрасте ста двадцати лет, или, как заявляют другие источники, в возрасте ста восемнадцати лет. Да пребудет с ним милость Аллаха!

Другие источники описывают смерть Моисея следующим образом:

Когда ангел Гавриил объявил ему о приближающейся кончине, Моисей быстро побежал к себе домой, и стал колотить в дверь. Его жена Сафурджа открыла дверь, и, увидев, что лицо мужа было совсем бледным и с крайне тревожным выражением, спросила: «Кто гонится за тобой, что ты вбегаешь сюда в таком страхе и смятении? За какие это долги и что за кредитор тебя так преследует?»

Тогда Моисей отвечал ей: «Есть ли на свете более могущественный кредитор, чем Господь неба и земли, и более опасный преследователь, чем ангел смерти?»

¹ В полном соответствии с «Мидрашем», стр. 255.

— А что, в таком случае, разве человек, говоривший с Аллахом, тоже должен умереть?

— Конечно, даже ангелу Гавриилу суждено познать смерть, и ангелу Михаилу, и Исафилилу вместе со всеми остальными ангелами. Лишь Один Аллах вечен, и не умирает никогда.

Сафурджа зарыдала, и от горя лишилась чувств; но {167} когда она пришла в себя, Моисей спросил:

— А где мои дети?

— Они спят.

— Так разбуди их, чтоб я мог с ними проститься!

Сафурджа подошла к постели их спящих детей и воскликнула: «Вставайте, вы, мои бедные сиротки; вставайте и проститесь со своим отцом, ибо этот день — его последний день в этом мире и первый день в грядущем!»

Дети, пробудившиеся от своего сна, испуганно запричитали: «О, горе нам, горе! Кто пожалеет нас, когда мы останемся без отца? Кто с любовью и заботою переступит этот порог?»

Моисей был так тронут этими словами, что и сам горько заплакал.

Тогда Аллах спросил его: «Моисей, о чем ты плачешь? Может, ты боишься смерти, или тебе жаль покинуть этот мир?»

— Я не боюсь смерти, и этот мир оставляю с радостью; но мне жаль этих детей, от которых очень скоро оторвут их отца.

— А на Кого же надеялась твоя мать, когда доверила твою жизнь водам?

— На Тебя, Господи!

— Кто защитил тебя от фараона, и дал тебе жезл, перед которым расступились морские воды?

— Ты, Господи!

— Тогда вновь отправляйся на берег морской, подними {168} над волнами свой жезл, и ты увидишь еще одно доказательство Моего всемогущества.

Как только Моисей исполнил это повеление, воды тотчас расступились перед ним, и его взору открылась огромная черная скала, стоящая на дне посередине моря. Когда он приблизился к ней, Аллах повелел ему: «Ударь по ней своим жезлом». Моисей повинился, и скала после его удара разломилась надвое. Он увидел под ней небольшое углубление и червя с зеленым листочком во рту, который трижды прокричал: «Хвала Аллаху, который не забыл меня в моем уединении! Хвала Аллаху, который питает и возвращает меня!» Когда червь замолчал, Аллах обратился к Моисею: «Ты видишь, что я не покинул даже маленького червячка под сокрытой от глаз людских морской скалою, как же Я покину твоих детей, уже теперь исповедующих, что Бог — Один, и что Моисей — Его пророк?»

После этого Моисей вернулся к себе домой удовлетворенный, успокоил свою жену и детей, и отправился один на гору. Там он увидел четверых мужчин, копавших могилу, и поинтересовался у них: «Для кого вы роете эту могилу?»

Они отвечали: «Для человека, которого Аллах пожелал взять к себе на небеса». Моисей попросил разрешения помочь им копать могилу для столь благочестивого праведника. Когда работа была закончена, он спросил: «Сняли ли вы мерку с покойного?»

— Нет, — ответили могильщики, — мы забыли это сделать. Но он был в точности твоего роста и комплекции; ляг сюда, чтобы мы могли {169} прикинуть, впору ли тебе могила. Да вознаградит Аллах твою доброту!

Однако не успел Моисей лечь в могилу, как прямо перед ним явился ангел смерти и приветствовал его: «Мир тебе, Моисей!»

— Да благословит тебя Аллах, и да будет милостив к тебе! Кто ты такой?

— Я ангел смерти! Пророк Аллаха, я пришел забрать твою душу.

— И каким же образом ты намереваешься взять ее?

— Из твоих уст.

— О, это невозможно, ибо уста мои говорили с Богом!

— Ну, тогда я заберу ее сквозь твои глаза.

— Так тоже не пойдет, ведь они видели свет Господа.

— Ну ладно, я вытащу ее из твоих ушей.

— Нет, ты не сделаешь этого, ведь они слышали слово Аллаха!

— Хорошо, я могу взять ее из твоих рук.

— Да как ты смеешь?! Разве эти руки не носили те алмазные скрижали, на которых был вырезан Закон Божий?

Тогда Аллах повелел ангелу смерти попросить у Ридвана, райского стражника, принести яблоко из рая, и дать его Моисею.

Моисей взял яблоко из рук ангела смерти, и как только он вдохнул его аромат, его благородная душа тотчас же отлетела на небеса через {170} его ноздри. А тело его осталось лежать в той самой могиле, место которой не знает никто, за исключением ангелов Гавриила, Михаила, Исрафила и Азраила, которые копали ее, и которых Моисей принял за людей.

{171}

САМУИЛ, САУЛ И ДАВИД.

ИЗРАИЛЬТЯНЕ старались при Иисусе [Навине] (который, впрочем, не был пророком, но всего лишь праведным князем и храбрым вождем своего народа) придерживаться тех законов, что были даны им чрез Моисея. Потому и Господь помог им изгнать великанов из земель ханаанских. Более того, при боевом кличе израильтян «Аллах велик!» сотрясались и рушились самые прочные крепостные стены осажденных ими вражеских городов.

Но после смерти Иисуса они вновь возвратились к своим старым мерзким привычкам, за которые египтяне подверглись столь суровому наказанию; и поэтому Аллах, желая наказать и исправить Свой народ, послал против израильского народа великана Джалута (Голиафа). В многочисленных стычках он наносил израильтянам поражение за поражением, и дошло до того, что этому Джалуту удалось отнять у них «Табут» (священный ковчег Завета), так что они полностью лишились поддержки и благословения Аллаха.

И вот однажды, когда вожди израильского народа собрались все вместе и стали совещаться, что же им придумать, чтобы одолеть могучего Голиафа, к ним подошел мужчина, происходивший из семейства Аарона. Звали его Ишмавиль Ибн Бал (Самуил). Он сказал: «Бог отцов ваших послал меня к вам возвестить, что окажет вам немедленную помощь, если вы обратитесь к Нему; или же вас постигнет полное уничтожение, если вы будете продолжать ходить своими порочными путями!» {172}

— И что же мы должны сделать, — спросил один из старейшин Израиля, — чтобы заслужить благосклонность Аллаха?

Самуил разъяснил: «Вы должны поклоняться Одному лишь Аллаху, и не приносить жертв всяким идолам; и не должны есть падаль, то, что умерло само собою, не должны также вкушать ни свиного мяса, ни крови, и не должны есть ничего, что не было специально зарезано во имя Аллаха. Помогайте друг другу совершать хорошие дела, почитайте ваших родителей, обращайтесь с вашими женами по-доброму, помогите вдовам, сиротам, и бедным. Веруйте в тех пророков, которые были до меня, в особенности в Авраама, ради которого Аллах обратил пылающий костер в прекрасный сад. И в Измаила веруйте, чью шею Аллах сделал непрорезаемой, и для которого Он заставил пробиться источник в каменистой пустыне. Веруйте и в Моисея, который своим жезлом открыл двенадцать сухих проходов в морских волнах.

—Веруйте, подобным же образом, и в тех пророков, что грядут за мною. Более всех прочих, веруйте в Ису Ибн Марйам, Духа Аллаха (Христа), и в Мухаммеда Ибн Абд Аллаха!»

— Что это еще за Иса? — поинтересовался один из вождей Израиля.

— Это такой пророк, — пояснил Самуил, — на которого Писание указывает, как на Слово Аллаха. Его мать зачнет Его, оставаясь девственницей, по воле Господа и посредством дыхания ангела Гавриила. Еще пребывая в Своей утробе, Он будет восславлять всемогущество Аллаха

и засвидетельствует чистоту {173}Своей матери; а в более поздний период Он будет исцелять больных и прокаженных, воскрешать мертвых, и создавать живых птиц из глины. Его безбожные современники будут оскорблять Его и попытаются Его распять; но Аллах ослепит их, так что вместо Него будет распят другой, в то время как Он, подобно пророку Еноху, будет взят на небо живым, так и не вкусив смерти.

— Ну а Мухаммед, это кто? — продолжал все тот же еврей, — его имя звучит столь странно, что я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь в Израиле носил такое.

«Мухаммед, — отвечал Самуил, — не принадлежит к нашему народу, а произойдет он из рода Измаила, и будет последним и самым великим пророком, которому даже Моисей и Христос поклонятся в день воскресения.

Его имя, которое означает “Многопрославленный”, уже само по себе показывает, как много в нем превосходного, за что он и благословляется всеми творениями, как на небе, так и на земле.

Но чудеса, которые он совершит, окажутся столь многочисленными, что не хватит и целой человеческой жизни, чтобы рассказать о них. Потому и мне теперь приходится ограничиваться в разговоре с вами лишь частью того, что он однажды увидит всего за одну единственную ночь.¹ {174}

В одну столь ужасающе бурную ночь, что даже петухи будут бояться кукарекать, а собаки лаять, Мухаммед окажется пробужденным ото сна Гавриилом. Этот ангел нередко будет являться ему в облике человека. Но в тот раз Гавриил покажется Мухаммеду таким, каким его создал Аллах: с семью сотнями своих сверкающих крыльев, между каждым из которых такое большое расстояние, что самый быстрый жеребец едва сможет проскакать его и за пять сотен лет.

И он ответит Мухаммеда на то место, где уже будет ожидать его Борак, волшебный конь, тот самый, верхом на котором Авраам совершал свои паломнические поездки из Сирии в Мекку.

У этого коня тоже будет пара крыльев, как у орла, ноги у него, как у верблюда-дромадера; тело из брильянтов, сверкающее, подобно солнцу, а голова как у самой прекраснейшей из девиц.

Вот на этом волшебном жеребце, на лбу которого выклеены слова «Нет Господа, кроме Аллаха, и Мухаммед — Его посланник», Мухаммед и будет доставлен сначала в Медину, затем на Синай, потом в Вифлеем и в Иерусалим, для того, чтобы он мог совершить молитву на Святой Земле. Из Иерусалима он взойдет ввысь по золотой лестнице, ступени которой инкрустированы чистейшими

¹ Последующая история, которую собирается передать своим слушателям Самуил, описывает «ночное путешествие» Мухаммеда. Сам Мухаммед рассказал ее своим последователям на двенадцатом году своего служения. Несмотря на то, что его соплеменники арабы были склонны верить всему сверхъестественному, даже их способность принимать вещи на веру в этом случае не сработала. От полной неудачи Мухаммеда спасло лишь решительное вмешательство на его стороне Абу Бекра. — Э.Т.

рубинами, изумрудами и сапфирами, прямо на седьмое небо, где он будет посвящен во все тайны творения, а также управления вселенной. {175}

Ему дано будет узреть всех благочестивых людей во всем их блаженстве в раю, равно как и грешников, мучающихся от всевозможных пыток в аду. Многие из них будут рычать там подобно в конец оголодавшим хищным зверям, рыщущим по опустевшим полям. Это те, что наслаждались в жизни нынешней всеми благами, ниспосланными им Аллахом, но так и не озаботились хоть чем-нибудь поделиться с бедными.

Иные будут метаться туда и сюда, держа свежее мясо в одной руке и изъязвленную плоть в другой: как только они попытаются вложить себе в рот мясо, на их руки посыплются удары раскаленных жезлов, и не прекратятся до тех пор, пока они не проглотят кусочек сгнившего или протухшего. Таково наказание для тех, кто презрел свой брачный обет и находил удовольствие в греховном разврате.

Тела некоторых из грешников ужасно раздуты, и они продолжают увеличиваться в размерах. Это те, кто нажил свои богатства благодаря ростовщичеству, и чья жадность поистине ненасытна.

У некоторых языки и губы захвачены в железные клещи, которые время от времени сжимаются: таково наказание за их клевету и подстрекательство к бунту. Как много зла на земле происходит из-за речей людей подобного рода!

На середине пути между раем и адом восседает Адам, прародитель человеческой расы: он радостно улыбается каждый раз, когда двери рая распахиваются, и раздаются восторженные крики попавших туда блаженных; но начинает плакать, когда раскрываются врата ада и стенания проклятых достигают его слуха. {176}

В ту ночь Мухаммед увидит помимо Гавриила и прочих ангелов, у многих из которых по семидесяти тысяч голов, а на каждой из голов по семидесяти тысяч лиц. На каждом из лиц по семидесяти тысяч ртов, и в каждом из этих уст по семидесяти тысяч языков. И каждый из этих языков славит Аллаха на семидесяти тысячах языков. Также ему суждено будет увидеть ангела примирения, одна половина которого состоит из огня, а другая половина из льда; и ангела с хмурым видом и пламенным взглядом, следящего за огненными сокровищами; и ангела смерти, держащего в руке громадную скрижаль, испещренную именами людей, из числа которых он каждую секунду стирает по нескольку сотен человек; и ангела, который управляет потопами, измеряя точнейшими весами количество воды, отведенное любой из рек и любому из источников; и, наконец, того ангела, что держит на своих плечах трон Аллаха, во рту у него огромная труба, чей зов однажды пробудит спящих во гробах и поднимет мертвых из их могил.

Ну и в итоге Мухаммед будет проведен через целый океан света в то место, что приближено к самому Святому трону. Трон же этот так обширен, что вся остальная вселенная кажется по сравнению с ним кусочком ржавчины, отлетевшим от щита, в бескрайней пустыне».

— То, что будет там открыто Мухаммеду, — продолжал Самуил, — мне пока не известно; но вот что я знаю точно: ему дано будет узреть славу

Аллаха с дистанции в один выстрел из лука. Затем он сойдет обратно на землю по лестнице и возвратится верхом на Бораке обратно в Мекку — так же быстро, как и уезжал из нее. {177}

Для того чтобы совершить такое длинное путешествие, включая время его пребывания в Медине, Вифлееме, Иерусалиме и на небесах, для Мухаммеда потребуется так мало времени, что сосуд с водою, который он опрокинет, вставая в ту ночь со своей постели, не успеет полностью опорожниться до его возвращения!

Все собравшиеся израильтяне внимательно слушали Самуила, а когда он закончил свой рассказ, они воскликнули в один голос: «Мы уверуем в Аллаха, и в Его пророков, которым надлежит прийти; только помолись, чтобы Он избавил нас от тирании этого Голиафа!»

Самуил стал молиться. Он держал молитву и постился до того времени, пока Аллах не послал Своего ангела, который приказал Самуилу выйти из города и первого же встречного, который ему попадется на дороге, объявить царем над всем Израилем. Во время правления этого человека израильтяне вновь обретут независимость от чужеземного рабства.

Самуил поступил, как было ему велено, и встретил Талута (Саула), сына Бишра, сына Ахнуна, сына Вениамина. Он оказался землешцем весьма высокого роста и внушительного вида. Впрочем, более он ничем особым не выделялся, хотя Аллах и вложил ему в сердце немало премудрости.

Саул, как оказалось, отправился на поиски своей телки, которая вырвалась из его плуга и убежала на свободу. Самуил помог ему найти его телку, а затем пригласил Саула к себе домой, где помазал его маслом и представил {178} вождям Израиля в качестве их нового царя и избавителя, определенного для этой цели Богом.

Однако те отказались признать своим царем какого-то простого крестьянина, который к тому времени не отличился никакой особой премудростью. И потому они потребовали от него сотворить какое-нибудь чудо.

— Аллах, — заявил Самуил, — во знамение того, что Он подтверждает избрание этого человека царем, дарует вам обратно ковчег Завета!

В тот же самый день на филистимлян напала крайне болезненная и неприятная форма проказы, происхождение которой не мог распознать ни один из их знахарей. Ни один из них не был в состоянии справиться с этой болезнью. Но поскольку эта проказа больше всего распространялась именно в том городе, где на тот момент оказывался ковчег Завета — а филистимляне носили его с триумфом из города в город — никто из них не захотел задерживать трофей у себя. Вскоре дело кончилось тем, что филистимляне просто бросили повозку с ковчегом стоять посреди чистого поля.

Тогда Аллах отдал распоряжение двум невидимым ангелам прикатить повозку в самую середину стана израильтян, которые после такого знаменья уже не колебались и присягнули Саулу на верность как своему царю.

Как только Саул был возведен на трон царя Израиля, он собрал всех боеспособных мужчин и после проведенного смотра выступил в поход против филистимлян во главе семидесятитысячного войска.

Во время этого похода им пришлось идти через пустыню. Как-то раз, из-за недостатка воды, израильтяне стали роптать против Самуила {179} и Саула. Самуил, который шествовал позади повозки с ковчегом Завета, помолился Господу, и вот! прямо из скалистого грунта в пустыне забил источник воды, освежающей, как снег, сладкой, как мед, и белой, как молоко! Но когда воины, толкая друг друга, бросились к чудесному роднику, Самуил закричал: «Эй, постойте! Вы тяжко согрешили против вашего царя и против вашего Бога, не сдержав свое недовольство и бунтарский дух. Берегитесь прикасаться к этой воде: теперь только воздержание может искупить ваши грехи!»

Увы, никто не обратил внимания на слова Самуила. Лишь триста тринадцать мужей — ровно столько, сколько примут участие в первой битве мусульман против неверных — смогли умерить свой аппетит, просто слегка освежившись. Все остальное войско не устояло перед искушением и стало пить воду жадными глотками, черпая ее прямо из источника.

Когда Талут увидел эту картину, он распустил всю свою армию и, положившись на помощь Аллаха, продолжил свой поход на врага лишь с той горсточкой людей, что смогли преодолеть свою жажду.

В числе воинов этого небольшого отряда оказались шестеро сыновей благочестивого человека, чье имя было Иса. Давуд (Давид), его седьмой сын, оставался в тот раз дома, чтобы ухаживать за своим престарелым отцом.

Однако, поскольку между Израилем и филистимлянами никак не начиналось решающее сражение (никто из израильтян не хотел принимать вызов на бой с самим Голиафом, с поединка с которым и должна была начаться эта битва), Иса отрядил в лагерь израильских {180} войск и своего седьмого сына. Частично для того, чтобы передать свежие припасы для своих братьев, а частично затем, чтобы удовлетворить свое любопытство: разузнать новости и потешить отца рассказом о том, как идут дела у его детей в действующей армии.

Приближаясь к лагерю израильского войска, Давид услышал голос. Это обращался к нему камень-голыш, лежавший посреди дороги. «Подними меня, ибо я — один из тех камней, которыми пророк Авраам прогнал сатану со своего пути, когда тот попытался пошатнуть его решимость принести в жертву своего сына, дабы исполнить повеление Аллаха, данное Аврааму в видении!»

Давид положил камень, вся поверхность которого была испещрена священными именами, в свою сумку, которая являлась для него неотъемлемой частью его верхнего одеяния, ибо он был одет как простой странник, а не как воин.

Не успел он пройти еще нескольких шагов, как вновь услышал голос камешка, обращавшегося к нему. Еще один голыш просил: «Возьми меня с собою, ибо я — тот самый камень, который выбил своей ногою из земли ангел Гавриил, когда он заставил забить источник в пустыне для спасения Измаила!»

Давид прихватил с собою и этот камешек, и, положив его рядом с первым, продолжил свой путь. Но вскоре он услышал голос третьего камня, просивший его: «Подними и меня, потому что я — тот самый камень, которым Иаков отбивался от ангелов, посланных против него его братом Исавом!»

И этот камень взял с собой Давид, подобно первым двум, и продолжал свой путь. Больше с ним ничего примечательного по дороге не случилось, и он дошел {181} до лагеря израильтян, где встретился со своими братьями. С его появлением в стане воинов Израиля раздался голос глашатая: «Тот, кто сумеет одолеть великана Голиафа и предать его смерти, станет зятем Саула и унаследует впоследствии его трон!»

Давид попытался уговорить своих братьев попытать счастья в схватке с Голиафом, не для того, чтобы стать царскими зятьями и наследниками, но лишь затем, чтобы смыть пятно позора, лежавшее на их народе.

Но, увы, смелость и решительность оставили его братьев, и ему самому пришлось пойти к Саулу. Давид заявил, что готов принять вызов бойца-великана. У царя не было никаких оснований рассчитывать, что юноша в столь нежном возрасте, как Давид, сумеет одолеть богатыря, подобного Голиафу. Однако он разрешил ему выйти на бой, поскольку рассчитывал, что даже в том случае, если Давиду суждено погибнуть, его пример сможет воодушевить других воинов последовать героическому примеру этого молодого израильтянина.

И вот, на следующее утро, когда Голиаф по своему обыкновению стал провоцировать своими кичливыми речами воинов Израиля на поединок, на поле пред ним выступил юный Давид, в своем наряде путника с простой сумою, в которой лежали три камешка. При виде столь юного соперника Голиаф громко расхохотался и закричал Давиду: «Уж лучше тебе убраться домой, играть в игрушки со своими сверстниками! Как же ты будешь сражаться со мною; я вижу, у тебя и оружия-то нет никакого?! Ха-ха-ха!»

Но Давид отвечал ему: «Ты для меня — что пес, которого любой прогонит камнем!» {182} И, прежде чем Голиаф успел вытащить свой тяжелый меч из ножен, паренек выхватил три камешка из своей сумки. Первым камнем Давид насквозь пробил Голиафа, и тот рухнул на землю, как подкошенный. Вторым камнем было обращено в бегство все правое крыло филистимлян, а третьим — и левое.

Однако Саул сильно возревновал к Давиду, которого весь Израиль отныне прославлял, как своего величайшего героя-избавителя, и отказался выдать за него свою дочь, пока тот не принесет ему головы целой сотни великанов в качестве выкупа за невесту. И чем больше становились достижения Давида, тем сильнее возрастала ненависть к нему Саула. Дошло до того, что он начал думать, как бы ему погубить Давида путем предательства. Но Давид разбивал все его коварные планы; хотя сам отказывался от мести царю — и злость Саула становилась все больше и больше из-за столь чрезвычайного великодушия молодого героя.

И вот как-то раз Саул пришел к своей дочери в отсутствие Давида стал угрожать ей смертью, если она не пообещает доставить к нему своего мужа той же

ночью. Для пущей уверенности, Саул заставил дочку подкрепить свое обещание самыми страшными клятвами. Когда Давид вернулся к себе домой, он нашел свою жену в большой тревоге. Женщина с самого порога рассказала ему обо всем, что произошло между нею и ее отцом. Давид поспешил успокоить свою верную жену, сказав ей: «Не нарушай данного тобою обещания, но напротив, отвори все двери твоему отцу, лишь только я засну. Аллах силен защитить меня даже тогда, когда я сплю: Он сделает так, что меч Саула {183} не причинит мне никакого вреда; точно так же, как оружие Авраама оказалось бессильно против Измаила, который покорно подставил свою шею под нож!»

Затем хитрый Давид пошел в свою кузницу и изготовил особую кольчугу, которая покрывала все его тело от шеи до самых стоп. Хотя эта чудесная кольчуга и была тонка, как волос, но, прилипая к телу Давида подобно шелку, она была способна отразить удар любого оружия. Дело в том, что Давид, в качестве особого благословения от Аллаха, обладал магическим искусством переплавлять железо без помощи огня. Он мог также мять железо словно воск, придавая ему любую, потребную ему, форму — безо всяких инструментов, просто своими руками.

Это ему мы обязаны изобретением кольчуги, брони из металлических колец; а до Давида доспехи воинов состояли из простых железных пластин.

Давидом полностью овладела безмятежная дремота, когда Саул, ведомый своей дочерью, вошел в его покои. И лишь когда тесть Давида стал наносить страшные удары по непробиваемой кольчуге, попытавшись даже пилить ее, используя свой меч подобно пиле, наш герой пробудился ото сна. Страхнув с себя остатки сна, Давид вскочил на ноги, вырвал меч из руки Саула и разбил его на кусочки, как будто это была зачерствевшая корка хлеба.

После этого происшествия, однако, Давид посчитал неразумным оставаться жить рядом со своим тестем дальше. Он удалился в горы, прихватив с собою лишь нескольких из своих друзей и приверженцев. Саул использовал это бегство в качестве повода к тому, чтобы возбудить в народе подозрения насчет Давида, и, {184} в конце концов, обвинив его в измене, выступил против него во главе отряда в тысячу воинов. Но Давид находился в столь прекрасных отношениях с жителями горной страны и вдобавок так хорошо знал все места, где можно было укрыться от погони, что его преследование оказалось для Саула поистине неразрешимой задачей.

Однажды ночью, когда Саул крепко спал, Давид вышел из пещеры, находившейся по соседству с тем местом, где царский отряд разбил свой лагерь на ночлег, и прокрался в стан своих преследователей. Сняв с пальца спящего Саула перстень с печатью, Давид прихватил с собою и его оружие, и даже боевое знамя, лежавшее поодаль. Затем он скрылся, пройдя через сквозную пещеру, и вышел через противоположный вход. На следующее утро преследователи увидели Давида стоящим на гребне горы — прямо напротив лагеря израильтян. Он был подпоясан мечом Саула и размахивал вверх и вниз его флагом. Вдобавок ко всему, Давид протянул в их сторону перст, на котором сверкало хорошо знакомое всем царское кольцо.

Саул, который никак не мог взять в толк, каким это образом похитителю его регалий удалось пробраться в самое сердце столь хорошо охраняемого лагеря, узнал Давида и все свои пропавшие ночью вещи. Очередное доказательство проворства Давида наравне с его великодушием смогло одолеть, наконец, царскую зависть и неприязнь к его зятю. Смущенный Саул отрядил к Давиду гонца с особым посланием, и тот от царского имени просил у молодого героя прощения за все причиненные ему неприятности. Итак, Саул приглашал Давида возвратиться к себе домой.

Давид крайне обрадовался своему примирению с тестем, и они вновь стали жить добрыми соседями в полном {185} мире и гармонии, пока Саула не настигла смерть во время его катастрофически закончившегося похода на филистимлян.

После гибели Саула Давид был единогласно избран царем над Израилем, и с помощью Аллаха ему вскоре удалось вновь покорить филистимлян и весьма значительно расширить пределы своего царства.

Однако Давид являлся не только храбрым воителем и мудрым царем, он был к тому же и великим пророком. Аллах открыл ему семьдесят священных псалмов и наделил его таким голосом, каким не обладал до него ни один из смертных. Ни по высоте, ни по глубине, ни по силе, ни по мелодичности, никогда голос его не был превзойден голосом другого человека. Давид мог подражать небесному грому и львиному рыку, равно как и нежному голосу выводящего свои трели соловья. И все то время, пока был жив Давид, в Израиле не было вообще ни одного другого музыканта или певца: ведь любой человек, хоть однажды слышавший голос Давида, не стал бы слушать ничье другое исполнение. Каждый третий день Давид выходил на молитву со всем обществом Израилевым и пел псалмы в молельне, специально для этого вырубленной в скале. В такие дни не только все люди собирались послушать непревзойденного певца, но даже дикие звери приходили и птицы слетались издалека, привлекаемые его потрясающим пением.

Случилось однажды Давиду, когда он возвращался домой с молитвы, подслушать разговор двух своих подданных, споривших, кого из двух пророков следует считать наибольшим: Авраама, или же его самого. «Разве не Авраам, — вопрошал один человек, — был спасен из пылающего костра?» «А разве не Давид, {186} — парировал второй, — прикончил великана Джалута?» «Э-э-э, но какой же из славных подвигов Давида, — не сдавался первый, — может сравниться с готовностью Авраама принести в жертву своего собственного сына?»

Как только задетый за живое Давид вернулся домой, он распростерся ниц перед Аллахом и стал молиться: «Господи, Ты, Который удостоверил чистоту и покорность Авраама на жертвенном костре, даруй и мне подобную возможность, дабы я мог показать своему народу, что моя любовь к Тебе способна противостоять любому искушению!»

И молитва Давида была услышана. Когда, три дня спустя, он взошел на кафедру, то увидел птичку со столь прекрасным оперением, что она привлекла все его внимание. Взгляд Давида следовал за нею из угла в угол его молельни, а затем по деревьям и кустам, росшим поодаль. Он пропел на несколько псалмов меньше, чем делал это обычно; и несравненный голос начинал изменять ему, как только

чудесная птичка исчезала с его глаз. Но лишь только она вновь появлялась в наиболее торжественных местах молитвенного песнопения, голос Давида вновь обретал плавность и мягкость.

Как только окончилась служба, которая, к изумлению всех собравшихся завершилась на несколько часов раньше, чем обычно, Давид поспешил за волшебной пташкой, которая стала перелетать с дерева на дерево, покуда он не обнаружил себя, уже на закате дня, на берегу небольшого озера. Птичка скрылась в волнах этого озера, но Давид вскоре и думать о ней забыл; поскольку вместо нее его взору открылись чарующие формы женщины, чья {187} красота заставила царя остолбенеть, ослепив его, подобно ярчайшему полуденному солнцу. Он спросил имя красавицы: то была Саджа, дочь Иосии, жена Урии Ибн Хамана, одного из военачальников Давида. Давид удалился, и по возвращению домой повелел главнокомандующему израильской армией назначить Урию на самый опасный участок фронта, в передовой отряд своих войск. Приказ царя был исполнен, и вскоре Давиду с прискорбием доложили о том, что храбрый Урия пал в бою. Давиду не составило труда добиться руки его вдовы и жениться на ней после окончания положенного времени траура.

Но уже на следующий день после бракосочетания, согласно повелению Аллаха, перед Давидом предстали сразу два ангела, Гавриил и Михаил. Оба были в человеческом обличе. Гавриил сказал: «Человек, которого ты видишь ныне пред собою, является владельцем девятиста девяти овец; в то время как у меня всего лишь одна овечка. Несмотря на это, он преследует меня неотступно, домогаясь, чтобы я отдал эту одну-единственную ему!»

— Твое требование не имеет никаких оснований, — рассудил меж ними Давид, укоряя Михаила, — оно выдает в тебе человека неверующего, да к тому же и грубого нрава!

Но Гавриил прервал царя, говоря: «А вот один гораздо более благородный и благочестивый человек позволяет себе более несправедливые вещи, чем это!»

Тут Давид сообразил, что в словах пришельца содержится намек на его поведение по отношению к Урии; сердце его исполнилось гнева, и царь, выхватив свой меч,¹ накинулся {188} на Гавриила. Но тут Михаил громко и язвительно

¹ Священное Писание гласит, что Давид признал свой грех после обличения Нафана. Вся история настолько примечательна, что мы приводим ее, как есть, по 2-й Книге Царств, гл. xii, стихи 1-8, 13:

«И послал Господь Нафана к Давиду, и тот пришел к нему и сказал ему: в одном городе были два человека, один богатый, а другой бедный;

у богатого было очень много мелкого и крупного скота,

а у бедного ничего, кроме одной овечки, которую он купил маленькую и выкормил, и она выросла у него вместе с детьми его; от хлеба его она ела, и из его чаши пила, и на груди у него спала, и была для него, как дочь;

и пришел к богатому человеку странник, и тот пожалел взять из своих овец или волов, чтобы приготовить *обед* для странника, который пришел к нему, а взял овечку бедняка и приготовил ее для человека, который пришел к нему.

Сильно разгневался Давид на этого человека и сказал Нафану: жив Господь! достоин смерти человек, сделавший это;

расхохотался, и оба ангела взмыли на своих мощных крыльях над голову Давида. Михаил прокричал сверху: «Ты своими же устами произнес себе приговор, и свой же поступок назвал деянием дикаря-язычника; посему Всевышний перенесет на твоего сына часть той власти, которою Он первоначально намеревался наделить тебя! Твоя вина тем паче, что ты осмелился молиться {189} о том, дабы тебе быть введена во искушение, тогда как у тебя не имелось силы противостоять ему!»

После этих слов оба ангела исчезли прямо сквозь потолок; Давид же почувствовал всю тяжесть своего греха. Он сорвал корону со своей головы и царскую багряницу со своего тела, и бросился бежать через пустынные места, накинув на себя простую одежду из шерсти. Терзаемый из-за содеянного им греха, оказавшись беззащитным перед угрызениями своей совести, он зарыдал столь горькими слезами, что кожа начала слезать с его лица. При виде такого глубокого раскаяния ангелы на небесах не могли ему не посочувствовать, и слетелись к Аллаху, дабы упросить Его смириться над Давидом. Но прощение не было даровано, прежде чем Давид не провел три полных года в покаянии за свое прегрешение. По прошествии этого времени глас с небес объявил ему, что Многомилостивый и Всепрощающий Аллах раскрыл врата Своей милости. Умиrotворенный и подкрепленный этими словами сострадания, Давид вскоре восстановил свои физические силы, и к нему вернулся его прежний цветущий вид, так что по его возвращении в Палестину никто и не заметил каких-либо перемен, происшедших с царем Израиля.

Но за время долгого отсутствия вождя множество недовольных, любителей пошуметь и побуяннить, из тех, кого Давид обычно держал в жесткой узде, объединились вокруг его сына, Авессалома, и провозгласили его царем над Израилем. По этой причине Давиду пришлось вступить с ним в войну — ведь Авессалом отказался оставить трон в пользу своего отца. Впрочем, до решающего сражения дело так и не дошло: когда Давидов наследник уже собирался возглавить свое войско, Аллах повелел ангелу смерти забрать его душу. Этот ангел стащил парня с коня и повесил на дереве за {190} его длинные волосы, в назидание всем сыновьям, нежелающим слушаться своих отцов, чтобы не забывали о судьбе Авессалома, призванной служить им предупреждением. Авессалом так и остался висеть на древе, пока один из военачальников Давида, проезжая мимо, не прикончил его своим мечом. Ну а Давид, хотя и стал вновь глубоко почитаем и любим в своем народе, тем не менее, памятуя о том, какой казус сотворили с ним два Божьих ангела, более не рисковал кого-либо рассуживать. Он решил было назначить для этой цели специального кадия, который должен был от царского имени улаживать все спорные ситуации, которые могли возникнуть у его подданных, но тут к нему явился ангел Гавриил. Вручив Давиду железную

и за овечку он должен заплатить вчетверо, за то, что он сделал это, и за то, что не имел сострадания.

И сказал Нафан Давиду: ты — тот человек. Так говорит Господь Бог Израилев: “Я помазал тебя в царя над Израилем и Я избавил тебя от руки Саула,

и дал тебе дом господина твоего и жен господина твоего на лоно твое, и дал тебе дом Израилев и Иудин, и, если этого *для тебя* мало, прибавил бы тебе еще больше”;

...И сказал Давид Нафану: согрешил я пред Господом».

трубочку с колокольчиком, Гавриил сказал: «Аллаху благоугодно видеть твою робость, и потому Он посылает тебе сию трубку с колокольцем, благодаря которым тебе легко будет поддерживать порядок в Израиле. Пользуясь ими, ты никогда не произнесешь несправедливого приговора. Подвесь сию трубочку в своем зале правосудия, а колокольчик в самой его середине. Поставь обвиняющего по одну сторону от них, а обвиняемого по другую; и всегда выноси решение в пользу того, при чьем прикосновении к трубочке зазвонит колокольчик». Давиду очень понравился такой подарок: ведь благодаря этому дару тем людям, на чьей стороне была правда, обеспечивался полнейший триумф! В итоге, вскоре в Израиле уже никто не осмеливался покушаться на совершение какой-либо несправедливости, поскольку раскрытие злоупотреблений было абсолютно гарантировано использованием волшебного колокольчика.

Как бы то ни было, случилось однажды двум людям предстать перед тронем судии Израиля. Один из них утверждал, что отдал когда-то на хранение другому весьма ценную {191} жемчужину, а тот теперь отказывается возвращать ее. Ответчик, со своей стороны, всячески божился, что уже отдал жемчужину владельцу. Как и было заведено, Давид сначала выслушал их обоих и предложил им одному за другим прикоснуться к трубочке. Однако колокольчик не издал ни звука! Царь опешил: ведь теперь он не мог определить, кто же из двоих говорит правду; более того, он стал сомневаться в дальнейшей пригодности колокольчика. Ну, что тут делать?! Он стал раз за разом приказывать обоим мужчинам прикасаться к трубочке. В конце концов, Давид заметил, что каждый раз, когда ответчику предстояло пройти уже ставшее привычным испытание, он передавал истцу подержать свои вещи. Тогда Давид взял его скарб себе в руки и в очередной раз послал обоих коснуться трубочки. И тут раздался громкий звон колокольчика! Тогда царь повелел осмотреть вещи ответчика, и вот, в тайном углублении нашлась скрытая там жемчужина! Правда, после этого случая, из-за того, что Давид посмел усомниться в действенности волшебной трубочки, ниспосланной ему Аллахом, она была вновь взята на небо, и царь Давид с тех пор стал часто ошибаться в судебных решениях. Так продолжалось вплоть до того, как повзрослел Соломон, которого родила Давиду его жена Саджа, дочь Иосии. Вот этот Соломон и помогал весьма дельными советами отцу выносить приговоры. Давид полностью доверял своему мудрому сыну и полагался на его ум во всех наиболее сложных вопросах, поскольку в ночь его рождения он подслушал слова, вырвавшиеся у ангела Гавриила: «Ага! время правления сатаны подходит к своему концу, ибо сей ночью дитя родилось, коему Иблис со всеми своими приспешниками и ихними последователями вынужден будет покориться! {192} Земля, воздух и вода, со всеми существами, обитающими в мире сем, будут ему рабами: ему будет отведены девять десятых всей мудрости и знания, которыми Аллах наделил человечество. Он будет понимать не только языки людские, но и речь зверей и птиц».

Однажды — Соломону тогда едва исполнилось тринадцать лет — перед судом предстали двое мужчин. Перипетии этого дела завели всех присутствующих в полнейший тупик, не исключая даже самого царя Давида, хотя он был куда как искушен в судебных спорах. Да, тут и он оказался сбит с толку. Ответчик приобрел у истца в собственность какое-то недвижимое имущество, но, начав

разгребать старый хлам в подвале, наткнулся на скрытый там клад. Теперь истец требовал, чтобы ответчик отказался от своих прав на найденное сокровище — ведь тот купил недвижимость без учета находившегося там клада. Его противник возражал, что истец продал свою собственность со всем, что в ней содержалось, а сам он ничего заранее не знал и клялся, что о кладе даже не догадывался. После долгого колебания, царь Давид вынес решение, что сокровище следует разделить поровну между обеими сторонами. Но тут Соломон спросил истца, есть ли у него сын, а когда тот ответил, что да, у него есть сын, то спросил у ответчика, есть ли у него дочь. Услышав вновь утвердительный ответ, Соломон сказал: «Если вы умерите вашу вражду и не будете стремиться вершить несправедливость друг другу, то сочетайте ваших детей в браке, а найденное сокровище отдайте им в качестве приданого!» {193}

А вот какой еще был случай. Некий землепашец пришел в суд жаловаться на пастуха, который своим стадом потравил посевы зерновых на его поле. Давид приговорил ответчика отдать часть его стада земледельцу в качестве компенсации; однако Соломон не согласился с таким решением и сказал: «Пусть пастух отдает земледельцу все то полезное, что он имеет со своего стада — продукты его труда от выпаса овец — молоко, шерсть, а также их приплод, до тех пор, пока поле вновь не придет в то состояние, в каком оно находилось до потравы, когда на него пришла пастись скотина ответчика. И только тогда можно будет вернуть овец их владельцу».

Тем не менее, пришло время, когда Давид начал замечать, что судебные заседатели, над которыми он председательствовал, стали с явным неудовольствием воспринимать вмешательство Соломона в их дела, несмотря на то, что они вынуждены были признать тот неоспоримый факт, что рассуждения юноши всегда оказывались гораздо лучше, чем их собственные. Тогда царь потребовал от своих помощников по суду проэкзаменовать Соломона по всему законодательству Моисея перед лицом всех наиболее значительных и благородных людей его государства. «Надеюсь, вы убедитесь, — добавил он, — что мой сын в совершенстве знает закон и разбирается во всех его толкованиях детально, а потому, соответственно, никогда не принимает несправедливых решений. В таком случае, вы должны будете прекратить придирается к нему по причине его юности, даже несмотря на то, что его взгляды относительно применения закона зачастую отличаются и от моих, и ваших. Аллах наделяет мудростью того, кто Ему наиболее угоден».

Разумеется, законники были прекрасно осведомлены об эрудиции {194} Соломона; тем не менее, понадеявшись, что они смогут сбить его с толку при обсуждении всякого рода юридических тонкостей, и тем самым набьют себе цену в глазах царя и всей знати, они приняли предложение Давида. Были сделаны необходимые приготовления для публичного экзамена. Но ожиданиям царских помощников не суждено было оправдаться, поскольку не успевали они еще произнести свои вопросы, как юный Соломон уже давал на них исчерпывающие ответы. Дело кончилось тем, что все присутствующие совершенно уверились в мудрости Соломона. Люди даже стали подозревать, что вся затея была заранее спланирована Соломоном, и экзамен был проведен Давидом намеренно, для того,

чтобы представить своего сына в глазах публики достойным наследником на трон Израиля. Но Соломон эффектно развеял подобные слухи, когда, уже под самый конец экзамена, обратился к своим судьям: «Вы истожили себя, измышляя всякие тонкости, в тщетной надежде представить себя умнее, чем я, пред этим почтенным собранием! Так позвольте мне теперь предложить вам несколько очень простых вопросов. Для их решения вовсе не требуется предварительно изучать какие-либо науки, все, что нужно, это немножко интеллекта и разума. Скажите мне, что такое “Всё”, и что такое “Ничто”? Кто такой “Некто”, и кто меньше, чем “Никто”?» Соломон подождал весьма продолжительное время и, поскольку судья, к которому были адресованы вопросы, так и не смог дать на них ответа, промолвил:

— Аллах, Создатель — это «Всё», а сей мир, Его творение — «Ничто». Верующий, это «Некто», а лицемер — меньше, чем {195} «Никто».

Обернувшись к следующему из судей, Соломон спросил: «Кого больше всего на свете, а кого меньше всего? Что самое сладкое, а что самое горькое?» Второй судья также не нашелся, что сказать. Видя, что у того нет достойного ответа, Соломон ответил:

— Наиболее многочисленны сомневающиеся, а тех, кто располагает совершенной уверенностью в вере, меньше всего на свете. Самое сладкое в жизни — обладать добродетельной женою, прекрасными детьми, пользоваться уважением и иметь во всем достаток. Но порочная жена, непослушные дети и нищета — горше всего на свете.

Наконец, Соломон обратился к третьему из своих экзаменаторов. Он спросил его: «Что на свете самое гнусное, а что — самое прекрасное? В чем можно быть точно уверенным, и в чем меньше всего?» Но и на эти вопросы не последовало никакого ответа. Сделав долгую паузу, Соломон объяснил:

— Самое гнусное — это отступление правоверного от веры, а самое прекрасное — когда грешник кается. Точно уверенным можно быть только в смерти и в Страшном Суде, а меньше всего уверенности — в жизни и в судьбе человеческой души после воскресения.

«Вы поняли теперь, — продолжал Соломон, — что вовсе не самые старшие и не самые ученые оказываются наиболее мудрыми. Подлинная мудрость не исходит от прожитых лет и не является плодом изученных книг, но дается единственно от Аллаха, Всезнающего!»

Слова юного Соломона произвели сильнейшее впечатление на всех присутствовавших, и все израильтяне воскликнули в один голос: {196} «Да будет благословен Господь, Который даровал нашему царю такого сына, мудростью своею превосходящего всех людей своего времени, и который абсолютно достоин в будущем воссесть на троне своего отца!»

И сам царь Давид подобным же образом возблагодарил Аллаха за ту милость, которую Он явил ему в Соломоне. Отныне Давид желал лишь одного: прежде чем умереть, он жаждал встретиться со своим будущим сотоварищем по раю.

— Твоя просьба удовлетворена! — отвечал ему голос с неба, — Но ты должен отправиться на его поиски в одиночку. Для того чтобы найти своего будущего сотоварища, тебе надлежит отречься от всего привычного мирского великолепия и уйти скитаться по свету подобно нищему паломнику.

На следующий же день царь Давид назначил Соломона своим преемником и заместителем на время отсутствия, а сам снял с себя царские одеяния и обрядился в простую одежду из грубой шерсти. Надел Давид дорожные сандалии, взял в руки свой посох и покинул царский дворец. Так он и ходил из города в город, от селения к селению, расспрашивая местных жителей, кто среди них наиболее набожен, кого отличает особенное благочестие. Все эти люди с охотой с ним знакомились; но проходила неделя за неделей, а царь Давид так и не мог отыскать такого человека, которого он посчитал бы для себя действительно желанным спутником на всю грядущую жизнь.

И вот, однажды, добравшись до селения на берегу Средиземного моря, он увидел, что в это же самое время в то же место подошел бедно одетый пожилой человек, который тащил на своей голове тяжеленную связку хвороста. При виде этого убеленного сединами старца Давид проникся {197} к нему таким уважением и интересом, что решил последовать за ним, дабы разузнать, где тот живет. Но старик ни в один из домов заходить не стал, а просто продал принесенный им хворост торговцу, стоявшему на пороге своей лавки. После этого он отдал нищему, просившему милостыни, половину от тех скудных денег, что выручил от продажи хвороста, а на остаток купил себе небольшую лепешку. Но и от этой лепешки он отщипнул порядочный кусок и протянул его слепой женщине, которая жила лишь подаяннем правоверных, а затем вернулся назад на ту тропинку, ведущую в горы, с которых он спустился. «А ведь такой человек, — подумал Давид, — мог бы стать мне прекрасным сотоварищем для жизни в раю; ибо его почтенный вид, его поступки, которым я только что стал свидетелем, свидетельствуют о редкостной набожности. Безусловно, мне следует найти способ познакомиться с ним поближе!» И царь Давид стал следовать за стариком на некотором расстоянии. Спустя несколько часов ходьбы по крутым горам, перебравшись через пару-тройку глубоких ущелий, пожилой человек подошел, наконец, к пещере. Сквозь трещину в скале внутрь грота проникал небесный свет. Давид остался наблюдать снаружи, у входа в пещеру. Он слышал, как истово молится отшельник. Затем тот начал читать псалмы и Закон Моисея. Так продолжалось до захода солнца. Тут старик зажег лампу и стал читать вечернюю молитву. Он вынул из своей сумы кусок той лепешки, что купил сегодня днем за собранный хворост, и съел примерно половину оставшегося хлеба.

Давид, который до сей поры не отваживался потревожить {198} старца в его благочестивом уединении, вступил, наконец, в пещеру и поприветствовал пожилого человека.

— Кто ты? — спросил отшельник, после того, как вежливо ответил на его приветствие, — Ведь помимо богобоязненного Мата Ибн Йуханна, будущего сотоварища царя Давида в раю, я никого другого из людей не встречал в этих местах!

Давид назвал свое имя и стал упрашивать старца рассказать ему подробнее об этом Мата.

Но отшельник покачал головою: «Мне самому не дозволено открыть тебе место его обитания; однако если ты внимательно исследуешь эту скалу, оно не сможет ускользнуть от твоего внимания».

Давид облазил всю скалу сверху донизу, но так и не обнаружил никаких следов таинственного Мата. Лишь время понапрасну потратил. Он уже собирался вернуться обратно в пещеру к отшельнику, посчитав, что сможет разузнать у него более точные сведения, когда, на самой высокой точке скалы, в самой середине нагроможденных там камней, он заметил кусок земли, довольно мокрой и мягкой на вид. «Э-э-э, — подумал он, — неспроста здесь, на самой вершине горы, находится такая влажная почва. Ведь очевидно, что здесь поблизости нет никакого источника!» Пока он так стоял, погруженный в размышления, что могло послужить причиной возникновения столь странного феномена, с другой стороны горы подошел мужчина, более похожий на ангела, чем на человеческое существо. Его взор был обращен в землю, и потому он не заметил Давида. Подойдя к мокрому месту, он остановился {199} и стал молиться с таким рвением, что из его глаз полились целые потоки горючих слез. Тут Давид догадался, отчего это земля на вершине горы стала такой влажной, и подумал: «Ну, человек, который поклоняется своему Богу таким образом, уж точно может быть мне хорошим сотоварищем!» Но он не решился обратиться к этому человеку, пока не услышал, как тот во время молитвы в черед других вещей просит у Господа: «Мой Боже, отпусти грех царя Давида и сохрани его от дальнейших прегрешений! Будь милостив к нему, ради меня, поелику Ты избрал меня быть ему сотоварищем в раю!»

Ну, тут уж Давид напрямиком направился к этому мужчине, но не успел он к нему подойти, как тот пал на землю бездыханным.

Тогда Давид выкопал своим посохом яму в умягченной земле, омыл найденного сотоварища водою, что оставалась в его сосуде, и похоронил его. Он произнес над могилою заупокойную молитву. Затем ему ничего не оставалось, как возвратиться в столицу своего государства. Но только он вошел в свой гарем, как увидел там ожидающего его ангела смерти. Тот приветствовал Давида словами: «Аллах даровал тебе ответ на твою просьбу, но теперь подошел конец твоей земной жизни».

— Да свершится воля Божия! — успел ответить Давид и рухнул наземь мертвым.

А Соломону для утешения был послан ангел Гавриил. Он принес ему небесное одеяние, в которое тот завернул своего почившего отца. И весь Израиль последовал за телом покойного, которое было похоронено в той самой пещере, где были зарыты останки Авраама.

{200}

СОЛОМОН И ЦАРИЦА САВСКАЯ.

ПОСЛЕ того, как Соломон отдал последние почести своему умершему отцу, он решил немного отдохнуть, и остановился в долине между Хевроном и Иерусалимом. Внезапно он лишился чувств. Когда же Соломон пришел в себя, то увидел восемь чудесных ангелов. У каждого из них были громадного размера крылья: причудливой формы, и вдобавок переливающиеся всеми цветами радуги. Все восьмеро трижды поклонились Соломону. «Кто вы такие? — спросил Соломон, хотя глаза его еще оставались полузакрытыми. Те отвечали: «Мы — ангелы, поставленные управлять восемью ветрами. Аллах, наш и твой Создатель, послал нас принести тебе присягу и подчинить тебе всю силу, которая нам дана. Те восемь ветров, над которыми мы поставлены, отныне повинуются тебе. Эти ветра, как ты только пожелаешь, будут штормовыми, или, напротив, очень нежными, и дуть они будут согласно с твоими мыслями — с той стороны света, к которой будет повернута твоя спина. По твоему повелению они будут подниматься от земли, чтобы носить тебя по воздуху. Они будут поднимать тебя выше самых высоких гор». Затем самый громадный изо всех восьми ангелов протянул Соломону бриллиант, по поверхности которого вилась надпись: «Аллаху принадлежит величие и могущество». Ангел сказал Соломону: «Если у тебя появится какая-либо нужда в нас, лишь подними этот камень к небу, и мы тотчас явимся для того, чтобы служить тебе». Как только эти восемь ангелов оставили его, тут же появились четверо других, отличавшихся друг от друга и формой, и именами. Один из них своим видом напоминал колоссального кита; другой — орла; третий — льва; а четвертый был похож на змею. «Мы являемся властелинами всех живых существ, обитающих на суше и в воде, — сказали они, глубоко поклонившись Соломону, — «и пришли к тебе по повелению нашего Господа, дабы принести тебе присягу на верность. Ты можешь распоряжаться нами, как тебе угодно. Мы обеспечим для тебя и для твоих друзей все те благие вещи, которыми Создатель нас наделил, однако не в твоей власти использовать то пагубное, что нам подчинено, против твоих врагов». Тот ангел, который представлял царство птиц, дал Соломону драгоценный камень с надписью: «Все сотворенные вещи славят Господа», и сказал: «Благодаря уникальным способностям этого камня, ты можешь вызвать нас на помощь в любой момент, лишь подними его к небу. Мы сразу явимся и будем всецело в твоей власти».

Соломон немедленно так и сделал. Он приказал им принести ему по паре каждого рода существ, что живут в виде, на суше и в воздухе, и представить их ему. Ангелы умчались со скоростью молнии, и в мгновение ока они уже стояли пред Соломоном, а вокруг все было заполнено всякими живыми существами, каких только можно было себе вообразить. Все от огромного слона до самого маленького червячка были собраны тут. Соломон заставил все существа описать ему в деталях весь характер их жизни; он выслушал все их жалобы и упразднил многое из того, на что они обижались. Но больше всего времени он затратил на беседу с птицами, {202} как из-за их нежного языка, которым он владел так же прекрасно, как и своим родным, так и по причине тех прекрасных пословиц и

присловий, что были в ходу у птиц. В песне павлина, переведенной на человеческий язык, говорилось: «По тому, как сам ты судишь, и тебя будут судить». Песня соловья означала: «Быть довольным — самое большое счастье». Дикий голубь распевал: «Лучше было б для многих созданий никогда не родиться на свет!» Удод вытягивал: «Тому, кто не оказывает милости, самому не будет милости». Птица сирдак пела: «Обратитесь к Аллаху, о, вы, грешники!» Ласточка высвистывала: «Твори добро, и будешь вознагражден впоследствии!» Пеликан ревел: «Благословен Аллах, в небесах и на земле!» Голубка нежно ворковала: «Все вещи преходящи, один лишь Аллах вечен». Птица ката поучала: «Тому, кто умеет хранить молчание, не будет в жизни никакого вреда!» Орел предупреждал: «Пусть жизнь наша будет как можно более долгой, конец ей все равно один — смерть!» Ворон же каркал: «Чем дальше от людей, тем приятнее!» И петух кукарекал: «Эй, вы, люди без ума, помните вашего Творца!»

Соломон избрал петуха и удода в качестве постоянных представителей при себе от царства птиц. Первого, благодаря его назидательному кукареканью, а второго за чудесную способность, которой обладали его глаза. Удод мог проникать своим взором землю, как будто она была прозрачной. За счет этого дара он мог во время царских путешествий точно указывать места, где под землей скрывались источники воды. В результате, {203} у Соломона никогда не было недостатка в воде, ни для утоления своей жажды, ни для выполнения предписанных гигиенических процедур перед молитвой. Потрепав по головам двух голубей, Соломон повелел им избрать для вывода своего потомства и для дальнейшего жилья храм, который он собирался возвести. (В последующие несколько лет, благодаря чудодейственному прикосновению Соломона, эта пара голубей так сильно расплодилась, что тень от голубиных крыл покрывала весь город до самых его отдаленных кварталов, защищая приходивших в его храм от лучей палящего солнца).

Когда Соломон вновь остался один, ему предстал еще один ангел, чья верхняя часть выглядела подобно земле, а нижняя была похожей на воду. Поклонившись глубоко, до самой земли, этот ангел сказал: «Я сотворен Аллахом, чтобы засвидетельствовать Его волю и суше, и водам; но Он послал меня служить тебе, и потому ты можешь распоряжаться мною, а через меня — сушей и морями. По твоей воле высочайшие горы могут исчезать, а другие, наоборот, вырастать из земли. Реки и моря могут пересыхать по твоему желанию, а плодоносные земли обращаться в моря и океаны». Прежде чем исчезнуть, он оставил Соломону драгоценный камень с надписью, «Небеса и земля — слуги Аллаха».

И, наконец, еще один ангел принес Соломону четвертый камень, надпись на котором гласила: «Нет бога, кроме БОГА, и Мухаммед — Его посланник». «Посредством этого камня, — объяснил ангел, — ты {204} обретешь власть над царством духов, а царство это гораздо больше, чем нынешнее царство живых людей и зверей. Царство духов заполняет собою все пространство между небом и землей. Часть из этих духов, — продолжал ангел, — верит в Единого Бога и молится только ему; но остальные являются неверующими. Некоторые из них предпочитают огонь; другие поклоняются разным звездам; а многие служат даже воде. Верующие в Единого Создателя духи постоянно вьются вокруг

благочестивых людей, чтобы охранять их от всякого рода зла и греха; но духи второго рода стараются использовать любую возможность, чтобы мучить и смущать правоверных. Это им довольно легко удается, ведь они невидимы, а кроме того могут принимать вид кого или чего угодно, по своему желанию». Соломону захотелось увидеть этих джиннов в их изначальном виде. Тогда ангел устремился сквозь воздух, подобно столбу пламени, и не успел Соломон глазом моргнуть, как тот возвратился с целым сонмом демонов и джиннов. Их кошмарный вид произвел на царя настолько сильное впечатление, что он не смог удержаться от внутреннего содрогания, невзирая на то, что ему была дана власть над этими созданиями. Ведь Соломон прежде и подумать не мог, что на свете существуют столь уродливые и ужасающие по виду твари! Теперь его взору предстали человеческие головы на лошадиных шеях, вдобавок ко всему еще и с ослиными ногами; орлиные крылья на горбах верблюдов-дромадеров; да рога газелей на головах павлинов. Совершенно ошеломленный таким потрясающим зрелищем, Соломон стал умолять ангела разъяснить ему, откуда взялось такое уродство — ведь Джан, от которого произошли все джинны, имел самую обычную форму. «Это все, — объяснил ангел, — последствия их грешного поведения {205} при жизни, равно как и их непристойных половых сношений с людьми, зверями и птицами. Их похоть не знает границ, и чем более они размножаются, тем в большей степени вырождаются».

Когда Соломон возвратился домой, то сразу приказал изготовить перстень-печатку со всеми четырьмя драгоценными камнями, что поднесли ему ангелы. Таким образом, он оказался в состоянии в любой момент отдавать повеления, как духам, так и животным, равно как ветру и воде. Прежде всего, он позаботился о том, чтобы подчинить себе демонов и джиннов. По его приказу перед ним предстали все эти создания, за исключением могучего Сахра, которому удалось укрыться на каком-то никому не известном острове в океане, да еще Иблиса, повелителя всех злых духов. Ведь Иблису Бог пообещал оставить полную свободу вплоть до наступления дня Страшного Суда. Когда все остальные духи собрались перед Соломоном, он поставил своим волшебным перстнем печать каждому из них на шею, пометив их как своих рабов. Джиннов мужского пола царь заставил возводить различные общественные здания; в их числе оказался и храм, построенный по типу того, что находился в Мекке — Соломону довелось увидеть его во время одного из своих путешествий по Аравии. Джиннов женского пола Соломон обязал готовить, печь, стирать, шить, прясть, носить воду и выполнять всякого рода домашние работы. Продукты их труда Соломон распределял среди нуждающихся, а пищу, что они приготавливали, приказал раскладывать на два огромных стола размером в две квадратные лиги. На приготовление пищи ежедневно уходило до тридцати тысяч быков и столько же овец, не считая {206} огромного количества птицы и рыбы. Но царь Соломон ни в чем не испытывал нужды: ему ведь было достаточно воспользоваться своим перстнем, и даже удаленность океана не могла послужить ему препятствием. Все джинны и духи рассаживались за столы из железа, бедняки — за столы из дерева, народные вожди и старейшины, так же как и войско — за серебряные столы, ну а всякие ученые и особо отличившиеся своим благочестием люди — за столы из чистого золота. Никто не приступал к еде, ожидая появления самого Соломона.

И вот, однажды, когда все духи, люди, звери и птицы поднимались из-за своих столов, удовлетворенные только что вкусенною пищею, Соломон взмолился к Аллаху, чтобы Тот позволил ему накормить все создания, существующие на земле.

— Ты просишь невозможного, — отвечал ему Аллах, — но попробуй начать завтра с обитателей морей и океанов.

Тогда Соломон приказал своим джиннам нагрузить зерном сто тысяч верблюдов, да еще столько же мулов, и гнать их к морскому берегу. Он сам последовал за ними и громко закричал: «Плывите сюда, вы, жители морей, и я удовлетворю ваш голод!» Тут все виды рыбы показались на поверхности моря. Соломон стал бросать им зерно, пока они не наедались досыта и не погружались назад в морскую пучину. Внезапно над водной гладью поднялась голова кита, больше напоминавшая огромных размеров гору. Соломон приказал своим летающим духам носить киту зерно мешок за мешком и высыпать ему в глотку. {207} Но тварь продолжала просить и просить, пока у Соломона не осталось больше ни зернышка. Громадный кит замычал: «Накорми меня, Соломон, ибо я никогда так не мучился от голода, как сегодня!»

Опешивший Соломон догадался спросить у кита-гиганта: «А не осталось ли в море еще рыб, подобных тебе?»

— Остались лишь животные моего вида, — отвечал кит, — семьдесят тысяч родов, самый маленький из представителей которых настолько огромен, что ты по сравнению с его тушей покажешься песчинкою в пустыне!

При этих словах Соломон бросился на землю и начал рыдать, прося у Господа прощения за свою бессмысленную просьбу.

— Мое царство, отвечал ему Аллах, — все же больше твоего! Поднимись и зрирай на одно из тех созданий, повелевать которыми я не мог доверить человеку.

Тут в море начался сильнейший шторм! Впечатление было такое, как будто все восемь ветров пришли в движение одновременно. И вот, посредине бушующих волн явилось морское чудище, настолько огромное, что с легкостью могло бы проглотить семьдесят тысяч китов, подобных первому, которого Соломон так и не сумел накормить. Чудище загремело голосом, похожим на страшнейший раскат грома: «Славен будь Аллах, Который Один имеет власть избавить меня от голода!»

Когда Соломон воротился назад в Иерусалим, то услышал звук, производимый молотами джиннов, которые {208} были заняты на строительстве храма. Этот звук был так силен, что жители Иерусалима не слышали один другого при разговоре. Соломону пришлось приказать духам прекратить их работы. Собрав их к себе, он спросил, не знаком ли кто из джиннов с таким способом работы, при котором различные металлы не производили бы столь ужасного шума при соприкосновении. Тут один из духов выступил вперед и сказал царю: «Этот секрет известен только могущественному Сахру; но ему до сих пор удавалось уклоняться от твоей власти».

— А нельзя ли как-нибудь достать этого неуловимого Сахра? — поинтересовался Соломон.

— Сахр, — отвечал ему джинн, — сильнее всех нас вместе взятых, и в скорости превосходит нас настолько же, насколько и в силе. Впрочем, мне известно, что он привык раз в месяц напиваться из одного источника, находящегося в земле Хиджр. Как знать, может быть тебе, о, мудрейший из царей, и удастся подчинить его власти твоего скипетра!

Услышав это, царь Соломон перебросил большую группу своих быстрокрылых джинов на осушение источника в Хиджре. Перекрыв родник, они наполнили его резервуар одурманивающим зельем. Часть джинов Соломон направил патрулировать окрестности источника, чтобы не пропустить появление Сахра. Он повелел им, как только они завидят Сахра, немедленно доложить ему. Прошло несколько недель, и однажды, когда Соломон стоял на террасе своего дворца, он завидел джинна, летящего со стороны Хиджра. Джинн несся по воздуху быстрее, чем {209} ветер. Царь сразу же спросил его, нет ли новостей о Сахре.

— Сахр лежит на краю источника, опьянев от вина, — отвечал джинн, — а мы сковали его цепями, такими здоровыми, что колонны твоего дворца! Но стоит ему протрезветь от выпитого вина, как он порвет эти цепи, подобно волоску девственницы!

Не медля ни минуты, Соломон вскочил на крылатого джинна; и меньше чем через час они были уже у самого источника. Они успели как раз вовремя, ибо Сахр уже начал пробуждаться и приоткрыл свои глаза. Однако, поскольку руки и ноги его оставались скованными, Соломон смог без труда прикоснуться своим перстнем к его шее. Сахр испустил крик такого отчаяния, что вся земля содрогнулась; но Соломон сказал ему: «Не пугайся, о, могучий джинн! Я вновь дарую тебе свободу, лишь только ты укажешь мне средство, с помощью которого я смогу работать с самыми твердыми металлами, не издавая шума».

«Сам я не знаю такого средства, — покачал головою Сахр, — но самый лучший совет тебе даст мудрый ворон. Все, что тебе нужно, это забрать яйца из воронова гнезда и закрыть их хрустальной чашей. Тогда ты увидишь, каким образом мать-ворониха пробьется к снесенным ею яйцам».

Соломон последовал данному ему Сахром совету. Прилетевший ворон покружил над чашею, но, поняв, что не может добраться до своих яиц, улетел прочь. Спустя несколько часов ворониха {210} вернулась с камнем в своем клюве. Лишь только камень, который назывался «самур», прикоснулся к хрустальной чаше, как она раскололась на две половинки.

— Откуда же у тебя этот камень? — спросил Соломон птицу.

— С горы, что на далеком Западе, — отвечала ворониха.

Тогда Соломон приказал нескольким из своих джинов последовать за вороном к этой горе и принести с собою побольше подобных камней. Сахра же царь освободил, сдержав данное ему слово. Когда с могучего джинна сняли цепи, он закричал от счастья, но в ушах Соломона это радостный вопль прозвучал подобно язвительной насмешке. Как только посланные им джины вернулись с

камнями «самур», он приказал одному из них отнести себя домой в Иерусалим, где и разделил добытые камни между джиннами-строителями. Отныне его джинны могли продолжать свои работы, не производя ни малейшего шума.

В дальнейшем Соломон надумал возвести лично для себя дворец. Здание оказалось богато изукрашено золотом, серебром и драгоценными камнями — подобного по красоте дворца не имел ни один из царей, что правили на земле до Соломона. Во многих из его залов полы и потолок были сделаны из чистого хрусталя. Трон для Соломона был изготовлен из драгоценного сандалового дерева, покрыт золотом и изукрашен самыми дорогими из камней-самоцветов. А пока строился этот замечательный дворец, сам царь решил отправиться в путешествие в старинный город Дамаск, чьи окрестности упоминаются в древних летописях в числе одного из четырех мест, считавшихся подобными раю на земле. {211}

Джинн, на котором царь Соломон отправился в это путешествие, взял прямой курс в сторону Дамаска. По пути им пришлось пролетать над долиною гигантских муравьев, которую окружали столь высокие скалы и такие глубокие ущелья, что ни одной живой душе не доводилось побывать там до Соломона.

Царь Соломон пришел в величайшее изумление, завидев внизу под собою огромное скопление муравьев, каждый из которых был ростом с волка. Из-за своих больших серых глаз и сероватых ног сбившиеся в кучу муравьи на расстоянии выглядели подобно большой туче.

Однако, со своей стороны, и царица муравьев, никогда прежде не выдавшая представителей рода человеческого, пришла в не менее сильное недоумение, и закричала своим подданным: «Эй, скорее прячьтесь по своим щелям!»

Но Аллах успокоил ее: «Собери всех своих подданных и выкажи честь Соломону, которого Я поставил царем над всеми Моими созданиями!»

Соломон, до которого эти слова донесли послушные ему ветры, несмотря на то, что он находился на расстоянии в шесть лиг, спустился к царице муравьев. Не прошло и минуты, как вся долина оказалась покрыта муравьями — насколько только мог ее окинуть взор царя Соломона. Тут Соломон спросил царицу муравьев, занимавшую место во главе своих подданных: «Отчего ты испугалась меня, ведь твое войско настолько многочисленно, что легко могло бы опустошить всю землю?»

— Я не боюсь никого, кроме Одного Аллаха! — отвечала царица муравьев, — Ибо если моим подданным, которых ты сейчас видишь, будет что-нибудь угрожать, достаточно будет одного моего кивка, чтоб нам на помощь явилось муравьиное войско, в семьдесят раз превышающее присутствующий здесь отряд!» {212}

— Тогда отчего же ты приказала своим муравьям спрятаться, когда я пролетал в вышине над тобою?

— Э-э-э, я испугалась, что они начнут смотреть тебе вслед, и на миг забудут о своем Создателе!

— Могу ли я оказать тебе какую-нибудь услугу, прежде чем проследую дальше? — спросил ее Соломон.

— Ну, не знаю, право. Лучше, позволь мне дать тебе один совет: постарайся жить так, чтобы тебе никогда не пришлось постыдиться своего имени, которое означает «Безукоризненный». Также опасайся пользоваться своим кольцом или давать его кому-либо, не сказав «Во имя Аллаха, Многомилостивого!»

Тут Соломону пришлось вновь воскликнуть, «Господи, Твое царство воистину больше моего!», после чего он покинул царицу муравьев.

На своем пути обратно в Иерусалим Соломон повелел джинну облететь долину гигантских муравьев стороной, чтобы не потревожить набожную царицу и ее подданных.

Когда они достигли границ Палестины, до слуха Соломона донеслась чья-то молитва:

— О, мой Бог, избравший Авраама быть мне сотоварищем, избави меня поскорее от этого скорбного существования!

Соломон приказал джинну опуститься перед этим человеком. Взору царя предстал дряхлый старец, которого годы уже изрядно пригнули к земле. Все члены молившегося тряслись от старости.

— Кто ты такой?

— Я израильтянин из колена Иуды. {213}

— Сколько же тебе лет?

— Это одному Аллаху известно. Я пытался вести счет своим годам, бросил считать после третьей сотни, и после того минуло никак не меньше пятидесяти, а то и шестидесяти лет.

— Как же удалось тебе достичь такого почтенного возраста, ведь, со времени Авраама, ни одному из смертных не удавалось дожить до столь глубокой старости?

— Однажды я увидел падающую звезду в ночь Аль-Кадра, и загадал бессмысленное желание, чтобы я смог встретиться с самым великим из всех пророков, прежде, нежели я умру.

— Ага! Тогда ты достиг конца своих мечтаний. Приготовься же умереть! Ибо я — знаменитый царь и пророк Соломон, которому Аллах даровал такую власть, подобно которой ни один из смертных до меня не владел, — не успел Соломон произнести эти слова, как перед ними предстал сошедший с небес в обличье человека ангел смерти и забрал душу старика.

— Ты, должно быть, находился где-то неподалеку от меня, раз появился здесь столь быстро! — сказал Соломон ангелу смерти.

— Твое заблуждение весьма велико. Да будет тебе известно, о, царь, что я стою на плечах того ангела, чья голова находится на расстоянии в десять тысяч лет пути за седьмым небом, а ноги его простираются на пять тысяч лет пути вглубь земли. Помимо всего прочего, это настолько мощный ангел, что, если бы Аллах ему позволил, он мог бы проглотить всю землю со всем ее содержимым, без малейшего усилия. {214}

Именно этот ангел и указывает мне, когда, где и каким образом я должен забрать чью-то душу. Он не отводит своих глаз от дерева «Сидрат Альмунтаха», на котором столько же листьев, сколько людей на земле, и на каждом листочке написано чье-то имя.

С рождением каждого нового человека на ветках этого волшебного дерева появляется новый листок с именем родившегося. А когда жизнь человека подходит к концу, его лист вянет и падает с дерева, и в ту же секунду я мчусь к этому человеку, чтобы забрать у него его душу.

— Что же делаешь ты дальше, куда относишь эти души после смерти?

— Как только умирает кто-нибудь из верующих, ко мне является ангел Гавриил. Он заворачивает принадлежащие ему души в зеленую шелковую ткань и затем вдует эти души в зеленую птичку. Этой птице предназначено питаться в раю вплоть до дня воскресения. А души грешников достаются мне, я заворачиваю их в дерюгу, в грубую шерстяную ткань, покрытую смолой, и отношу ко вратам ада. Там им суждено блуждать в отвратительных испарениях до самого последнего дня.

Соломон поблагодарил ангела смерти за эти сведения и попросил его, когда он явится однажды за его душою, скрыть его смерть от всех людей и духов.

Затем он омыл тело умершего старика, похоронил его, и, молясь об упокоении его души, стал просить о смягчении его мук во время {215} испытания, которое усопший должен был пройти перед ангелами Анкиром и Мункиром.¹

Это путешествие настолько сильно утомило Соломона, что он приказал своим джиннам, лишь только вернулся в Иерусалим, сшить специальные ковры из крепкого шелка, которые могли бы выдержать вес его самого и его спутников, а также и все необходимые в дороге принадлежности, включая экипажи для конных поездок. И впоследствии, когда бы он ни захотел куда-нибудь отправиться, царь приказывал расстилать за городом один из этих ковров, размером побольше или поменьше — в зависимости от того, сколько придворных он собирался взять с собою в путешествие. Как только все, могущее понадобится в пути, оказывалось размещенным на ковре, Соломон давал сигнал восьми ветрам, и те поднимали ковер на воздух. Сам же царь восседал вверху на своем троне и лишь подавал команды, в каком направлении он желает лететь: в точности так, как простой человек управляет своими лошадьми при помощи мундштука с удилами или же вожжей.

Однажды ночью Соломону в сновидении предстал Авраам, сказавший ему: «Аллах отметил тебя превыше всех людей, наделив особой мудростью и могуществом. Он подчинил твоей власти самих джиннов, которые воздвигают по твоей команде храм, равных которому земля еще не видала. Ты путешествуешь, летая на ветрах, как я некогда путешествовал на Бораке, {216} скакуне, которому

¹ Эти двое ангелов спрашивают каждого из умерших людей относительно их Бога и их веры, и мучают вновь преставившихся, если те не в состоянии дать вразумительный ответ.

Похожие вещи упоминаются и в «Хиббут хакебар» («Стук в гробницу») у иудейских раввинов. — *Ср.* Maraccius, *Prodrom.*, § iii., стр. 90.

надлежит пастись в раю до появления на свет Мухаммеда. Так покажи же, что всем этим ты должен быть благодарен Одному только Богу, и, используя ту легкость, с которою ты перемещаешься с места на место, посети города Ясриб,¹ где величайший из пророков однажды найдет себе укрытие и защиту, и Мекку, место, где ему суждено будет родиться, и где теперь стоит тот храм, что я и мой сын Измаил (да будет мир ему!) отстроили вновь после потопа».

На следующее утро Соломон заявил во всеуслышание, что он намеревается предпринять паломничество в Мекку, и что каждый израильтянин, и даже все израильтяне, если захотят, могут присоединиться к нему. Прошло совсем немного времени, и вокруг собралось такое множество желающих отправиться в поездку, что Соломону пришлось приказать джиннам изготовить новый ковер специально для этого путешествия: две лиги в длину и две лиги в ширину.

Оставшееся на ковре свободное пространство царь заполнил верблюдами, быками и более мелким скотом, который он задумал принести в жертву в Мекке и раздать там между бедняками.

Для себя же лично он приказал возвести трон, который был столь обильно инкрустирован бриллиантами, что никто из людей не мог возвести глаз на это сверкающее чудо. Мужчины, отличавшиеся особенным благочестием, заняли места на золотых сиденьях подле царского трона. Ученые мужи восседали на сиденьях из серебра, а простонародье разместилось на деревянных скамьях. Джиннам и демонам Соломон приказал лететь перед {217} собою, поскольку он не слишком им доверял, и хотел постоянно видеть их перед своими глазами. По этой причине он предпочитал всегда пить из прозрачного хрустального кубка — мудрый царь не спускал глаз с духов, даже когда его томила жажда. А птицам он повелел лететь прямо над ковром, чтобы защитить сидящих на нем путешественников от палящих лучей солнца.

И вот, когда все приготовления к путешествию были завершены, и все люди, духи, птицы и звери заняли предназначавшиеся им места, Соломон отдал приказ восьми ветрам поднять ковер на воздух, со всем, что находилось на нем, и перенести его напрямик в Медину. При приближении к окрестностям этого города он дал знак птицам пореже махать своими крыльями, благодаря чему ветры постепенно утихли, и ковер медленно опустился на землю.

Однако никому из людей не было позволено покинуть ковер. Дело в том, что Мекка в те времена была населена сплошь идолопоклонниками, и царь не мог позволить своим подданным вступить с ними в контакт.

Соломон один, без какого-либо сопровождения, отправился на то место, где, впоследствии, Мухаммед возведет мечеть. В те стародавние времена там находилось место погребения усопших. Соломон исполнил на этой земле полуденную молитву и возвратился на свой волшебный ковер. По его кивку птицы расправили свои крылья, ветры вновь подняли ковер-самолет в воздух и понесли его по направлению к Мекке. Тогда этим городом управляли Джорхамиды, переселившиеся в те места из Северной Аравии. Они уже в то время поклонялись

¹ Древнее название Медины, где умер Мухаммед.

Единому Богу и хранили Каабу {218} такой же неоскверненной от идолопоклонников, какой она была и во дни Авраама и Измаила. Поэтому Соломон безбоязненно вошел в город со всеми своими спутниками. Они выполнили все церемонии, обязательные для паломников, а когда царь совершил жертвоприношения, использовав тех животных, которых он прихватил с собою из Иерусалима, он произнес длинную речь в Каабе, в которой предсказал будущее рождение Мухаммеда и призвал всех своих слушателей передать веру в него своим детям и всему своему потомству.

После окончания трехдневного паломничества царь Соломон отдал приказ готовиться к обратному путешествию в Иерусалим. Но лишь только его птицы расправили свои крылья, и ковер готов был устремиться ввысь, как царь внезапно заметил лучик света, пробивавшийся сверху. Соломон догадался, что одна из его птиц покинула свое место в строю.

Он тут же позвал к себе орла и велел тому провести переключку всех птиц и доложить ему, кто из них отсутствует. Орел в точности исполнил приказание и вскоре возвратился к царю, доложив, что на месте нет удода.

И без того недовольный царь не замедлил прийти в настоящее бешенство. Гнев его разгорелся еще и оттого, что удода был крайне необходим ему во время путешествий: ведь никакая другая птица не располагала таким даром находить в пустыне скрытые источники воды.

«Подымайся в воздух и пари там! — гневно закричал Соломон на орла, — ищи этого удода, а как найдешь, тащи его сюда, чтобы я мог выдрать ему перья и выставить обнаженным на палящее солнце, пока черви не сожрут его тушку!» {219}

Орел стал подниматься кругами все выше и выше, пока земля под ним не стала казаться опрокинутой чашею. Тогда он завис в воздухе и начал смотреть по всем направлениям, чтобы обнаружить манкирующего своими обязанностями подданного. Как только орел заметил удода, возвращающегося откуда-то с юга, он камнем рухнул вниз и цепко ухватил беглеца своими когтями. Однако удода стал заклинать орла именем Соломона выпустить его.

— И ты еще осмеливаешься заикаться о царском покровительстве?! — возмутился орел, — Ну, скоро придется твоей матушке тебя оплакивать! Наш царь совсем разгневался, ведь он обнаружил твое отсутствие и поклялся страшно с тобою расправиться!

— Доставь меня к нему, — отвечал схваченный удода, — Я уверен, что он простит мне мое отсутствие, как только услышит, где я побывал. Мне бы только рассказать ему о своем полете!

Орел отнес удода царю, со страшным выражением лица восседавшему на своем троне, на котором он привык вершить суд. Прощтрафившийся удода был с силою брошен прямо под ноги Соломону. Несчастная птица дрожала всеми своими перышками, хохолок удода совсем поник в знак полного подчинения. Но лишь только Соломон сжал птичку в своем кулаке покрепче, удода взмолился: «Вспомни, о, пророк Аллаха, что и тебе надлежит когда-нибудь дать отчет в своих

делах пред Господом! Так не позволь мне оказаться осужденным, прежде чем я выскажу тебе свое дело!»

— И какое же ты можешь найти извинение своему отсутствию на посту без моего разрешения?!

— Я принес тебе сведения о стране {220} и о ее царице, чье название и чье имя ты даже и не слыхал никогда: страна эта — Сава, а имя царицы — Балкис!

— Да, эти имена и вправду звучат для меня необычно. Откуда ты о них узнал?

— От одного удода из тех мест, которого я как-то повстречал во время моих коротких прогулок. В нашей беседе я упомянул ему о тебе и о твоих обширных владениях, и он очень удивился, что слава о тебе до сих пор не достигла его дома. В конце концов, он уговорил меня слетать с ним к нему домой, чтобы я сам смог убедиться, что тебе стоит потратить время и силы на то, чтоб покорить своему скипетру Савские земли.

По дороге туда он пересказал мне всю историю их страны вплоть до их нынешней царицы, в распоряжении которой находится столь огромное войско, что для его управления ей потребны двенадцать тысяч полководцев.

Соломон ослабил свою хватку, с которой сжимал бедную птицу, и приказал удоду вспомнить все, что тот услышал об этой новой земле и об ее истории. Удод не замедлил начать свой рассказ:

[РАССКАЗ УДОДА]

— О, величайший и могущественнейший из царей и пророков! Да будет тебе известно, что город Сава служит столицей обширной стране, лежащей к югу от Аравии. Он был основан царем Савским, Ибн Ясхабом, Ибн Сарабом, Ибн Кахтаном. Изначальное его имя было Абд Шемс («Служитель Солнца»); но он взял себе прозвище «Сава» {221} («тот, кто пленяет») по причине своих огромных завоеваний.

Сава был самым крупным и самым прекрасным из всех городов, какой когда-либо возводила рука человека, и в то же время, он был настолько хорошо укреплен, что мог бы отразить приступ объединенных армий всего мира.

Но чем особенно выделялся этот город мраморных дворцов — так это великолепными садами, окружавшими его со всех сторон.

Дело в том, что царь Савский повелел, последовав советам мудреца Лукмана, прокопать огромные рвы и многочисленные каналы. Они служили как для защиты людей от наводнений в сезон дождей, отводя избыток воды, так и для обеспечения города водою в периоды засухи.

И в последствии получилось так, что эта земля, которая настолько обширна, что путешественнику на хорошем скакуне потребуется целый месяц, чтобы пересечь ее из конца в конец, очень скоро оказалась самой богатой и плодородной из стран всего мира. Ведь там, куда ни посмотри, повсюду растут прекрасные

деревья, под сенью которых можно путешествовать, нисколько не боясь палящего солнечного зноя. А воздух там настолько чист и освежает человека, и небеса так прозрачны, что все люди той земли живут очень долго, наслаждаясь превосходным здоровьем.

Одним словом, страна Савская была не чем иным, как прекрасной диадемой на челе вселенной!

Такое состояние полнейшего процветания и изобилия продолжалось столь долго, сколь было угодно Аллаху. Царь Савский, основатель этого замечательного города, умер, {222} и на смену ему пришли другие правители. Они подобно своему предшественнику наслаждались плодами трудов Лукмана, даже не задумываясь о том, что не мешало бы и позаботиться об их сохранении. Однако время неумолимо несло с собою разрушения. Стремительные горные потоки, несшиеся с близлежащих вершин, постепенно размывали рвы, которые были предназначены для того, чтобы останавливать их и равномерно распределять по различным каналам. В конце концов, рвы должны были быть полностью разрушены, а вся страна, как следствие, стать жертвой кошмарного наводнения. Опустошения грозили быть поистине ужасающими. Первые предвестники надвигающейся катастрофы проявились во время правления царя Амру. При нем случилось жрице по имени Зарифа увидеть во сне огромную черную тучу, из которой вылетали разящие молнии. Сопровождаемая страшным громом, туча надвигалась на их землю, неся с собою разрушение. Зарифа рассказала о своем сновидении царю, нисколько не скрывая своей тревоги за будущее благоденствие всего их государства. Однако же царь и его придворные приказали ей помалкивать, а сами продолжали, как и раньше, бездумно наслаждаться жизнью, ничего не предпринимая.

Как бы то ни было, как-то раз, когда царь Амру был занят заигрыванием с двумя девицами в своей рожице, перед ним снова явилась наша вещая жрица. Волосы ее были распущены и всклокочены, и весь ее облик свидетельствовал о большом душевном потрясении. Зарифа вновь предостерегла своего правителя о приближающемся разрушении его державы.

Царю пришлось отпустить своих спутниц. Затем он приказал Зарифе сесть перед ним и спросил ее, какие новые знамения предвещают надвигающуюся на них беду. «На моем пути сюда, — отвечала ему Зарифа, — мне повстречались крысы {223} ярко-рыжего цвета, стоящие на задних лапах. Передними лапками они утирали слезы, катившиеся у них из глаз. Далее я увидела черепаху, лежавшую на своем панцире вверх ногами. Тщетно пыталась она перевернуться. Это безусловные знамения надвигающегося потопа, который погрузит твою страну в то же самое плачевное состояние, в котором она некогда находилась!»

— Какое же доказательство правдивости твоих слов ты можешь привести? — усомнился царь Амру.

— Пойди ко рву, и твои собственные глаза убедят тебя!

Царь согласился пойти ко рву, чтобы самому все посмотреть, и вскорости он возвратился в свою рощу, с искаженным от ужаса лицом. «Страшная картина

предстала моему взору! — воскликнул он, — Три крысы, огромные, величиною с дикобразов, грызли наш ров своими зубами. Они откусывали такие большие куски скального грунта, что и пять десятков мужчин не смогли бы сдвинуть с места!»

А Зарифа рассказала ему еще и про другие знамения. Да и самому царю было видение, в котором его глазам открылись вершины самых высоких деревьев, покрытые песком. Это было настолько недвусмысленным предсказанием грядущего потопа, что Амру решил немедленно бежать из своей страны.

Однако же, для того, чтобы получить кое-какую выгоду от своих замков и имущества, он решил умолчать обо всем том, что он видел и слышал. Вот какой предлог этот хитрый царь придумал для своего отъезда из страны.

Как-то днем он объявил о большом пире для своих главных военачальников и полководцев. Перед этим он заранее условился со своим сыном, что тот должен будет {224} во время беседы на пиру ударить отца в лицо. Все так и произошло, причем на виду у всех приглашенных. Притворившись оскорбленным, царь вскочил из-за стола, обнажил свой меч и притворился, что хочет убить своего сына. Однако, как он и предвидел, гости бросились к нему, пытаясь предотвратить трагедию. Они быстро увели его сына прочь. Тогда Амру прилюдно поклялся, что не останется долее в стране, где ему пришлось пережить подобное унижение. Он быстро распродав все свое недвижимое имущество, и лишь затем раскрыл истинную причину своего отъезда. Тут уж много племен решилось последовать его примеру.

Вскоре после его отъезда на город обрушились предсказанные ранее невзгоды, ведь обитатели Савы или Мареба, как еще порою называли этот город, не послушались ни предупреждений Зарифы, ни увещаний некоего пророка, которого послал к ним Аллах. Стены мощного рва обрушились, и водные потоки, несущиеся с гор, опустошили и сам город, и все его окрестности. «Ну, как бы то ни было, некоторые из жителей Савы, — продолжал угод свой рассказ пред царем Соломоном, — успели бежать от наводнения в горы. Бедствие послужило им уроком, они раскаялись, и вскоре вновь преуспели, с помощью и благословения Аллаха, в возведении новой дамбы и в восстановлении хозяйства своей страны. Царство Савское вновь стало процветать, и при последующих правителях его обитатели жили счастливо. Хотя старые пороки впоследствии к ним вернулись, и вместо того, чтобы поклоняться Творцу неба и земли, они дошли до того, что стали служить солнцу». {225}

Последний же из царей Савы, по имени Шарабиль, был настоящим чудовищем и тираном. Визирем у него служил выходец из древнего царского рода Гимиаритов, который был столь прекрасен лицом, что на него с вожделением начали посматривать даже дочери джиннов. Они зачастую преграждали ему путь, являясь в облике газелей, и все только для того, чтобы иметь возможность взглянуть на этого красавца. Одна из них, по имени Умейра, воспылала такой пылкой страстью к визирю, что совсем позабыла о различиях между людьми и джиннами. Как-то раз, когда он преследовал дичь во время охоты, она предстала ему в образе прекрасной девы и предложила свою руку с условием, что он последует за нею, и никогда не будет спорить и возражать, какими бы странными

ни казались ему ее поступки. Визирь подумал, что дочь джиннов, бесспорно, превосходит по красоте любую из представительниц рода человеческого, и совсем скоро юноша полностью потерял свой разум от страсти к ней. Нимало не раздумывая, он согласился на все ее условия. Умейра отправилась вместе с ним на остров, где она жила, и там вступила с ним в брак. Спустя год она родила ему дочь, которую назвала Балкис. Однако вскоре после рождения дочери она оставила своего мужа, по причине того, что он (подобно тому, что произошло с Моисеем и Аль-Кизр) вновь и вновь спрашивал ее о побудительных мотивах, когда не мог понять смысла ее действий. Пришлось визирю возвращаться вместе с Балкис на свою родную землю. Там он скрывался в одной из долин, находившейся вдали от столицы. Вот в этой-то долине и расцвела Балкис, подобно прекрасному цветку Йемена; однако {226} она была вынуждена жить в полном уединении. Ведь ее отец очень боялся, что Шарабиль может прознать о его дочери, и поступить с нею столь же безжалостно, как он обращался с другими девушками Савского царства.

Ну, как бы то ни было, Небесам было угодно, чтобы все предосторожности визиря так ни к чему и не привели. Царь Шарабиль, пожелав узнать точное состояние Савского государства, включая тайные помыслы всех подданных, отправился в пешее путешествие по своим владениям. С этой целью он переоделся в платье нищего. Когда он дошел до мест, где скрывался его бывший визирь, он обратил внимание, что люди очень часто упоминали обоих: и визиря, и его дочь. Всех интересовало, кто они такие, но никто не знал, откуда они пришли, и почему живут в такой секретности. Царю удалось разузнать точное нахождение их убежища, и он пришел туда как раз в тот момент, когда визирь со своей дочерью сидели за столом. Первый взгляд царя упал на Балкис, которой шел тогда четырнадцатый год. Она уже тогда была прекрасной, как одна из гурий в райском саду, поскольку к женской грации и очарованию у нее добавилась свойственная джиннам прозрачность кожи и величественность. Но каково же было изумление Шарабиля, когда, переведя глаза на ее отца, он узнал в мужчине своего бывшего визиря! Тот исчез так внезапно, и его судьба оставалась до сих пор неизвестной!

Как только визирь обнаружил, что царь Шарабиль узнал его, он пал ниц перед своим повелителем и стал умолять о пощаде. Он рассказал ему все, что случилось {227} с ним за время его отсутствия. Шарабиль простил его ради своей любви к Балкис, но потребовал, чтобы бывший визирь вернулся к своим прежним обязанностям. Он поселил их во дворце, расположенном в очаровательном уголке неподалеку от столицы Савского государства. Но не прошло и нескольких недель, как визирь возвратился однажды утром из города с тяжело нахмуренным челом. Он сказал Балкис: «Мои опасения оправдались! Царь попросил твоей руки, а я не могу отказать, не подвергнув свою жизнь опасности; хотя я предпочел бы видеть тебя в гробу, чем в руках этого мучителя!»

«Оставь свои страхи, отец мой! — молвила Балкис, — Я освобожу и себя, и всех женщин от этого Богом забытого человека. Только постарайся следить за своим выражением лица, выгляди как можно веселее, чтобы он ничего не заподозрил. А единственное, о чем я тебя попрошу, добейся от него, чтобы наше бракосочетание проходило здесь, в приватной обстановке».

Царь с готовностью согласился исполнить пожелание своей невесты, и уже на следующее утро появился во дворце визиря в сопровождении двух слуг. Там его приняли с подобающим столь великому властителю почетом. После трапезы визирь удалился вместе с приглашенными на свадьбу гостями, и Балкис осталась наедине с царем Шарабилем. И тут она подала сигнал своим спрятавшимся девушкам-служанкам. Одна из них начала петь, другая принялась играть на арфе, третья стала извиваться в танце перед царем, а четвертая принесла вино в золотых чашах. Последняя была особенно активна, непрестанно подливая в царский кубок, по указанию своей госпожи Балкис, {228} так что Шарабил, которого невеста раз за разом заставляла осушить чашу крепкого напитка, вскоре свалился без чувств на диван. Тогда Балкис достала кинжал из-под своей одежды и вонзила его в сердце Шарабиля так глубоко, что его душа отправилась напрямик в ад. Девушка позвала своего отца и, показав на труп, лежавший перед нею, сказала: «Завтра утром, пускай все самые влиятельные люди города, равно как и многие из военачальников, получают приказ от его имени послать к царю своих дочерей. Это неминуемо приведет к мятежу, который мы используем с выгодой для себя!»

Балкис несколько не ошиблась в своих расчетах, поскольку мужчины, чьих дочерей царь угрожал обесчестить, собрали вместе всех своих родственников и вечером подошли ко дворцу визиря. Они стали кричать, что предадут дворец огню, если к ним не выведут царя.

Тут Балкис отрезала царю голову и выбросила ее через окно собравшимся повстанцам. Немедленно из толпы под окнами послышались крики радости; весь город осветился праздничными огнями, и Балкис, защитница слабого пола, была провозглашена царицей Савской. «И вот эта-то царица, — завершил свой рассказ удо, — правит уже много лет, славясь великой мудростью, и справедливость царит повсюду, на всей территории ее обширного царства. Царица незримо присутствует на всех совещаниях своих {229} визирей, скрытая от людских глаз тонкой завесой, восседающая на высоком троне, сделанном руками искусных умельцев и украшенном драгоценными камнями. Но, увы, подобно многим из тех царей, что правили этой страной до нее, она поклоняется солнцу».

— Ну что же, — сказал Соломон, когда удо закончил повествование о своем путешествии, — мы увидим, говорил ли ты правду, или же тебя следует причислить к числу лжецов!

После этого царь Соломон приказал удоу найти скрытый источник, совершил омовение для молитвы, и после молитвенного ритуала написал следующие строки: «От Соломона, сына Давида и слуги Аллаха — Балкис, царице Савской, во имя Аллаха, Всемилостивого и Милосердного, да будут благословенны те, кто следует ведению Судьбы! Последуй моему приглашению и явись предо мною, как верующая». Это послание он запечатал куском мускуса и приложил к нему свой перстень. Затем он вручил его удо, добавив: «Отнеси это письмо царице Балкис; затем возвращайся, но сначала подслушай, о чем она будет говорить со своими визирями на совещании по этому поводу».

Тут удо, ухватив в свой клюв царское послание, рванулся вперед, подобно выпущенной из лука стреле, и уже на следующий день очутился в Маребе. Царица

Савская в окружении всех своих советников торжественно вошла в зал заседаний, села на трон и бросила письмо себе на колени. Но как только она разглядела отпечаток {230} перстня, символизировавшего могущество Соломона, сразу вздрогнула и поспешила распечатать только что доставленное ей удоном послание. Бегло взглянув на текст, она тут же зачитала содержание письма своим советникам, среди которых находились все главные Савские вожди, и спросила у них, что они думают по такому серьезному вопросу.

Но все ее придворные отвечали в один голос: «Ты можешь в любой момент рассчитывать на нашу силу и храбрость, и поступать, как тебе будет угодно, и как подсказывает тебе твоя мудрость!»

«Раз так, то, прежде чем начать войну, — сказала Балкис, — которая неизбежно принесет много страданий и несчастий для нашей страны, я пошлю царю Соломону кое-какие подарки, и посмотрю, как он примет моих посланников с дарами. Если он позволит подкупить себя, то он ничем не лучше прочих царей, которые пали перед мощью нашего государства. Однако если он отвергнет мои дары, то он — истинный пророк, чью веру нам надлежит принять».

Сказав это, царица велела нарядить пять сотен юношей в платья девушек, и такое же количество девушек в юношеские одежды, приказав первым вести себя в присутствии Соломона как девушки, а вторым — напротив, как юноши. Затем Балкис распорядилась подготовить тысячу ковров, богато изукрашенных золотом и серебром; корону, сделанную из прекраснейших жемчугов и сапфиров; а также огромное количество мускуса, янтаря, алоэ и прочих драгоценных даров, которые в изобилии поставляет земля Южной Аравии. Ко всем этим дарам она добавила закрытую шкатулку, в которую положила непросверленную жемчужину, замысловато продырявленный бриллиант и хрустальный кубок. {231}

«Как настоящий пророк, — написала она Соломону, — ты, бесспорно, сумеешь отличить юношей от девушек, распознать, что скрывает в себе этот закрытый ларчик, как сумеешь просверлить эту жемчужину, продеть нить в этот алмаз и наполнить сей кубок водой, которая не проливалась с небес, но и не выходила из-под земли».

Все свои дары и письмо она отправила царю Соломону с посольством весьма опытных и разумных людей, которым дала наказ перед отправлением в путь: «Если Соломон примет вас горделиво и надменно, не смущайтесь, ибо таковы признаки человеческой слабости; но если он примет вас благодушно и снисходительно, берегитесь, ибо в таком случае вы имеете дело с настоящим пророком!»

Наш удод сумел подслушать все эти речи, поскольку он старался вообще не отдаляться от царицы вплоть до тех пор, пока ее послы не тронулись в путь. Тут он полетел напрямик к царю Соломону, и, не присев ни разу передохнуть по дороге, вскоре очутился в шатре своего повелителя. Птица пересказала Соломону все, что ей удалось услышать. После этого царь приказал своим джиннам быстро изготовить ковер, которым можно было бы накрыть пространство в девять парсангов, и расстелить его от подножия его трона в сторону юга. С восточной стороны, где лежал край этого ковра, царь повелел воздвигнуть высокую стену из чистого золота, а с западной стороны — такую же из серебра. По обе стороны

ковра Соломон наказал расположиться редкостным заморским животным и всякого рода джиннам и духам. {232}

Посланники царицы Савской, добравшись до соломонова лагеря, пришли в немалое изумление, ибо подобного блеска и великолепия им еще ни разу не доводилось видеть. Первое, что они сделали, едва завидев колоссальных размеров ковер, расстилавшийся у их ног, насколько хватало взора — выбросили прочь ту тысячу ковров, что везли с собою, рассчитывая преподнести царю Соломону в качестве подарка. Чем ближе к трону царя Соломона они подходили, тем больше становилось их смущение. Ведь вокруг пело множество удивительнейших птиц, стояло огромное количество редчайших видов зверей, и вдобавок ко всему послам надлежало пройти к царю Соломону через целое скопище различных духов. Но как только они предстали перед Соломоном, их сердца разом успокоились, поскольку он приветствовал гостей с искренним радушием. Широко улыбаясь, царь спросил, какая нужда привела их к нему.

«Мы доставили тебе письмо от царицы Балкис», — отвечал ему наиболее красноречивый муж из числа посланников, подавая Соломону послание своей владычицы.

«Э-э-э, — протянул Соломон, — да я знаю его содержание, не разворачивая свитка! Точно так же я знаю, что лежит в ларце, который вы несете с собою! Помимо того, с помощью Аллаха, я сумею продырявить вашу жемчужину и продеть нитку сквозь принесенный вами алмаз. Но прежде всего я хотел бы наполнить ваш хрустальный кубок такой водою, что не проливалась из небесных туч, но и не рождалась, истекая из земли. И еще я хочу отличить безбородых юношей от тех девиц, что вас сопровождают!»

Тут царь Соломон приказал принести тысячу серебряных кувшинов {233} и тазиков, и велел приведенным послами юношам и девушкам-рабыням умываться. Юноши сразу же начали прикладывать свои руки к кувшинам, проливать в ладони воду и поднимать затем сложенные руки к лицам. Ведь так они привыкли плескаться на свои лица сразу обеими ладонями. В отличие от них, девушки стали лить воду в ладони своих правых рук, потом — в ладони левых, и лишь затем омыwać лица обеими руками. Вот таким образом Соломон сумел с легкостью распознать, кто из рабов юноши, а кто — девушки. Послам же оставалось только удивляться. После того, как с первой загадкой было покончено, царь отдал приказ одному из своих рабов, высокорослому и весьма тучному, сесть верхом на молодого и очень горячего жеребца и как можно быстрее пронестись на нем по лагерю. Раб так и сделал, немедленно возвратившись к своему повелителю. Лишь только он подъехал верхом на загнанном скакуне к Соломону, как тот дал знак собрать с него весь пот, и хрустальный кубок оказался моментально наполненным до краев.

«Вот это, — заявил Соломон посланникам царицы Савской, — та самая вода, что ни с неба не пролилась, ни из земли не вышла!» Алмаз Соломон сумел продырявить при помощи того волшебного камня, которым завладел благодаря Сахру и ворону; но вот продеть нить сквозь алмаз, вся поверхность которого была испещрена всевозможными извилинами и бороздками, оказалось не так-то просто.

Царь призадумался. Но тут один из его духов принес ему червя, и тот с легкостью прополз сквозь камень, протащив за собою свою шелковую ниточку. Соломон спросил червяка, чем он может отблагодарить его за оказанную ему услугу, ведь таким образом, ни много, ни мало, было сохранено от посрамления величие пророка! Червь {234} попросил, чтобы ему в качестве постоянного жилища было отведено одно из плодовых деревьев. Соломон решил даровать ему шелковицу, и с тех самых пор это дерево служит убежищем и местом пропитания для шелковичных червей.

«Ну, теперь вы убедились, — сказал царь Соломон послам царицы Балкис, — своими глазами увидели, как я прошел все испытания, которые ваша правительница для меня приготовила. Так возвращайтесь же к ней, да забирайте назад все подарки, которые она для меня отсылала, мне нет в них никакой нужды! Передайте ей, если она откажется принять мою веру и попытается со мною сражаться, я наводню ее страну таким огромным войском, которому никакая человеческая сила не сможет противостоять, и притащу ее на веревке, плененною, в свою столицу!»

Разумеется, посланники оставили Соломона, будучи полностью убежденными в его силе и в том, что он и в самом деле является пророком. Их подробный отчет обо всем, случившемся с ними и царем Соломоном, произвел на царицу Балкис подобное же впечатление.

«Да, Соломон — могучий пророк, — сказала она окружавшим ее визирям, после того, как выслушала рассказ своих послов, — Мне не приходит теперь в голову ничего, кроме как отправиться к нему вместе со своими главными вождями и полководцами, и принять все, что он от нас потребует». После чего она отдала приказания подготовить все, что может потребоваться для подобного путешествия. Но прежде чем выступить в поход, она закрыла свой любимый трон, который ей очень не хотелось оставлять, {235} в особом зале, единственный проход в который вел через шесть других крепко-накрепко запертых залов. А все эти семь залов находились глубоко внутри семи закрытых на прочные запоры помещений, из которых и состоял дворец царицы Савской, охраняемый наиболее преданными из ее стражников.

И вот, когда царица Балкис, сопровождаемая двенадцатью тысячами своих военачальников, в подчинении каждого из которых находилось по несколько тысяч воинов, приблизилась на один парсанг к стану царя Соломона, тот обратился к своим придворным: «Эй, кто из вас доставит ко мне трон царицы Балкис, прежде чем она успеет предстать предо мною, став правоверной? Мне хотелось бы подобающим образом обойтись с этим произведением искусства, пока он еще считается собственностью язычницы!»

В ответ один из наиболее уродливых демонов (который ростом был с немалую гору) заявил: «Я принесу его к тебе еще до полудня, еще до того, как ты распустишь это свое собрание. Никакой помощи для этого мне не потребуется, и ты можешь полностью доверить мне это дело с тронном без каких-либо опасений».

Но у Соломона совсем уже не оставалось времени, поскольку он заметил вдалеке клубы пыли, поднимаемой эскортом царицы Савской.

«Ну, раз так, — сказал его визирь Ассаф, сын Бурахьи, для которого вследствие знания им сокровенных имен Аллаха вообще не существовало ни в чем никаких препятствий, — тогда подними свой взор к небу, и прежде, чем ты успеешь опустить свои глаза обратно {236} к земле, трон царицы Савской будет стоять здесь перед тобою».

Соломон запрокинул голову и уставился на небо, а Ассаф тем временем назвал Аллаха по самому священному из Его имен, умоляя Господа ниспослать ему трон Балкис. И тут, в мгновение ока, трон царицы Савской подобно бураву промчался через внутренние ходы в земле до того места, где находился трон Соломона. Трон царицы вырос из-под земли пред Соломоном, и тому оставалось только воскликнуть: «О, сколь велика милость Аллаха! Это дело, воистину, должно бы видеться как испытание — окажусь ли я Ему благодарным, или нет; однако тот, кто признает милость Аллаха, признает это для себя, а кто отрицает ее, не в силах ее умалить. Аллах не нуждается в человеческой благодарности».

Вдоволь полюбовавшись представшим перед ним тронем, Соломон бросил одному из своих слуг: «Ну-ка, попробуй слегка изменить его, и посмотрим, заметит ли это царица Балкис. Слуга разобрал некоторые части трона на кусочки и собрал их по-другому. Однако, когда царицу Балкис спросили, похож ли находящийся пред нею трон на ее собственный, та отвечала: «Да, выглядит в точности таким же».

Из этого ответа, как и из некоторых других, Соломон сделал заключение о безусловной сообразительности царицы, ибо она, вне всякого сомнения, сумела распознать свой трон. Но ответы Балкис оказались столь двусмысленны, что из них нельзя было понять, недовольна ли она случившимся и подозревает ли что-то. Тем не менее, прежде чем приступить к более интимной беседе {237} со своей гостьей, Соломону захотелось прояснить еще один момент относительно царицы. Ему не терпелось узнать, действительно ли у нее раздвоенная стопа, как уверяли его некоторые из его духов, или же они просто выдумали этот дефект из боязни, что Соломон может взять ее в жены, и она родит ему детей. Ведь тогда, подобное потомство Соломона, будучи одновременно потомством джиннов, может оказаться гораздо сильнее самого царя. Поэтому он сделал так, что царицу провели сквозь зал, чей пол был сделан из прозрачного хрусталя, под которым находилось пространство, заполненное водой, где плавали разного рода рыбы. Балкис, прежде никогда не видавшая хрустального пола, подумала, что пол в зале просто залит водою, и оттого слегка приподняла края своей одежды, чтобы не замочить полы. Тут взору царя Соломона, к его великой радости, предстала прекрасной формы женская ножка. Вполне удовлетворившись увиденным, он обратился к царице: «Иди сюда, не бойся! Здесь нет воды, это всего лишь пол из хрусталя. Подойди же и провозгласи свою веру в Одного Единственного Бога!» Балкис приблизилась к трону, который был расположен в противоположном конце зала, и там, в присутствии Соломона, отреклась от своего поклонения солнцу.

После этого Соломон взял Балкис в жены, но, тем не менее, оставил ее на посту царицы Савской, и каждый месяц проводил с нею по три дня.

Во время одной из своих ежемесячных поездок из Иерусалима в Мареп ему довелось пересекать долину, населенную обезьянами. Эти звери носили человеческие одежды и жили, подобно людям, располагая гораздо более уютными жилищами, чем {238} прочие обезьяны. Более того, у них было разного рода оружие. Соломон решился спуститься со своего ковра-самолета и проследовать в странную долину в сопровождении нескольких телохранителей. Обезьяны поспешили собраться вместе, чтобы прогнать непрошенных гостей, но тут один из их старейшин выступил вперед и сказал: «Э, нет, безопаснее для нас будет покориться, ибо наш враг является святым пороком!» Обезьяны безотлагательно избрали из своей среды троих представителей, которые были отряжены для переговоров с Соломоном. Он принял парламентариев благосклонно, поинтересовавшись, к какому виду обезьян они принадлежат, и как так получилось, что им свойственны навыки, присущие только людям. Послы отвечали Соломону: «О, не удивляйся, глядя на нас, ибо мы исходим от людей, мы — остаток одной из иудейских общин, которая, несмотря на данное ей запрещение, продолжала осквернять субботу, пока Аллах не проклял всех ее членов и не обратил их в обезьян.¹ Соломон был тронут и проникся к ним состраданием. Он решил защитить этих обезьян от возможной враждебности со стороны человека и даровал им документ на пергаменте, в котором им навечно гарантировалось безбедное существование в их долине.

[Во времена халифа Омара в эту долину вошел отряд вооруженных мусульман; но когда воины начали ставить свои шатры, собираясь занять землю обезьян, к ним подошло весьма престарелое животное со свитком пожелтевшего пергамента в своих лапах. Обезьяна вручила документ военачальнику арабов. Однако, поскольку никто из мусульман не сумел его прочитать, {239} они отослали рукопись в Медину, где она была разъяснена одним иудеем, перешедшим в ислам. Он отослал пергамент назад в долину обезьян, приказав войскам немедленно очистить занятую ими землю.]

Ну, а между тем, Балкис вскорости обнаружила для себя опасную соперницу в лице Джарады, дочери царя Нубары, который правил на одном из прекраснейших островов в Индийском океане. Этот царь был жестоким тираном, заставлявшим всех своих подданных поклоняться ему как богу.

Как только Соломон прознал про этого царя, он выступил на него войною, прихватив с собою столько воинов, сколько мог вместить самый большой из его летающих ковров. Соломон покорила весь остров, а жестокого царя прикончил собственными руками. Когда он уже собирался покинуть дворец Нубары, путь ему заступила девушка, красота и грация которой затмила блеск всех прелестниц из гарема Соломона, не исключая и самой царицы Савской. Царь Соломон сразу же приказал отвести ее на свой ковер-самолет, где, угрожая ей неизбежной смертью, заставил девицу принять его вероисповедание, а вместе с ним и его руку.

Но Джараде в лице Соломона виделся лишь убийца ее отца, и на все его ухаживания девушка отвечала лишь слезами и вздохами. Соломон рассчитывал, что время сможет исцелить ее душевные раны, и Джарада в конце концов

¹ Мухаммед упоминает об этом в Коране как о факте.

примирится со своей судьбою. Однако когда по истечении целого года девица по-прежнему оставалась безучастной к любым проявлениям любви и радости, и сердце ее было глухо к веселью, Соломона не на шутку встревожили ее молчаливые упреки. В итоге, царь вынужден был спросить Джараду, не мог бы он каким-либо образом утишить ее горе. {240}

«Поскольку не в твоей власти, — покачала головой Джарада, — вернуть моего отца к жизни, пошли несколько джиннов ко мне домой. Пусть они перенесут сюда его изваяние и поставят его в мои покои. Как знать, может быть, при виде его образа я смогу найти себе какое-то утешение».

Соломон не нашел в себе достаточно силы противостоять ее требованию, и осквернил свой дворец образом человека, который сам себя обожествил. Джарада же в тайне от царя стала отдавать этой статуе почести, как настоящему божеству. Это идолопоклонство продолжалось сорок дней, пока о нем не узнал мудрый Ассаф. Он тут же взшел на трибуну и произнес горячую речь перед лицом собравшегося народа. Ассаф напомнил людям о чистом и богобоязненном житии всех предыдущих пророков от Адама до Давида. Дойдя до Соломона, Ассаф сначала похвалил его за мудрость и благочестие, присущее первым годам его правления, но с сожалением признал, что в последнее время наш царь мало в чем служит примером для жизни в подлинном страхе Божиим.

Разумеется, как только до слуха царя Соломона дошло содержание этой проповеди, он вызвал к себе Ассафа и потребовал у того объяснений: чем это он заслужил подобное посрамление в глазах всего народа?

Ассаф отвечал ему: «Ты позволил своей страсти ослепить себя, и допустил в своем собственном дворце идолопоклонство!»

Соломон бросился в покои Джарады и застал девицу распростертою ниц, в молитве перед образом ее отца. Закричав: {241} «Мы принадлежим Аллаху, и все когда-нибудь возвратится к Нему!», он расколотил идола на мелкие кусочки и избил упрямую принцессу. Затем царь нарядился в новые одежды, которых не касался никто, кроме невинных девственниц, посыпал свою голову пеплом и отправился в пустыню, просить Аллаха о прощении.

Аллах отпустил ему грех, но Соломону суждено было замаливать свою вину еще в течение сорока дней. Как-то поздно вечером придя домой, Соломон дал на время свой волшебный перстень одной из своих жен — подержать, пока он не посетит одно место. Хитрый Сахр тут же принял царское обличье и забрал у женщины кольцо всевластья. Вскоре вернувшийся Соломон потребовал назад свою драгоценность, но над ним только посмеялись. Причиной издевки стало то, что он в одночасье был лишен Аллахом своего дара пророчества. Теперь никто не узнавал в нем своего царя, и Соломон скитался от дома к дому, где все жители принимали его за какого-то проходимца и обманщика. Ему пришлось уйти из города, но куда бы он ни пришел, всюду при первых же словах, что он — царь Соломон, несчастный слышал в ответ, что он безумец. Над ним только смеялись и с позором гнали его отовсюду прочь. Тридцать девять дней он промучился таким вот образом, то прося подаяние, то питаясь травой. На сороковой день он

подрядился помогать какому-то рыбаку, который обещал ему в качестве поденной платы две рыбки, одну из которых Соломон надеялся обменять на кусок хлеба. Но как раз в тот день могущество Сахра подошло к концу: дело в том, что этот злой дух, невзирая на его внешнее сходство с царем Соломоном и на обладание волшебным перстнем с печатью, благодаря {242} которому ему удалось обрести власть над духами, людьми и животными, пробудил к себе подозрения придворных. Уж слишком непохоже было его поведение на привычное всем благочестие Соломона, да и приказания его отличались редкостной бессмысленностью и явным беззаконием.

Старейшины Израиля ежедневно приходили к Ассафу, принося все новые жалобы на очередные выходки царя; но Ассаф, пытаясь пробиться к тому во дворец, находил его двери запертыми перед собою.

Но когда, в конце концов, уже одна из соломоновых жен на сороковой день пришла к Ассафу сетовать, что царь долее не соблюдает ни один из предписанных обрядов очищения, мудрый визирь, прихватив с собою нескольких ученых богословов, устремился ко дворцу. Его спутники громко читали вслух Тору, и Ассафу удалось силою пробиться внутрь царских покоев, несмотря на сопротивление стражников и телохранителей. Пришлось охранникам пропустить Ассафа в зал государственных собраний, где в этот момент находился Сахр. Как только этот нечистый дух услышал Слово Божие, ниспосланное некогда Моисею,¹ как немедленно обратился в свой первоначальный облик и бросился вон. Пролетая над пустынным морским побережьем, Сахр уронил со своей руки чудодейственный перстень всевластья.

И благодаря провидению Господа вселенной, {243} это волшебное кольцо было подхвачено и проглочено той рыбою, которая вскоре попала в сети рыбаку, нанявшему в слуги-поденщики Соломона. Соломону досталась эта самая рыба в качестве оплаты своего труда, и когда он решил съесть ее вечером на ужин, то обнаружил свое пропавшее кольцо.

Тут Соломон сразу приказал ветрам отнести его обратно в Иерусалим, где он собрал вокруг себя всех вождей и старейшин: и человеческих, и птичьих, и звериных, и духов. Соломон поведал им все, что приключилось с ним в течение последних сорока дней, а также, каким чудесным образом Аллах возвратил ему перстень, который захватил было коварный Сахр.

¹ Здесь явная аллюзия: нам сразу вспоминается то исключительное значение, которое как магометане, так и иудеи придают произнесению вслух подлинных или вымышленных слов или целых фраз из Священного Писания.

Они убеждены, что простое прочтение или многократное повторение этих слов имеет свой смысл:

1. Во-первых, их произнесение само по себе заслуживает награды от Бога, совершенно вне зависимости от того, какую реакцию эти слова могут произвести в душах или в понимании людей.
2. И, во-вторых, поскольку считается, что каждая буква или знак из Писания обладает некой [каббалистической] силою, которой не в состоянии сопротивляться никакие духи, включая даже Самого Господа. — Э.Т.

После этого царь отдал приказание изловить Сахра. Он загнал этого нечистого духа в медный кувшин и запечатал своим волшебным перстнем. Затем Соломон зашвырнул кувшин с непокорным джинном между двух скал в Тивериадское озеро, на дне которого ему и суждено лежать вплоть до дня воскресения.

Боле правление Соломона, который после этого случая царствовал еще на протяжении десяти лет, не омрачалось никакими тучами. Несмотря на то, что Джарада, оказавшаяся причиной столь больших невзгод, и в самом деле приняла теперь веру Соломона, он так и не пожелал ее вновь увидеть. Напротив, царицу Балкис царь продолжал регулярно посещать, навещая ее каждый месяц до самой ее смерти.

Когда царица Савская скончалась, Соломон повелел перевезти ее останки в город Тадмор, который она некогда основала, и похоронить там. Но точное место ее захоронения оставалось неизвестно людям вплоть до начала правления халифа Валида, {244} когда, в результате необычайно долгое время лившихся дождей, стены Тадмора оказались размыты. Под рухнувшей стеною обнаружился каменный гроб длиной в шестьдесят локтей и шириной в сорок. Надпись на нем гласила:

«Это гробница богобоязненной Балкис, властительницы Савской и царственной супруги пророка Соломона, сына Давида. Она была обращена в истинную веру на тринадцатом году восшествия Соломона на престол, вышла за него замуж на четырнадцатом, и умерла в понедельник, второго дня месяца Раби-Авваля, на двадцать третьем году его царствования».

Когда сын халифа отдал команду поднять крышку гроба, его взору предстало тело женщины, которое выглядело абсолютно свежим и настолько сохранилось хорошо, как будто бы его похоронили только вчера. Он немедленно составил обо всем отчет своему отцу, спрашивая его, что ему следует сделать с обнаруженным гробом.

Валид приказал оставить гроб в том самом месте, где он был найден. Халиф велел закрыть его мраморными плитами наглухо, так, чтобы никогда больше это захоронение не могло быть осквернено руками человека.

Его приказ был с точностью исполнен. И, невзирая на то, что городу Тадмору и его стенам с тех пор довелось пережить немало всяких катаклизмов, никаких следов гробницы царицы Балкис в будущем обнаружить больше не удавалось.

Спустя несколько месяцев после смерти царицы {245} Савской, уже перед самим царем Соломоном явился ангел смерти. Он был о шести лицах: одно смотрело направо, другое налево, третье — вперед, четвертое — назад, еще одно было у него на голове сверху, и еще одно — снизу. Царь, который никогда не встречал ангела в подобном обличье, пришел в полное недоумение и спросил гостя, что может означать подобное шестиликое видение.

— Своим лицом направо, — отвечал ему ангел смерти, — я сражаю души с востока; тем, что направлено налево — души с запада; тем, что смотрит вверх — обитателей небес; тем лицом, что смотрит вниз — демонов из самых глубин земли. Тот лик, что у меня сзади, уготован для

представителей народов Маджудж и Яджудж («Гога и Магога»); но то лицо, что у меня спереди, предназначено для правоверных, к числу коих принадлежит и твоя душа!

— Неужели и ангелам надлежит умереть?

— Всему, что существует в этом мире, суждено стать добычей смерти, как только Исафил вострубит в свой горн во второй раз. Тогда я предаю смерти даже самих Гавриила и Михаила, да и сам я сразу же после этого должен буду умереть, по команде Аллаха. Тогда на всем белом свете останется Один только Бог, и Он воскликнет: «Чей же этот мир?!», но не будет более ни одной живой души, чтобы ответить Ему! После этого пройдут сорок лет, и Исафил будет вновь призван к жизни, чтобы он смог вострубить в свой горн в третий раз, и тогда все мертвые пробудятся к жизни.

— И кто же из людей восстанет первым из могилы? {246}

— Мухаммед, тот пророк, что в более поздние времена произойдет из числа потомков Измаила.

Сам Исафил и Гавриил, вместе с прочими ангелами, подойдут к его могиле в Медине и закричат: «О, ты, самая чистая и благородная из всех душ человеческих! Возвратись опять в свое безупречное тело и верни его к жизни вновь». Тогда он поднимется из могилы и отрясет прах со своей главы. Гавриил поприветствует его и укажет Мухаммеду на крылатого коня Борака, который будет стоять оседланным специально для него. Рядом будут находиться знамя и корона, которые Аллах пошлет Мухаммеду из рая. После этого ангел скажут ему: «Приди же к своему Господу и моему, ты, избранный из всех прочих творений! Сады Эдема празднично украшены ради тебя; прекрасные гурии ожидают тебя там с нетерпением!» Затем Гавриил усадит Мухаммеда на Борака, вставит ему в руку ниспосланное с небес знамя, и направит его в рай. Вслед за этим к жизни будет призвано и все остальное человечество. Всех воскресших людей соберут в Палестине, где соберется великий суд, который не будет принимать ни от кого никакого заступничества, кроме как от Мухаммеда. О, то будет страшный день, когда каждый из людей будет думать лишь о себе самом. Адам будет умолять: «О, Господи, спаси лишь мою душу! Мне уже не до Евы, и не до Авеля!» Ной будет вторить ему: «Господи, избави меня от ада, а с Хамом и Симом делай все, что захочешь!» Авраам тоже взмолится: «Не прошу Тебя ни за Измаила, ни {247} за Исаака, но молю лишь о моем собственном спасении!» Даже сам Моисей забудет про своего брата Аарона, и Христос забудет про Свою мать, настолько они все будут озабочены своей собственной судьбою. И никто, кроме Мухаммеда, не сумеет упросить Бога о милости для правоверных из числа людей. После этого всем воскресшим предстоит пройти по мосту «Сират». Этот мост состоит из семи отдельных пролетов, каждый из которых длиною в три тысячи лет пути. Мост этот узок, как лезвие меча, и тонок, подобно человеческому волосу. Первая треть его является восхождением, середина пути идет ровно, а последняя треть идет вниз. И только тот, кто сумеет успешно пройти по всем семи мостам, будет

допущен в рай. Все неверующие свалятся вниз в ад уже с первого пролета; те, кто был ленив в молитве, рухнут со второго; те, кто не озаботился быть в земной жизни благотворительным, упадут с третьего. Те, кто грешил, вкушая пищу во время праздника Рамазан (Рамадан), сорвутся с четвертого пролета; те, кто пренебрег паломничеством, упадут с пятого. Все, кто не поощрял в своей жизни добрых дел и не выказывал почтения праведникам, падут с моста на шестом пролете; а те, кто не предотвратил злых деяний — на седьмом.

— И когда же произойдет это воскресение?

— Это известно Одному лишь Аллаху; но с уверенностью можно утверждать только одно: оно не случится до пришествия Мухаммеда, последнего из всех пророков. Прежде него явится пророк Иса (Христос), происходящий из твоего собственного рода. Он будет проповедовать истинную веру, будет вознесен ввысь Аллахом, и будет рожден заново. Потом народы Яджуджа и Маджуджа сумеют разрушить стену, за которой {248} их закрыл Александр. Солнце взойдет на западе, и многие иные знамения будут предшествовать этому воскресению.

— Позволь мне пожить еще, до окончания строительства моего храма, ведь после моей смерти все джинны и духи сразу прекратят работу.

— Песок в часах твоей жизни уже весь пересыпался, и не в моей власти продлить твою жизнь еще хотя бы на секунду.

— Тогда следуй за мною в мой хрустальный зал!

Ангел смерти пошел вместе с Соломоном в тот зал, где стены были сделаны сплошь из хрусталя. Там Соломон встал на молитву. Он оперся на свой посох и попросил ангела забрать его душу в таком положении. Ангел смерти согласился; и смерть царя Соломона таким образом была сокрыта от всех духов в течение целого года, пока они не закончили строительство храма. Правда не обнаружилась, пока древесные черви не подточили посох, и тело Соломона не свалилось на землю вместе с переломившейся опорой. Тогда только все духи увидели, что царь мертв, и, в стремлении отомстить за то, что их целый год дурачили, натаскали всяких магических книг, спрятав их под тронем Соломона. Из-за этого многие верующие подумали, что их царь был колдуном. Но он был непорочным, чистым пророком от Бога, ибо в Коране написано: «Соломон не был из язычников, но духи были неверующими, проповедовавшими всякого рода волшебство». Царь же оставался лежать на полу, пока ангелы не отнесли его тело, вместе с чудодейственным кольцом, в пещеру, где им надлежит стеречь его до наступления дня воскресения.

НЕКОГДА в Палестине жил один человек по имени Амрам Ибн Масан, который дожил до глубокой старости, но не был благословлен потомством. Незадолго до его смерти жена Амрама Ханна помолилась Господу, чтобы Он не позволил ей умереть бездетной. Ее молитва была услышана; и когда она отяжелела, то дала обет, что посвятит своего будущего ребенка на служение Господу; однако вопреки ее ожиданиям у нее родилась дочь, которой Ханна дала имя «Мариам» (Мария). Женщина, естественно, сомневалась, может ли стать ее дочь служительницей в храме, примут ли ее туда, пока ангел не открыл ей: «Аллах принял произнесенную тобою клятву, хотя и знал задолго до нее, что у тебя родится не сын, а дочь. Более того, Он освятит твою дочь, равно как и сына, что у нее родится, и уберег их от прикосновения сатаны, который касается всех остальных детей, восприимчивых к греху от своего рождения (из-за чего также все дети громко кричат, когда появляются на свет)».

Эти слова утешили Ханну, чей муж скончался во время ее беременности. Как только она восстановилась после родов, то отвезла свою новорожденную дочь в Иерусалим, где отдала ее священнослужителям, как дитя, посвященное Аллаху. Захария, священник, чья жена приходилась родственницей Ханне, пожелал взять {250} этого ребенка к себе домой, но другие священники, сами стремившиеся к такой привилегии (ибо Амрам благодаря своей набожности пользовался среди них хорошей репутацией), воспротивились этому, и решили бросить между собой жребий, кому из них быть опекуном Марии. Таким образом, священники, всего двадцать девять человек, отправились на берег Иордана, и пустили в реку свои стрелы, договорившись, что девочку возьмет воспитывать тот, чья стрела поднимется на поверхность и останется лежать на воде. По воле Аллаха победа досталась все тому же Захарии, и тот немедленно оборудовал для Марии в храме небольшую келью, в которую никто кроме него не имел доступа. Но когда он принес девочке немного еды, то увидел, что она уже была сыта, и, несмотря на то, что была зима, перед нею находились отборные летние фрукты. На его вопрос, откуда она все это взяла, Мария ответила: «От Аллаха, который удовлетворяет нужды каждого согласно своей собственной воле, и дает каждому, вне зависимости от его трудов».¹ Когда Захария увидел это, {251} он поспешил вознести молитву Аллаху, моля явить чудо и для него, и благословить его сыном, несмотря на преклонный возраст. После чего Гавриил возвестил ему: «Аллах даст тебе сына, которого ты назовешь «Яхья» (Иоанн), и который будет нести свидетельство о Слове Божиим (Христе)». Захария, обрадованный этой новостью, поспешил к себе

¹ Общее отступничество церкви перекинулось на Аравию (где христианство было давно распространено повсеместно) еще задолго до появления Мухаммеда.

Множество ересей относительно «Троицы» и «Спасителя», поклонения святым и образам, лжеучений о будущем состоянии души и т. п. настолько прочно заполонили номинальную церковь этого региона, что трудно сказать, оставалась ли там хоть какая-нибудь крупинка от истинного учения Христа. К тому же специфичное почитание Девы Марии, как матери Божией, которую марианиты почитали за божество, и которой «свечепоклонники» приносили даже определенные жертвы, было распространенным явлением во времена Мухаммеда, и в равной степени и любопытно, и грустно отметить, как это идолопоклонство повлияло на него. — Э.Т.

домой, и рассказал о том, что ему поведал ангел, своей жене. Однако, поскольку ей было уже девяносто девять лет, и муж ее был стариком ста двадцати лет, то она лишь посмеялась над ним, так что вскоре и сам Захария начал сомневаться в исполнении этого обещания и попросил, чтобы Аллах подал ему какой-нибудь дополнительный знак.

— В наказание за твое неверие, — изрек ему Гавриил, — ты онемеешь на три дня, и пусть это послужит тебе тем знамением, о котором ты просил!

На следующее утро Захария как обычно собирался вести молитву, но не смог вымолвить ни единого звука, и только на четвертый день, когда его языку вернулась прежняя свобода, он вознес молитву Аллаху, чтобы Тот простил его и его жену.

Тогда раздался глас с небес, который возвестил: «Твой грех прощен, и Аллах дарует тебе сына, который превзойдет по своей чистоте и святости всех мужей своего времени. Да будет благословен он в день своего рождения, равно как и в дни своей смерти и воскресения».

В течение года Захария стал отцом ребенка, который {252} уже при рождении обладал святою и весьма почтенной наружностью. Теперь Захария делил свое время между своим сыном и Марией. И Иоанн в доме своего отца, и Мария в храме, росли, словно два прекрасных цветочка, на которых не могли нарадоваться все верующие. Оба ребенка ежедневно возрастали в мудрости и благочестии.

Однажды, когда Мария уже выросла и превратилась в девушку, к ней в келью, где в тот момент она пребывала в одиночестве, явился ангел Гавриил в образе человека.

Мария поспешно закрылась покрывалом и воскликнула: «О, Всемогущий! Помоги мне защититься от этого мужчины!»

Но Гавриил ответил: «Тебе нечего бояться меня: я посланник твоего Господа, Который пожелал возвысить тебя над всеми женщинами земли, и я пришел, чтобы открыть тебе Его волю. У тебя родится сын, которого ты назовешь Исою, “Благословенным”. Он начнет говорить раньше, чем все остальные дети, и будет прославлен, как в сем мире, так и в грядущем!»

— Как может у меня родиться сын, — отвечала испуганно Мария, — если я не познала мужчины?

— Тем не менее, будет так, — отвечал ей Гавриил. — Разве не сотворил Аллах Адама без отца и матери, просто по слову своему: «Да будет он!»? Твой сын будет знаком Его всемогущества, и как Его пророк наставит неверных сынов Израиля на путь праведности.

Когда Гавриил произносил эти слова, он приподнял {253} своим пальцем платье на груди Марии идохнул на нее.

После этого Мария бросилась бежать в поле, где она едва успела укрыться в иссохшем стволе финиковой пальмы, как разрешилась сыном. Тогда она

воскликнула: «О, пусть уж лучше я умру и буду предана забвению, чем, чтобы на меня пало подозрение в том, что я согрешила!»

Но тут Гавриил снова явился перед ней и сказал: «Ничего не бойся, Мария. Вот, смотри: Господь отверз источник свежей воды, пробивающийся из земли прямо у твоих ног, и бывший погибшим ствол, к которому ты прислонилась, уже весь в цвету, и свежие финики покрыли его иссохшие ветви. Ешь и пей, а когда насытишься, возвращайся к своему народу; и если кто-нибудь спросит тебя относительно твоего ребенка, ничего не отвечай, и предоставь свою защиту Ему».

Мария сорвала несколько фиников, которые на вкус оказались подобны подлинно райским фруктам, напилась из источника, чьи воды были словно молоко, и затем отправилась, неся ребенка на руках, к своей семье. Но все люди стали кричать ей вслед: «Эй, Мария, что же ты наделала? Ведь твой отец был так набожен, а твоя мать так добропорядочна!»

Мария вместо ответа показала им на свое дите.

Тогда изумились ее родственники: «Неужели этот новорожденный младенец ответит нам?»

На что Иисус сказал: «Не грешите, подозревая мою {254} мать. Аллах сотворил меня по своему слову, и избрал меня быть Его слугой и пророком».

Но, несмотря на все эти чудеса, сыны Израиля не поверили во Христа до тех пор, пока Он, достигнув зрелых лет, не возгласил им Евангелие, которое Аллах открыл Ему. Иисус подвергался насмешкам и издевательствам за то, что называл себя «Словом и Духом Аллаха», и все новые и новые чудеса, явленные им перед лицом всего народа, постоянно встречались израильтянами с сомнением.

Тогда Христос по воле Аллаха создал из глины птиц различных видов, и оживил их своим дыханием, так что они оказались в состоянии есть и пить, парить в вышине и пикировать вниз, как настоящие птицы.¹ Он исцелил в один день своей молитвою пятьдесят тысяч слепых и прокаженных, которым не в силах было помочь лечение лучших лекарей того времени. Он воскресил многих умерших, и те, вернувшись к жизни, снова женились и выходили замуж, рожали детей; он даже воскресил Сима, сына Ноя, который, однако, тут же снова умер. Но Иисус умел воскрешать не только тела умерших, но также и отдельные части тела и органы. Однажды во время своих странствований Иисус {255} нашел на берегу Мертвого моря какой-то череп, и Его ученики попросили, чтобы Он вернул его к жизни. Христос вознес молитву Аллаху, после чего повернулся к черепу и сказал: «Живи по воле Господа, и расскажи нам, как ты умер, что было с тобою в могиле, и каково тебе после смерти!»

¹ В оригинале говорится, что Христос был наделен способностью проричать людям, какую пищу они принимали, и какого рода запасы лежат у них в закромах. Вся эта легенда показывает, как сильно Мухаммед был введен в заблуждение теми, кто рассказывал ему о Господе Иисусе Христе. Однако если даже и с такой информацией он был в состоянии поверить, что Иисус был великим пророком, то не поверил бы он в Его божественность, если бы у него была возможность прочесть Евангелия?

И вот, череп, преобразившийся в живую голову, промолвил: «Знай же, о, пророк Аллаха, что около четырех тысяч лет назад после принятия ванны я заболел лихорадкой, которая, несмотря ни на какие старания лекарей, тянулась семь дней. На восьмой день я оказался уже до такой степени истощен, что все мои члены не переставали дрожать, а язык присох к горлу. Тогда ко мне явился ангел смерти в устрашающем обличье. Голова его доставала до неба, в то время как ноги находились в самом глубоком из ущелий земли. В своей правой руке он держал меч, а в левой — кубок, и его сопровождали десять других ангелов, которые, очевидно, были его слугами. При виде их я так громко завопил, что от моего крика все обитатели земли и небес должны были бы окаменеть; но ангелы бросились на меня и заткнули мне рот, а некоторые из них сдавили мне вены так, чтобы заставить мою душу выйти из тела. Тогда я взмолился: «О, высокочтимые духи, я готов отдать вам все, что у меня есть, за мою жизнь!» Но один из них так двинул меня по лицу, что едва не выломал мне челюсть, говоря: «О, враг Аллаха! Он не принимает выкупа». Затем ангел смерти приставил меч к моей глотке, {256} и поднес к моим губам кубок, который заставил меня выпить до дна, и это была моя смерть. Я потерял сознание, меня омыли, завернули в саван и похоронили; но когда мою могилу засыпали землей, моя душа вернулась в мое тело, и я ужасно испугался, будучи один-одинешенек в своем заточении. Но вскоре явились два ангела с пергаментом в руках. Они стали перечислять передо мною все добрые дела и все дурные дела, что я совершил, живя в этом теле, затем заставили меня записать их собственноручно и поставить под этой записью свою подпись; после чего ангелы подвесили этот свиток мне на шею и удалились. Вслед за ними явились два других темно-синих ангела, каждый из которых держал в руке по огненному столпу, одной искры из которых, если бы она упала на землю, хватило бы, чтобы сжечь ее дотла. Громовым голосом они спросили меня: «Кто твой Господь?!» Перепугавшись не на шутку, я совсем потерял свой разум, и сказал, дрожа от страха: «Вы — мои господа». Тогда они воскликнули: «Ты лжешь, презренный враг Аллаха!» и поразили меня ударом огненного столпа, от которого я полетел вниз до седьмой земли, но как только я возвратился в свою могилу, они сказали: «О, земля! Накажи человека, рискнувшего восстать против своего Господа!» Тотчас же земля обрушилась на меня так, что мои кости едва не стерлись в порошок, сказав: «О, Божий враг, я возненавидела тебя еще тогда, когда твои ноги попирали меня, но по милости Аллаха теперь пришло время моей мести, ведь отныне твои кости покоятся в моих недрах!» {257} Затем ангелы открыли одни из ворот ада, повелев: «Примите этого грешника, который не верил в Аллаха; сварите и сожгите его». После этого меня потащили в самый центр ада на цепи, которая была длинною в семьдесят локтей, и как только языки пламени сжигали мою кожу, на мне вырастала новая, но только лишь для того, чтобы заново подвергнуться этой пытке сжигания. В то же самое время я испытывал такие муки голода, что стал умолять о пище. Однако я смог получить лишь гнилой плод дерева «Сакум», который не только усугубил мой голод, но даже вызвал нестерпимую боль внутри и страшную жажду; а когда я попросил дать мне что-нибудь попить, то для меня не нашлось ничего другого, кроме кипящей воды, которую меня и заставили выпить. В конце концов, они сунули один конец цепи

мне в рот с такой силою, что тот вышел наружу из моей спины, и приковали меня за руку и за ногу».

Слушая эту историю, Христос заплакал от жалости, но попросил, чтобы череп описал ад более подробно.

— Знай же, — продолжал череп, — о, пророк Аллаха, что ад состоит из семи уровней, один под другим. Самый верхний уровень предназначен для лицемеров, второй — для иудеев, третий — для христиан, четвертый — для чародеев, на пятом обитают те, кто называл пророков лжецами, шестой заполнен идолопоклонниками, и седьмой оставлен специально для грешников из народа пророка Мухаммеда, который должен явиться в более поздние времена. Вот этот самый последний из упомянутых, {258} седьмой уровень, наименее ужасен, и попавшие туда грешники еще смогут спастись через заступничество Мухаммеда; на остальных же уровнях пытки и страдания так велики, что если бы ты, о, пророк Аллаха, мог лишь глянуть на них, то зарыдал бы от сострадания к ним, словно мать, потерявшая своего единственного ребенка. Внешняя сторона ада отлита из меди, внутренняя же его сторона сделана из свинца. Его пол — это наказание, а потолком ему служит гнев Всемогущего. Его стены из огня, но не светлого и сверкающего, а черного пламени, распространяющего спертое, отвратительное зловоние, ведь этот огонь питается грешными людьми и идолами.

Христос долго плакал, а затем спросил, к какой семье принадлежал обладатель этого черепа, в тот время, когда был жив.

Тот отвечал Ему: «Я был потомком пророка Илии!»

— И чего же ты желаешь сейчас?

— Чтобы Аллах воскресил меня к жизни, чтобы я мог послужить Ему со всей душой так, чтобы в один день оказаться достойным рая!

Христос вознес молитву Аллаху: «О, Господь, Ты знаешь этого человека и Меня, лучше, чем мы сами знаем себя, и Ты всемогущ».

Тогда Аллах ответил Ему: «Я уже давно решил дать ему то, чего он желает; с учетом того, разумеется, что он обладал многими достоинствами и был особенно щедр к нищим. Он может вернуться в мир благодаря Твоему заступничеству; и если впредь будет служить Мне верой и правдой, то все его грехи будут прощены». {259}

Христос повелел черепу: «Стань же опять целым человеком благодаря всемогуществу Бога!» И в то время, когда эти слова еще слетали с Его губ, череп обратился в мужчину, который был на вид более цветущим, чем в своей прежней жизни. Обратившись к жизни, мужчина воскликнул: «Я признаю, что есть только один Бог, и что Авраам был Ему другом; что Моисей видел Его лицом к лицу, а Иса — Его дух и слово, и что Мухаммед предстоит стать Его последним и величайшим посланником. Кроме того, я признаю, что воскресение так же реально, как смерть, и что рай и ад действительно существуют».

Этот мужчина прожил шестьдесят шесть лет после своего воскресения, он проводил дни в посте, а ночи в молитве; не уклонившись ни на один миг от служения Господу до самой своей смерти.

Но чем больше чудес являл Христос перед лицом своего народа, тем больше становилось неверие иудеев; ибо все, чего они не могли постичь, они принимали за чародейство и обман, вместо того, чтобы увидеть в этом подтверждение Его божественной миссии. Даже двенадцать апостолов, которых Он избрал, чтобы проповедовать новое учение, оказались нестойкими в своей вере, и попросили Его однажды сделать так, чтобы покрытый яствами стол спустился с небес!

— Вам будет дан стол, — раздался глас с небес, — но того из вас, кто и после этого не оставит своего неверия, постигнет страшная кара.

После этих слов с небес опустились два облака {260} с золотым столом, на котором находилось накрытое серебряное блюдо.

Многие из присутствовавших при этом израильтян воскликнули: «Да это же чародей! Что еще за новый фокус он нам здесь покажет?» Но эти насмешники были тут же обращены в свиней. И, увидев это, Христос взмолился: «О, Господь! Позволь этому столу вести нас ко спасению, а не к гибели!» Затем он обратился к своим апостолам: «Пусть большой среди вас встанет и откроет это блюдо». На что Симон, старший из апостолов, возразил: «Господи, Ты — самый достойный из нас дабы узреть эту небесную пищу первым». Тогда Христос омыл свои руки, снял покрывало и, сказав: «Во имя Аллаха!», взглянул на блюдо, где увидел большую запеченную рыбу без костей и чешуи, от которой шел такой аромат, как от лучших плодов из райского сада. Вокруг рыбы лежали пять небольших хлебов, и на самой рыбе — соль, перец и другие специи. «Дух Аллаха, — молвил Симон, — скажи, эти яства из этого мира или из того?» Но Христос ответил: «Разве оба этих мира и все, что в них находится, не творения рук Господа? Принимайте все, что Он дарует вам, с благодарными сердцами, и не спрашивайте, откуда что взялось! Но если вид этой рыбы не достаточно чудесен для вас, вы узрите еще большее знамение». Затем, обернувшись к рыбе, он приказал ей: «Живи! по воле Господа!» После этих слов рыба начала шевелиться и задвигалась, так что все апостолы в страхе разбежались. Но Христос призвал их {261} обратно, укорив: «Почему же вы бежите от того, чего сами желали?» Затем Он вновь обратился к рыбе: «Стань снова тем, чем ты была прежде!» Рыба тотчас приобрела такой вид, какой у нее был, когда она спустилась с небес. Тогда ученики попросили Христа, чтобы Он отведать ее первым, но Тот отвечал: «Я не желал ее; тот, кто хотел ее, пускай теперь ее и ест!» Ну, а когда ученики отказались от рыбы, посчитав, что их желание было грешно, Христос позвал многих стариков, глухих, слепых, немощных и хромым, и пригласил их отведать этого яства. На зов явились тринадцать сотен людей, которые ели и насытились; но когда один кусок отрезался от рыбы, на его месте сразу же отрастал другой, так что она всегда оставалась целой, словно к ней никто и не притрагивался. Поев рыбы, гости не только насытились, но и излечились от всех своих недугов. Пожилые помолодели, слепые прозрели, к глухим вернулся слух, немые заговорили, и хромые вновь обрели здоровые конечности. Когда апостолы увидели эти чудеса, то пожалели о своем отказе попробовать рыбу; точно так же и все, кто смотрел на этих исцеленных и помолодевших людей, сожалели,

что не приняли участие в трапезе. И потому, когда, по молитве Христа такой же стол снова спустился с небес, весь народ, молодые и старые, богатые и бедные, больные и здоровые, поспешили к нему, чтобы отведать небесных яств. Это чудо длилось в течение сорока дней. На восходе дня {262} стол зарождался в облаках и опускался перед лицом сынов Израиля, а перед каждым закатом он соответственно поднимался вверх, пока не растворялся за облаками. Но, когда, несмотря на все это, многие все еще сомневались, действительно ли стол спускался с небес, Христос помолился, чтобы он больше не возвращался, и предостерег всех неверующих о наказании Господнем. Как бы то ни было, в сердцах апостолов рассеялись все сомнения относительно миссии их Господа, и они разбрелись кто группами, кто поодиночке по всей Палестине, проповедуя веру в Аллаха и Его пророка Христа. Они говорили и о новом откровении, разрешавшем отныне употреблять в пищу множество тех продуктов, которые были ранее запрещены сынам Израиля. Однако когда Христос захотел послать учеников в дальние страны для проповеди своего Евангелия, те отказались, сославшись на незнание иностранных языков. Христос пожаловался Господу на непослушание своих учеников; и вот, на следующий день все они позабыли родной язык, и каждый заговорил на языке того народа, куда Христос намеревался его послать. Таким образом, у них больше не было причин не подчиняться Его повелениям.

Но, несмотря на то, что истинная вера нашла многих приверженцев за пределами Палестины, ненависть сынов Израиля и особенно священнослужителей и старейшин по отношению ко Христу ежедневно увеличивалась, пока, в конце концов, их злоба не достигла такого предела, что, когда Христос достиг тридцати трех лет, {263} они решили убить Его. Однако Аллах разрушил их планы, и вознес Его к себе на небеса, в то время как другой человек, которого Аллах сделал как две капли воды похожим на Него, был предан смерти вместо Христа.

Дальнейшие подробности последних мгновений из жизни этого пророка по-разному трактуются учеными богословами, но большинство из них склоняется к следующей версии:

Вечером накануне праздника Пасхи иудеи, сговорившись, схватили Христа вместе со всеми Его апостолами, и заперли их в одном доме, намереваясь на следующее утро принародно предать Иисуса казни. Однако в эту ночь Аллах явился Ему со словами: «Ты примешь смерть от Меня, но тотчас же воскреснешь на небесах, и будешь освобожден от власти неверующих». Христос отдал Богу свой дух, и в течение трех часов оставался мертвым. В четвертом часу ангел Гавриил явился к Нему, и вынес Его без сознания на небеса через окно. Но один из неверующих иудеев, который тайком пробрался в этот дом, чтобы следить за арестованными и не дать возможности Христу бежать, внезапно сделался настолько похожим на него, что даже апостолы приняли несчастного за своего пророка. И как только наступил рассвет, вот этого-то самого мужчину заковали в цепи и повели по улицам Иерусалима, так что каждый выкрикивал ему в лицо: «Эй! Разве ты не можешь воскресать из мертвых? Что ж ты, не в силах даже сбросить своих оков?» Многие кололи его розгами с колючими шипами, другие плевали ему в лицо, {264} пока, в конце концов, он не прибыл на место казни, где его должны были распять, ибо никто не и предположить, что это был не Христос.

Но когда Мария, едва не скончалась от горя из-за позорной смерти своего предполагаемого сына, Христос показался ей, сошедши для этого с небес, и сказал: «Не печалься обо мне, ибо Аллах взял Меня к себе, и в день воскресения мы опять будем вместе. Утешь Моих учеников, и скажи им, что Мне хорошо на небесах, и что они тоже займут место рядом со Мною, если останутся твердыми в вере. В будущем, при приближении последних дней, Я снова буду послан на землю, чтобы убить лжепророка Даджала и дикого вепря (оба из которых принесут огромные страдания всему свету), после чего наступит такой мир и единение, что ягненок и гиена будут питаться рядом друг с другом, словно брат с сестрою. **Затем я сожгу Евангелие, извращенное неверными священниками, и те кресты и распятия, которым они будут служить как богам,** и подчиню весь мир учению Мухаммеда, который будет послан в последующие времена». После этого Мария прожила еще шесть лет в вере в Аллаха и Христа ее сына и пророка Мухаммеда, которого и Христос, и до Него Моисей, оба провозглашали.

Да пребудет мир Аллаха со всеми ими!

КОНЕЦ.